

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Biogr. C. 435 (2)

12: Xerokopie
Gründer

<36606602760013

<36606602760013

Bayer. Staatsbibliothek

~~4326~~
2438
—
63

БІОГРАФІИ

РОССІЙСКИХЪ

ГЕНЕРАЛИССИМУСОВЪ

И

ГЕНЕРАЛЪ - ФЕЛЬДМАРШАЛОВЪ.

690

1938

1938
1938
1938

1938

501
(Ванкуъ-Каменискій, Дмит. Ник.)

БІОГРАФІИ

РОССІЙСКИХЪ

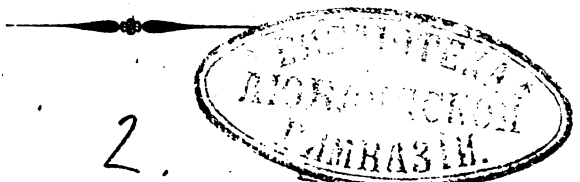
2438.
VIII. 64.

ГЕНЕРАЛІССИМУСОВЪ

И

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛОВЪ.

СЪ 48 ПОРТРЕТАМИ.

2.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ТРЕТЬЕГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕРСТВА
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

1840.

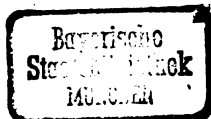
A/62/944

92

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. —
С. Петербургъ, Апрѣля 23 дня 1840 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

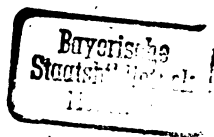

Вис. Гр. Улановъ.

Графъ Алексѣй Петровичъ

ВЕСШУЖЕВЪ - РЮНИЦЪ.

Липов. Толева.

24-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ
БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

=

Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ (*)
одинъ, изъ Генералъ-Фельдмаршаловъ Россійскихъ,
получилъ это достоинство не предводительствуя ни

(*) Бестужевы-Рюмины происходятъ отъ древней Англійской фамилии Графства Кѣнтскаго. Предокъ ихъ, Гавриилъ *Бестъ* выѣхалъ въ Россію въ 1403 году; сынъ его, Яковъ *Рюма*, писавшійся *Бестужевымъ*, получилъ отъ Великаго Князя Іоанна Васильевича Боярство и городъ Серпейскъ; внукъ, Василій Яковлевичъ, служилъ Окольниковымъ. — Въ 1701 году велѣно Бестужевымъ, по прозванію ихъ прародителя *Бестужа*, писаться *Бестужевыми-Рюмиными*. — Изъ 1-й части Гербовника.

когда войсками и, даже, не находясь въ спискѣ военномъ.

Онъ родился въ Москвѣ 22 Мая 1693 года. Отецъ его, Петръ Михайловичъ, одаренный великимъ умомъ и, вмѣстѣ, гордый, чрезвычайно корыстолюбивый, занималъ разныя почетныя должности: былъ Воеводою въ Симбирскѣ (1701 г.); ѣздилъ въ Вѣну и въ Берлинъ съ разными порученіями (1705 г.); служилъ, потомъ, Генераль Кригсъ-Цалмейстеромъ, Оберъ-Гофмейстеромъ (съ 1712 г.) у вдовствовавшей Герцогини Курляндской Анны Іоанновны; награжденъ чиномъ Тайнаго Совѣтника (1726 г.); терпѣлъ гоненія отъ сильнаго Меншикова за преданность къ славному Морицу Саксонскому, желавшему быть Герцогомъ Курляндскимъ; семь лѣтъ находился въ ссылкѣ (съ 1730 по 1737) преслѣдуемый Бирономъ, которому прежде покровительствовалъ; освобожденъ за *вѣрную службу сыновей*; получилъ, съ ними, Графское достоинство отъ Императрицы Елисаветы въ 1742 году, не задолго до своей кончины.

Алексѣй Петровичъ, на шестнадцатомъ году отъ рожденія, отправленъ Петромъ Великимъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, Михаиломъ Петровичемъ, сначала въ Копенгагенъ, гдѣ учился въ тамошней Академіи; потомъ (1710 г.) въ Берлинъ. Въ последнемъ городѣ оказалъ онъ отличные успѣхи въ наукахъ, равно въ языкахъ Латинскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ и, будучи только девятнадцати лѣтъ, определенъ Дворяниномъ Посольства на конгрессъ въ Утрехтъ, поступилъ подъ начальство знаменитаго дипломата того времени Князя Бориса Ивановича

Куракина (1712 г.) (*). Находясь въ Ганноверъ, Бестужевъ-Рюминъ умомъ и ловкостію обратилъ на себя вниманіе Курфюрста Георга-Лудовика, и, съ согласія Петра Великаго, причисленъ въ 1713 году къ Ганноверскому Двору Камеръ-Юнкеромъ съ жалованьемъ по тысячи талеровъ въ годъ. Векоръ скончалась Англійская Королева Анна (1714 г.). Курфюрстъ, наследовавъ ей подъ именемъ Георга I-го, возложилъ на Бестужева-Рюмина лестное Посольство въ Россію. Государь чрезвычайно обрадовался, увидѣвъ своего подданнаго въ службѣ иностранной въ почетномъ званіи Министра, щедро одарилъ его и, по протешствіи трехъ лѣтъ, отозвалъ отъ Двора Великобританскаго (1717 г.).

(*) Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, гвардіи Семеновскаго полка Подполковникъ и ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго кавалеръ, явилъ опыты своей храбрости подъ Азовомъ (1696 г.), Нарвою (1704 г.) и Полтавой (1709); но болѣе сдѣлалъ свое имя извѣстнымъ на дипломатическомъ поприщѣ: былъ Полномочнымъ Министромъ въ Римѣ и въ Венеціи (1707 г.); въ Ганноверъ и Брауншвейгъ (1709 г.); въ Лондонъ (1710 г.); въ Гагъ (1711 г.); сопутствовалъ Петру Великому во Францію; пожалованъ Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ въ Парижъ (1724 г.); скончался въ этомъ городѣ 1727 года, на 51 отъ рожденія. — Онъ былъ женатъ на родной сестрѣ Царицы Евдокіи Феодоровны (мерсы супруги Петра Великаго), Алекснѣѣ Феодоровнѣ Лопухиной.

Сначала Бестужевъ поступилъ Оберъ-Камеръ-Юнкеромъ къ вдовствовавшей Герцогинь Курляндской, въ 1718 году, но черезъ два года, опредѣленъ въ Данию Резидентомъ. Здѣсь имѣлъ онъ случай приобрести особое благоволеніе Петра Великаго посредствомъ великолѣпнаго праздника, даннаго имъ 1 Декабря 1721 года, всѣмъ иностраннымъ Министрамъ и первѣйшимъ чинамъ Королевства. Передъ домою его были поставлены прозрачныя картины, представлявшія съ одной стороны бюстъ Петра Великаго, съ другой слѣдующую Латинскую надпись: *Шестнадцатъ лѣтъ ознаменовавъ подвигами, затмившии дѣянїя Геркулеса, Онъ заключилъ 30 Августа 1721 года славный миръ въ Нейштадтѣ, заставивъ безмолствовать зависть и даровавъ Сѣверу давно ожидаемое спокойствіе.*—Такою-же надпись велѣлъ Бестужевъ выбить въ Гамбургѣ на медали съ изображеніемъ Обладателя Россіи; ибо на монетномъ Дворѣ Королевскомъ не согласились чеканить оную, находя предосудительнымъ для Государства выраженіе: *Сѣверу даровалъ спокойствіе.* Со всѣмъ тѣмъ Бестужевъ, къ удивленію посѣтителей и къ досадѣ многихъ изъ нихъ, роздалъ имъ медаль 1 Декабря. Лишь только Государь, находившійся тогда въ Персіи, осведомился объ этомъ похвальномъ подвигѣ, основанномъ на любви къ Отечеству, немедленно благодарилъ Алексѣя Петровича собственноручнымъ письмомъ и вслѣдъ за тѣмъ пожаловалъ ему портретъ свой, осыпанный брилїантами, для ношенія на груди; а во время коронованія Екатерины I-й, въ 1724 году, произвелъ его въ Дѣйствительные Камергеры.

Съ кончиною Петра Великаго, Бестужевъ лишился надежды и награды: сильный Меншиковъ наложилъ на него тяжкую руку, мстя за отца его, державшаго противодѣйствовать ему въ Курляндіи. Тщательно просилъ онъ увеличить получаемое имъ жалованье, переименовать его, за *семилѣтніе при Датскомъ Дворѣ труды*, Чрезвычайнымъ Посланникомъ. Участь Бестужева не переѣнилась къ лучшему, когда начала царствовать Императрица Анна Іоанновна, руководимая Бирономъ: изъ Копенгагена переѣщенъ онъ, 1-го Февраля 1731 года, Резидентомъ же въ Гамбургъ и въ Нижній Саксонскій Округъ, и только въ слѣдующемъ году, вѣроятно, по ходатайству своего брата, пожалованъ Чрезвычайнымъ Посланникомъ. Михаилъ Петровичъ находился въ этомъ почетномъ званіи въ Пруссіи, гдѣ, къ удовольствію нашего Двора, примирилъ Короля Фридриха Вильгельма съ Крон-Принцемъ (въ послѣдствіи Фридрихомъ Великимъ), котораго жестокосердый отецъ заключилъ въ крѣпость и предалъ военному суду за предпринятое имъ путешествіе безъ его согласія.— Тогда Алексій Петровичъ ѣздилъ въ Киль, осматривалъ Архивы Герцога Голштинскаго и вывезъ потомъ въ С. Петербургъ множество любопытныхъ бумагъ, въ томъ числѣ духовную Императрицы Екатерины I-й, документъ весьма важный для Анны Іоанновны, составленный въ пользу потомковъ Петра Великаго (*).

(*) «Ежели—сказано въ духовномъ завѣщаніи Екатерины— «Великій Князь (Петръ II) скончается безъ наследниковъ, то послѣ него вступаетъ на Престолъ Герцо-

Въ исходъ 1734 года Бестужевъ переведенъ снова въ Дашю; при этомъ случаѣ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго. Счастіе по прежнему начинало служить ему; ибо онъ умѣлъ въ послѣднюю бытность свою въ столицѣ приобрести любовь Бирона—ласкательствомъ, поклонами. Не успѣвъ Бестужевъ прѣхать въ Копенгагенъ, какъ акредитованъ былъ въ чинъ Посланника и при Нижнемъ Саксонскомъ Округѣ, пожалованъ въ 1736 году Тайнымъ Совѣтникомъ, а въ 1740, Марта 25, Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, съ повелѣніемъ явиться къ Высочайшему Двору для присутствования въ Кабинетѣ. Нуженъ былъ Бирону человекъ съ хитростію и умомъ Алексѣя Петровича, для умаленія власти Графа Остермана. Онъ не ошибся въ своемъ выборѣ: Бестужевъ содѣйствовалъ въ назначеніи его Регентомъ Имперіи во время малолѣтства Юанна Антоновича и когда составился заговоръ противъ Бирона, совѣтовалъ ему принять надлежащія мѣры; но властолюбецъ, ослѣпленный счастіемъ, доверилъ участь свою тайному врагу, Фельдмаршалу Графу Миниху: арестованъ имъ, 8 Ноября 1740 года. Съ паденіемъ Бирона пострадалъ преданный ему Бестужевъ, заключенный также въ крѣпость Шлиссельбургскую.

«гиня Голштинская Анна Петровна (Родительница «Петра III), потомъ Цесаревна Елисавета Петровна, «и наконецъ Великая Княжна Наталія Алексѣевна (Сестра Петра II) съ ихъ потомствами, такъ однако, что «бы мужское колено имѣло преимущество предъ женскимъ.»

Дана имъ оная статья: «Несправедливо обвинилъ «я Герцога — сказалъ Бестужевъ, увидявъ его — «врушу господъ Крнгеръ-Коммисаровъ взнести слова «мон въ протоколъ: торжественно объявляю, что однъ «только угрозы, жестокое обращеніе со мною и объ- «щаніе свободы Фельдмаршалоу Минихомъ, если я «буду лжесвидѣтельствовать, могли исхитить гнусную «клевету, отъ которой нынѣ отказываюсь!» — Ста- «рались запутать его, но не успѣли: онъ совершенно «справдался, получилъ свободу, лишился только дол- «жностей.

Вскорѣ Императрица Елисавета вступила въ на- «слѣдственные права (1741 г.). Бестужевъ, тотчасъ, «вырлся въ сердце Лейбъ-Медика Ея, Лестока, глав- «наго виновника событія 25 Ноября, пользовавшагося «особою довѣренностію Государыни. Онъ началъ за- «щищать онаднаго; исходатайствовалъ ему (30 Ноя- «бря) орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, «званія Сенатора, Главнаго Директора надъ почтами «и (12 Декабря) Вице-Канцлера; но Елисавета, зная «властолюбивый нравъ Бестужева, сказала тогда Ле- «стоку: *ты не думаешь о послѣдствіяхъ; связываешь для «себя пукъ розогъ* (*). Вслѣдъ за тѣмъ, Алексій Пе- «тровичъ испросилъ отцу своему (25 Апр. 1742 г.) «Графское достоинство Россійской Имперіи, съ рас- «проураненіемъ онаго на его потомство; возведенъ «(1744 г.) въ Государственные Канцлеры; получилъ «Лифляндскій замокъ Венденъ съ 63 гаками.

(*). См. о Лестоку въ первой части, въ біографіи *Гене- «рала-Фельдмаршала Апраксина.*

Достигнувъ въ короткое время высшихъ почестей, и не имѣя совѣстниковъ, Графъ Бестужевъ-Рюминъ шестнадцать лѣтъ управлялъ кормиломъ Государства. Преданный душою Кабинету Вѣнскому, любя Англію и питая ненависть къ Пруссіи и Франціи, онъ былъ главнымъ виновникомъ Ахенскаго мира въ 1746 году и разорительной войны противъ Фридриха Великаго, стоившей Россіи болѣе трехъ сотъ тысячъ человекъ и тридцати милліоновъ рублей. Наслѣдникъ Престола, Великій Князь Петръ Феодоровичъ, ревностный почитатель Короля Прусскаго, ненавидѣлъ Бестужева и не скрывалъ своихъ чувствъ; не могъ простить ему, что онъ исхитилъ изъ Архива Голштинскаго духовную Екатерины I-й. Бестужевъ, съ своей стороны, отзывался невыгодно о Наслѣдникѣ и когда родился Павелъ Петровичъ, вздумалъ лишить родителя его законныхъ правъ и упрочить ихъ за Цесаревичемъ, подъ опекунствомъ Екатерины. Тяжкая болѣзнь, постигшая Императрицу въ 1757 году, представила Бестужеву случай исполнить отважное намѣреніе: полагая, что Елисавета находится на смертномъ одрѣ, онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы войска наши бывшія въ Пруссіи, ускорили обратнымъ походомъ въ Россію и, между тѣмъ, не выѣзжалъ изъ Царскаго Села, умолялъ безпрестанно Императрицу отстранить Наслѣдника отъ Престола, представляя: *что Петръ помрачить въ послѣдствіи славу Ея царствованія*. Хитрый Министръ руководствовался собственною пользою: не надѣясь властвовать при Петрѣ, полагалъ долго еще управлять Россіею во время малолѣтства Авгу-

стѣйшаго Сына Его; но права Наслѣдника защищалъ Пастырѣ, украшенный добродѣтельною жизнію и строгими правилами, гремѣвшій на каедрѣ, въ присутствіи Высочайшаго Двора, противъ льстецовъ и себялюбцевъ — Димитрій Сѣменовъ, Архіепископъ Новгородскій. Онъ далъ полезный совѣтъ Великому Князю отклонить угрожаемую опасность, не дожидать одра больной Императрицы.

Побѣдитель при Гросъ-Эгерсдорфѣ исполнилъ волю перваго Министра; Россіяне отступили (*); Елисавета освободилась отъ болѣзни и велѣла арестовать Бестужева за самовольный поступокъ, лишила его, 27 Февраля 1758 года, чиновъ и знаковъ отличій. Алексій Петровичъ безпрекословно возвратилъ Государынѣ ленты, носимыя многими; но не отдалъ портрета Петра Великаго, сказавъ: что *не разстанется съ нимъ*. Старанія его оправдаться остались тщетными: главнымъ доносителемъ былъ Камергеръ Брокдорфъ, любимецъ Наслѣдника. Въ слѣдующемъ году Бестужевъ приговоренъ къ *отсѣченію головы*. Императрица сослала его на заточеніе въ одну изъ деревень, ему принадлежащихъ, не лишивъ имѣнія. Онъ выбралъ постояннымъ пребываніемъ село, находящееся въ ста двадцати верстахъ отъ Москвы, названное имъ *Горетовымъ*. Въ изданномъ Манифестѣ о преступленіяхъ бывшаго Канцлера, означено, между прочимъ, что *вѣльно ему жить въ деревнѣ надъ карауломъ, дабы другіе были охранены отъ уловленія*

(*) См. *біографію Генералъ-Фельдмаршала Апраксина*, въ первой части.

мерзкими усмирёнами состарьшагося съ нмъ злодѣя.

Долго Бестужевъ обиталъ въ дынной избѣ, нося соответственную ей одежду, отстривъ бороду; наконецъ дозволено ему было построить домъ, названный нмъ *обителью печали*. Въ немъ лишился онъ своей супруги, скончавшейся 15 Декабря 1761 года, и перенесъ этотъ ударъ съ твердостию христианина, утѣшая себя чтеніемъ Священнаго Писанія. Ссылка его продолжалась до возшествія на Престолъ Императрицы Екатерины II-й (1762 г.): Она освободила Министра, Ею уважаемаго, пригласила его въ С. Петербургъ: возвратила ему ордена (*) и всѣ чины, со старшинствомъ службы и переименовала въ Генералъ-Фельдмаршала (3 Іюля). Канцлеромъ, въ то время, былъ (съ 1758 г.) Графъ Михаилъ Ларионовичъ Воронцовъ.

Бестужевъ просилъ о переслѣдованіи его дѣла. Комиссія совершенно оправдала его. Обнародованъ Манфестъ, въ которомъ Екатерина, защищая дѣйствія Елисаветы, слагала всю вину на клеветниковъ, во зло употребившихъ довѣренность Монархини. Сверхъ получаемаго жалованья по званію Фельдмаршала и Сенатора, Графу Алексію Петровичу опредѣлена еще ежегодная пенсія, двадцать тысячъ руб-

(*) Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, кромѣ орденовъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и Св. Александра Невскаго, имѣлъ еще Польскій Бѣлаго Ора, полученный нмъ въ 1740 году. — Наслѣдникъ возложилъ на него, въ 1763 г., Голштинскій орденъ Св. Анны.

лей; но онъ уволень, во уваженіе преклонныхъ лѣтъ, отъ занятій военныхъ и гражданскихъ и тщетно старался, 1764 года, вмѣшаться въ назначеніе Короля Польскаго. Современникъ Петровъ, испытавшій столько переворотовъ въ жизни своей, не оставался празднымъ; напечаталъ въ Москвѣ 1763 года сочиненную имъ въ сѣлкѣ книжку подъ заглавіемъ: *Утѣшкіе Христіанина въ несчастіи, или стихи, избранные изъ Священнаго Писанія, съ предисловіемъ Гавріила Петрова, Ректора Московской Академіи, въ послѣдствіи Митрополита Новгородскаго. Отдавая справедливость непоколебимой твердости Графа Бестужева-Рюмина въ несчастіи, Гавріилъ упоминаетъ въ предисловіи: что одно только упованіе на Всемогущаго можетъ утѣшать человека во время испытаній и что Священное Писаніе есть источникъ всѣхъ утѣшеній.* Эту самую книжку, Графъ Бестужевъ напечаталъ потомъ въ С. Петербургѣ на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ; на одномъ Нѣмецкомъ въ Гамбургѣ и на Шведскомъ въ Стокгольмѣ. Она переведена и на Латинскій языкъ Преосвященнымъ Гавріиломъ. Серхъ сего, вельмъ Бестужевъ выбилъ и дарилъ своимъ знакомымъ слѣдующія золотыя и серебряныя медали: 1) на Нейштэдскій миръ, заключенный въ 1721 году (*); 2) по случаю постигшаго его несчастія 1757 года: съ одной стороны представленъ его портретъ съ Латинскою надписью вокругъ; съ другой двѣ скалы, среди волнующагося моря, надъ которымъ изъ мрачныхъ тучъ блестятъ

(*) См., выше, описаніе этой медали.

молнія, льется проливной дождь и вмѣстѣ съ противоположной стороны показываются лучи солнечные съ надписью: *immobilis in mobili* (*); внизу помещена другая надпись, какую употреблялъ онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ на печатяхъ: *semper idem* (**); 3) третья медаль, выбитая въ 1764 году на скорую его кончину, изображала третье (***) и послѣднее торжество его надъ единственнымъ врагомъ, у него оставшимся: на оборотъ портрета предетавлена, среди пальмовыхъ деревь, на возвышеніи, гробница съ гербомъ Графа Бестужева; подлѣ оной съ правой стороны Религія, держащая въ одной рукѣ распятіе; въ другой пальмовую вѣтвь, наклоненную къ гробницѣ; съ лѣвой: твердость, облокотившаяся лѣвою рукою на столпъ и держащая въ правой лавровый вѣнокъ надъ гробницею. Вверху помещена слѣдующая Латинская надпись: *Tertio triumphat* (****); внизу: *Post duos in vita de inimicis triumphos de morte triumphat A. M. D. C. C. L. X aetat* (*****). — Предчувствіе его не обмануло: послѣ жестокихъ страданій, три недѣли продолжавшихся, онъ скончался отъ каменной болѣзни, 10

(*) *Неподвижный среди движеній.*

(**) *Всегда одинаковъ.*

(***) *Первымъ торжествомъ считалъ Бестужевъ постигшее его несчастье въ 1740 году.*

(****) *Въ третій разъ торжествуетъ.*

(*****) *Послѣ двухъ торжествъ въ жизни надъ врагами, торжествуетъ надъ смертію 176.. года.*

Апрѣля 1766 года, на семьдесятъ третьемъ своей многотрудной жизни.

Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ съ обширнымъ, разборчивымъ умомъ, приобрѣлъ долговременною опытностію навыкъ въ дѣлахъ Государственныхъ, былъ чрезвычайно дѣятеленъ, отваженъ; но вмѣстѣ гордъ, честолюбивъ, хитръ, пронырливъ, скупъ, мстителенъ, неблагодаренъ, жизни невозддержной. Его болѣе боялись, чѣмъ любили. Императрица Елисавета ничего не рѣшала безъ его мнѣнія. Онъ умѣлъ сдѣлаться для Нее необходимымъ; повелѣвалъ не только Сановниками Ея, но и приближенными; первый завелъ тайную переписку, подъ названіемъ *секретной корреспонденціи*, посредствомъ которой наши Министры, находившіеся въ чужихъ краяхъ, сообщали ему, кромѣ обыкновенныхъ извѣстій, свои догадки, мнѣнія, пересказы и народную молву. Онъ извлекалъ изъ этихъ свѣдѣній, что хотѣлъ для донесенія Елисаветѣ и, такимъ образомъ, направлялъ мысли Ея въ пользу и противъ иностранныхъ Державъ. Виновникъ его возвышенія, Лестоковъ, которому онъ клялся въ неизмѣнной дружбѣ, былъ имъ очерченъ во мнѣніи Императрицы за то, что осмѣлился вмѣшиваться въ дипломатическія дѣла и переписывался съ Фридрихомъ Великимъ; преданъ суду (1748 г.), лишенецъ чиновъ, имѣнія, тринадцать лѣтъ томился въ изгнаніи. Присвоивъ себѣ власть располагать Престоломъ, Бестужевъ желалъ быть, по кончинѣ Елисаветы, Подполковникомъ четырехъ гвардейскихъ полковъ и Предсѣдателемъ трехъ Коллегій: Военной,

Адмиралтейской и Иностранной. Тѣсная дружба соединяла его съ Фельдмаршаломъ Апраксинимъ. Бестужевъ надѣялся на армію. Главнымъ врагомъ его и виновникомъ паденія (кромя Великаго Князя, Трубецкаго и Шуваловыхъ) былъ Маркизь Лопиталь, Французскій Чрезвычайный и Полномочный Посоль въ Россіи (1757 — 1761 г.), Генераль-Поручикъ и кавалеръ Св. Духа, который пользовался особымъ благоволеніемъ Императрицы и въ день возшествія на Престолъ стоялъ, во время обѣденнаго стола, за *Ея стуломъ съ тарелкою* (*). Онъ описалъ Бестужева Государынѣ самыми черными красками, какъ чловѣка опаснаго по своимъ замысламъ.

Бестужевъ, женатый на Нѣмкѣ, покровительствовалъ ей единовѣрцамъ. Лютеранская церковь въ С. Петербургѣ, во имя Св. Петра и Павла, обязана ему многими богатыми приношеніями; въ Москвѣ сооружена имъ церковь у Арбатскихъ воротъ во имя Бориса и Глѣба, за два года передъ его кончиною, какъ будто для очищенія совѣсти. — Въ Медицинѣ извѣстны капли, изобрѣтенныя Бестужевымъ.

Онъ имѣлъ отъ сунруги своей, Анны-Екатерины, рожденной Беттигеръ (**), сына, Графа Андрея Але-

(*) Изъ *Записокъ Порошина*. См. тамъ 14 Октября 1764 года.

(**) Тестъ Графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина Іоаннъ Фридрихъ Беттигеръ вступилъ въ нашу службу въ 1709 году и опредѣленъ Резидентомъ въ Гамбургъ и въ Нижній Саксонскій Округъ. Петръ Вели-

исбевича, и дочь, выданную за Князя Волконскаго. — Сынъ его, произведенный изъ Подпоручиковъ отъ бомбардиръ въ Камеръ-Юнкеры (1744 г.), въ то самое время какъ отецъ получилъ достоинство Государственнаго Канцлера, былъ отправленъ въ Польшу, гдѣ дядя его находился Полномочнымъ Министромъ (*); потомъ, черезъ два года (1746 г.), пожалованъ Дѣйствительнымъ Камергеромъ; посланъ, въ 1747 году, въ Вѣну съ поздравленіемъ Импера-

кій всегда останавливался въ его домѣ и пожаловалъ ему Свой портретъ, осыпанный брилліантами. — Супруга Фельдмаршала Графа Бестужева погребена въ 1763 году въ старой Московской Лютеранской церкви, подъ алтаремъ.

- (*) Графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ родился въ 1688 году; былъ: Секретаремъ Посольства въ Копенгагенъ (1705 г.); Резидентомъ въ Лондонѣ (1720 г.); Министромъ въ Стокгольмѣ (1721 г.); Чрезвычайнымъ Посланникомъ въ Варшавѣ (1726 г.) и въ Берлинѣ (1730 г.); переведенъ въ Швецію (1732 г.) и въ Варшаву (1741 г.); пожалованъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Советникомъ, Оберъ-Госмаршаломъ, кавалеромъ орденовъ Св. Андрея Первозваннаго и Св. Александра Невскаго; Графомъ (1742 г.); три мѣсяца содержался подъ карауломъ подъялу своей супруги, дочери Великаго-Канцлера Графа Головкина, наказанной кнутомъ съ ургзаніемъ языка, за участіе въ открытомъ заговорѣ (1743 г.); определенъ Посланникомъ въ Берлинъ (1744 г.); Полномочнымъ Министромъ въ Польшу (въ томъ же году); Чрезвычайнымъ Посломъ въ Вѣну (1749 г.) и въ Парижъ (1755 г.), гдѣ скончался 26 Февраля 1760 года.

тора по случаю рожденія Эригерцога Леопольда; награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго (1748 г.) имѣя отъ роду двадцать лѣтъ съ небольшимъ. Графъ Алексѣй Петровичъ надѣялся сдѣлать изъ него дипломата; но молодой Бестужевъ не былъ одаренъ умомъ и способностями отца своего, хотя, въ послѣдствіи, и дослужился до чина Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника. Онъ вступилъ, въ 1765 году, въ бракъ съ Княжною Долгоруковою, обобралъ ее, ругался надъ нею и выгналъ изъ дома. Императрица велѣла приставить къ нему гвардіи офицера съ солдатами и предоставила, потомъ, въ полное распоряженіе отца (*). Графъ Алексѣй Петровичъ заключилъ его въ монастырь, намѣревался лишить наслѣдства; но въ скоромъ времени скончался, не написавъ духовнаго завѣщанія. Надъ Графомъ Андреемъ Алексѣевичемъ опредѣлены были попечители которые, за уплатою долговъ, выдавали ему каждый годъ только по три тысячи рублей. Онъ имѣлъ пребываніе въ Ревелѣ, гдѣ — какъ изъясняется Бишингъ — оставилъ въ 1768 году свѣтъ, для котораго былъ безполезенъ (**). Съ нимъ пресѣлось Графское колено Бестужевыхъ-Рюминыхъ (***)

(*) Изъ *Записокъ Порошина*.

(**) См. *Магазинъ Бишинга*, ч. 2, стр. 432.

(***) См. о заключенныхъ договорахъ Графомъ Алексѣемъ Петровичемъ въ первой части моего *Словаря достопамятныхъ людей Русской земли*, изд. въ 1836 году, стран. 141—153.

Рис. П. Уланов.

Князь Александр Михайлович

ГОЛИЦЫНЪ.

Диплом. Тулева.

25-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ
ГОЛИЦЫНЪ.

=

Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, третій сынъ славнаго Полководца временъ Петра Великаго, родился 17 Ноября 1718 года и на тринадцатомъ своего возраста лишился отца (*). Записанный въ солдаты, по тогдашнему обыкновению, онъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ посвятилъ себя служенію Отечества, но желалъ имѣть наставника достойнаго и избралъ Принца Евгенія, командовавшаго на Рейнѣ Австрійскою арміею (1735 г.). Подъ знаменами Героя XVIII столѣтія, юный Голицынъ выступилъ на военное поприще, стремясь за славою

(*) См. въ первой части, біографію Князя Михаила Михайловича Голицына.

для поддержанія имени, уважаемаго въ Европѣ. Возвратясь въ Россію, онъ отправился въ Константинополь (1740 г.), въ свитѣ нашего Посла Александра Ивановича Румянцова, будучи Капитаномъ Гвардіи. Вскорѣ Князь Александръ Михайловичъ пожалованъ Камергеромъ Высочайшаго Двора и опредѣленъ Полномочнымъ Министромъ въ Саксонію. Доселѣ онъ болѣе занимался дипломатическою частію, нежели военною, успокоивая нѣжную родительницу свою (*), хотя и былъ произведенъ (1744 г.) въ Генераль-Поручики; но когда она скончалась (1757 г.), Голицынъ полетѣлъ на поле чести, желая раздѣлить опасности и славу соотечественниковъ. Онъ овладѣлъ городомъ Торномъ (1758 г.); командовалъ лѣвымъ крыломъ нашей арміи въ сраженіи при Франкфуртѣ на Одерѣ и, если предводимые имъ полки, составленные изъ рекрутъ, не выдержали сильнаго натиска непріятеля: то единственно потому, что Голицынъ былъ тогда раненъ, принужденъ сдать команду другому (**). Императрица Елисавета Петровна пожаловала ему за ратные подвиги орденъ Св. Александра Невскаго и чинъ Генераль-Аншефа. По прекращеніи военныхъ дѣйствій противъ Пруссаконъ (1761 г.), онъ принялъ начальство надъ войсками нашими, расположенными въ Ливоніи.

(*) Родительница Князя Александра Михайловича Голицына была дочь Князя Бориса Ивановича Куракина, Княгиня Татьяна Борисовна, Оберъ-Гофмейстерина Высочайшаго Двора.

(**) См. о Франкфуртскомъ сраженіи въ біографіи Графа Петра Семеновича Салтыкова.

Когда вступила на Престоль Императрица Екатерина II, Князь Александр Михайлович удостоился получить въ день Ея коронаванія (1762 г.) орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго; потомъ помѣщенъ въ число Генералъ-Адъютантовъ и Членовъ Совѣта, учрежденнаго при Высочайшемъ Дворѣ. Довѣренность къ нему Государыни примѣтнымъ образомъ возрастала: онъ имѣлъ свободный прїездъ во Дворецъ, нерѣдко угощалъ у себя Обладательницу Россіи. Въ неходъ 1768 года послѣдовалъ разрывъ съ Турціею, и Екатерина ввѣрила первую армию противъ Оттомановъ Князю Голицыну, вторую Графу Румянцову. *«Желаю ему счастье отцовское»*, писала Императрица о Голицынѣ къ Графу Салтыкову.

15 Апрѣля 1769 г. Князь Александръ Михайловичъ перешелъ Днѣстръ и 18 числа подступилъ къ Хотину. Корпусъ Турецкій изъ сорока тысячъ человекъ, находился подъ командою Карамана Паши и былъ расположенъ лагеремъ въ ретраншаментъ подъ самыми пушками крѣпости. Устроивъ батареи, Голицынъ атаковалъ непріятеля, не взирая на сильный отпоръ его, и артиллеріею своею сбилъ весь Турецкій орудія, обратилъ Музульманъ въ бѣгство: иные удалились въ Хотинъ, другіе во внутренность Молдавіи и къ Бендерамъ. Россіиане гнались за Турками не только въ предмѣстьѣ, но и до палисада самой крѣпости. Три знамя, семь пушекъ и весь лагерь непріятельскій были трофеями того дня. Довольный одержанною побѣдою и безъ осадной артиллеріи, Князь Голицынъ переправился, 21 Апрѣля, за Днѣстръ

къ тяжелому своему обозу; ибо оставленные имъ мѣста были совершенно разорены невѣрными. Онъ занимался обезпеченіемъ войскъ своихъ по части продовольствія, пополнялъ полки, когда получилъ вѣрное извѣстіе, что Турки и Татары Крымскіе, сосредоточивъ силы свои у Хотина, намѣреваются ворваться въ Польшу и присоединиться къ Конфедератамъ. Отраженный отъ него храбрый Генераль-Майоръ Князь Прозоровскій (*), 19 Іюня разбилъ двадцатитысячное Турецкое войско, переправившееся у этой крѣпости на лѣвый берегъ Днѣстра и старавшееся проложить себѣ дорогу къ Каменецъ-Подольску. Для предупрежденія новыхъ покушеній непріятеля, Главнокомандовавшій рѣшился занять прежнюю позицію и, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ битвъ, явился подъ стѣнами Хотина, вытѣснилъ, 2-го Іюля, Турокъ изъ ихъ укрѣпленій, бомбардировалъ некоторое время крѣпость и держалъ оную въ блокадѣ. Между тѣмъ многочисленныя Турецкія и Татарскія войска, поспѣшавшія на помощь къ городу подъ предводительствомъ Сераскира Молдованжи Паши и Хана Крымскаго, расположились въ окрестныхъ мѣстахъ, укрѣпленныхъ самою природою и почти неприступныхъ. Армія наша не нуждалась въ продовольствіи, но не имѣла фуража, и Голицынъ, во второй разъ, рѣшился отступить за рѣку, въ надеждѣ заманить непріятеля къ главной битвѣ. Переправа эта послѣдовала 1 Августа.

(*) См. въ третьей части, біографію Князя Александра Александровича Прозоровскаго.

Извѣстія, получаемыя изъ первой арміи, не согласовались съ ожиданіями Императрицы; къ нимъ присоединялись и стороннія донесенія, въ коихъ тайные враги не щадили Голицына. Екатерина рѣшилась свѣдѣть его Румянцовымъ и отвѣтила къ первому слѣдующій рескриптъ отъ 13 Августа: «Князь Александръ Михайловичъ! «Отъзывая васъ отъ арміи, хочу Я съ вами объясниться, дабы вы отсюда не приняли съ Моей стороны за снѣвъ, но единственно, какъ оно и въ самомъ дѣлѣ есть, за обстоятельства выходящія изъ положенія «дѣлъ Моихъ, кои требуютъ вашего присутствія «здѣсь, дабы въ бытность вашу при Насъ, какъ очевидный въ арміи свидѣтель положенія тамошнихъ «мѣстъ и дѣлъ, такъ и всѣхъ обстоятельствъ, точными для переду чрезъ васъ получать свѣдѣнія, «которыя великую пользу и облегченіе въ дѣлахъ «нынешнихъ подать могутъ. Впрочемъ остаюсь на «всегда вамъ доброжелательная.»

До пріѣзда Румянцова, судьба представила Князю Голицыну случай увѣнчаться блистательнымъ подвигомъ. Сераскиръ Молдовацки былъ возведенъ Султаномъ въ достоинство Верховнаго Визиря: съ правомъ военственнымъ, пылкимъ, предприимчивымъ предводителемъ Оттомановъ соединялъ чрезвычайное самолюбіе, и увѣренный въ побѣду, напалъ, 29 Августа, на нашу армію, приготовившуюся къ оборонѣ; но былъ совершенно разбитъ, бѣжалъ въ Молдавію въ чрезвычайномъ безпорядкѣ, лишился семи тысячъ человекъ убитыми, 64 пушекъ, 14 мортиръ, множества повозокъ. Сентября 9, Россіяне заняли

Хотинь, брошенный Турками и, вследъ за тѣмъ, вступили въ Яссы; 16 числа Румянцовъ принялъ первую армию. Князь Голицынъ отправился въ С. Петербургъ и 20 Октября произведенъ въ Генералъ-Фельдмаршала. Симвъ не ограничилось благоволеніе къ нему Императрицы, щедрой и вмѣстѣ справедливой: по случаю празднованія мира съ Турціею (1775 г.), Она пожаловала Голицыну, за очищеніе *Молдавіи до самыхъ Яссъ*, шпагу украшенную алмазами, и серебряной сервизъ, ввѣрила ему потомъ управленіе С. Петербургомъ, и при учрежденіи ордена Св. Владимира (1782 г.), возложила на него ленту оного, въ числѣ десяти сановниковъ, удостоенныхъ той же самой награды (*).

Здѣсь не лишнимъ почитаю упомянуть о великости души Екатерины, которая, любя Россію и стараясь распространять славу ея, не помышляла о своей собственной: въ 1780 году, во время отсутствія Императрицы изъ С. Петербурга, Князь Александръ Михайловичъ и многіе Вельможи согласились между собою поднести ей наименованіе *Великой, Матери Отечества* и открыли добровольную подписку на сооруженіе торжественныхъ вратъ. Тогда Екатерина прислала слѣдующее письмо къ Главно-

(*) Первые кавалеры Владимірскаго ордена были: Князь А. М. Голицынъ, Графъ Рямунцовъ-Задунайскій, Князь Потемкинъ, Графъ Н. И. Панинъ, Князь Орловъ, Графъ З. Г. Чернышевъ, Графъ И. Г. Чернышевъ, Князь Н. В. Репнинъ, И. И. Бецкій, И. И. Шуваловъ и А. А. Безбородко.

командуемому въ столица: «Князь Александръ
«Михайловичъ! Угладившись Я, что Дворянство
«Санктпетербургской Губерніи надумало приписать
«Мнѣ титулы, и собирается сдѣлать огромныя встрѣ-
«чи. Вамъ навѣдаютъ образъ мыслей Моихъ, а по-
«тому и судить можете, сколь изданнымъ и непри-
«стоймымъ все то Я почитаю. Не приобретение пу-
«стыхъ названій есть предметъ Моего царствования,
«но доставленіе блага и спокойствія Отечеству, и
«вознесеніе славы и величія его; почему и не мо-
«жетъ иное Мнѣ приятно и угодно быть, какъ по-
«виновеніе Моей воли, ревностное и тщательное
«каждымъ званіемъ на него возложеннаго исполненіе,
«вмѣсто упражненія въ подобныхъ выдумкахъ. Рав-
«нымъ образомъ и встрѣча для Моего не нужна.
«Чего ради Я желаю, чтобъ собранныя деньги от-
«даны были въ Приказъ Общественнаго Пріорства
«для употребленія на дѣла полезныя. Сіе письмо
«сообщите Князю Александру Алексѣевичу Вязем-
«скому (*), такъ какъ можете сдѣлать тоже и со
«всеми другими, кои будутъ любопытствовать о
«семъ. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелатель-
«ная.» — P. S. «Сія есть непрѣмная Моя воля,
«которую выполнить вамъ предписываю.»

(*) Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій двадцать
девять лѣтъ исправлялъ многотрудную должность Ге-
нераль-Прокурора (съ 1764 по 1793 г.); скончался 8
Января 1793 года. Въ его домъ находилась *Тайная*
Экспедиція и онъ часто присутствовалъ при допро-
сахъ.

Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ скончался въ С. Петербургъ 11 Октября 1783 года, на шестьдесятъ шестомъ отъ рожденія. Императрица и всѣ знавшіе добродѣтельнаго вельможу почтили память его слезами. Онъ, подобно отцу своему, былъ храбръ, исполненъ чести, великодушень, обходительнень, любимъ солдатами, скромень и въ опасностяхъ отличался хладнокровіемъ; строгъ, но дорожилъ жизнію ввѣренныхъ ему вонновъ и потому, действуя слишкомъ осторожно, не преславился быстротою и отважностію. Въ этомъ случаѣ сынъ долженъ уступить первенство отцу. Полководецъ Петровъ возвысился предъ другими вождями, ему современными; при Екатеринѣ великой: Румянцовъ, Суворовъ, Реннинъ вѣдями своими затмили славу покорителя Хотина.

Рис. Н. Иванов

Графъ Петръ Александровичъ
РУМЯНЦОВЪ-ЗАДАЧАЙСКІЙ.

Литогр. Телешова

26-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

ГРАФЪ ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
РУМЯНЦОВЪ-ЗАДУНАЙСКІЙ.

=

Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій, сынъ Генералъ-Аншефа Графа Александра Ивановича (*) и правнукъ знаменитаго Боярина Мат-

(*) Графъ Александръ Ивановичъ Румянцовъ, потомокъ Нижегородскаго Боярина *Басилія Румянца*, оказавшаго, въ 1391 году, Великому Князю Василю Дмитриевичу при завоеваніи Нижняго Новагорода важныя услуги — занимаетъ почетное мѣсто между любимцами Петра Великаго. Онъ открылъ мѣстопробываніе несчастнаго Царевича Алексія въ чужихъ краяхъ и привезъ его изъ Неаполя въ Москву (1718 г.); отправленъ Чрезвычайнымъ Посланникомъ въ Константинополь (1724 г.); пожалованъ Подполковникомъ Гвар-

вѣва (*), родился въ 1725 году, достопамятнѣмъ, ибо Россія лишилась тогда славнѣйшаго Полководца своего, Петра Великаго. Сначала Румянцовъ, записанный въ солдаты на шестомъ году своего возраста (1731 г.), обучался въ деревнѣ, подъ надзоромъ отца своего находившагося тогда въ ссылкѣ; потомъ, съ 1736 года въ Малороссіи, откуда отправленъ въ Берлинъ (1739 г.) Дворяниномъ Посоль-

дін Преображенскаго полка, и Генераль-Адъютантомъ (1730 г.); Губернаторомъ въ Казань (1735 г.); Главнымъ Начальникомъ Малороссіи (1736 г.); произведенъ въ Генераль-Аншефы (1737 г.); участвовалъ во взятіи Очакова; отразилъ, въ 1739 году, двадцатитысячный Турецкій корпусъ, намѣревавшійся переправиться черезъ Днѣпръ близъ Кременчуга; получилъ достоинство Украинскаго Статгальтера (Правителя) (1740 г.); снова ѣздилъ въ Константинополь въ званіи Чрезвычайнаго и Полномочнаго Посла; склонилъ Порту Оттоманскую къ признанію Россіи Имперіею (1741 г.); награжденъ орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго; подписалъ (1743 г.), вмѣстѣ съ Барономъ Люберасомъ, въ Абовѣ славный и выгодный миръ для нашего Государства; возведенъ въ достоинство Графа Россійской Имперіи (1744 г.); скончался въ 1749 году, на 70 отъ рожденія.

(*) Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, Ближній Бояринъ, Намѣстникъ разныхъ городовъ, Царскія печати и Государственныхъ Посольскихъ дѣлъ Оберегатель (Канцлеръ) — былъ первымъ Советникомъ и другомъ Царя Алексѣя Михайловича, который въвѣрилъ ему воспитаніе дѣтей своихъ. Онъ ознаменовалъ свое Министер-

ства, для приобрутенія навыка по дипломатической части, но въ слѣдующемъ году отозванъ въ Отечество; поступилъ въ Шляхетный сухопутный Кадетскій корпусъ, 29 Июля, и тамъ учился только четыре мѣсяца. Пылкій, огненный юноша не могъ подчинить ума своего единообразнымъ занятіямъ, сбросилъ узды, на него положенныя, пользуясь пребываніемъ отца въ чужихъ краяхъ (*), и на свободѣ

ство сохраненіемъ дружескихъ сношеній со всеми Христіанскими Державами; состраданіемъ къ несчастнымъ, подвигами благотворенія, ласковымъ и пріятливымъ обращеніемъ, приобрѣлъ лестное именованіе *благодѣтеля народа*. Въ домъ Матвѣева Царь увидѣлъ въ первый разъ Наталію Кирилловну Нарышкину, родственницу его, и плѣнился ею. Въ Государствованіе Θεодора Алексѣевича добродѣтельный Бояринъ, преслѣдуемый завистниками, осужденъ былъ на заточеніе въ Пустоозерскій острогъ, Архангельской губерніи; сдѣлался, потомъ, жертвою вѣтѣжныхъ Стрѣльцовъ, на четвертый день по возвращеніи въ Москву, 15 Мая 1682 года. Сынъ его, Андрей Артемоновичъ, былъ Чрезвычайнымъ Посломъ въ Голландіи (1699 г.); въ Парижъ (1706 г.); въ Лондонъ (1708 г.); Полномочнымъ Министромъ въ Вѣннъ, гдѣ возведенъ (1715 г.); въ достоинство Графа Римской Имперіи; пожалованъ Сенаторомъ и Президентомъ Юстицъ Коллегіи (1719 г.); Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ (1726 г.); скончался въ 1728 году. Онъ имѣлъ трехъ дочерей: *Марью*, вышедшую за А. И. Румянцова; *Наталію* за Князя Василя Ивановича Мещерскаго и *Прасковью* за Амплія Степановича Шепелева.

(*) Александръ Ивановичъ Румянцовъ находился тогда

самъ начерталъ себѣ полетъ, котораго обыкновенные умы не въ состояніи постигнуть. Стремительно возвышался онъ: въ 1743 году, на девятнадцатомъ отъ рожденія, былъ уже Армейскимъ Капитаномъ и присланъ отцемъ въ С. Петербургъ изъ Абова съ мирнымъ трактатомъ. Императрица Елисавета Петровна столь была довольна прекращеніемъ военныхъ дѣйствій съ Швеціею и значительными приобретеніями, что пожаловала молодаго Румянцова прямо въ Полковники.

Чѣмъ занимался въ то время будущій герой Россіи? Онъ удальствомъ превосходилъ товарищей, пламенно любилъ прекрасный полъ и былъ любимъ женщинами, не зналъ препятствій и часто, окруженный солдатами, въ виду ихъ торжествовалъ надъ непреклонными; обучалъ батальонъ, въ костюмъ нашего прародителя, передъ домомъ одного ревниваго мужа; заплатилъ другому двойной штрафъ за причиненное оскорбленіе и въ тотъ же день воспользовался правомъ своимъ, сказавъ: *что онъ не можетъ жаловаться; ибо получилъ уже впередъ удовлетвореніе!*—Проказы Румянцова, доведенныя до Высочайшаго свѣдѣнія, заставили Императрицу Елисавету Петровну, во уваженіе заслугъ Графа Александра Ивановича, отправить къ нему вицноваго, съ тѣмъ, чтобы онъ, какъ отецъ, наказалъ его. Къ чести Графа Петра Александровича должно сказать, что и въ Полковничьемъ чинѣ передъ отцемъ онъ былъ

Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ въ Константинополь.

покорень, какъ ребенокъ (*).—Событія эти, не подверженныя сомнѣнію, открываютъ намъ, какъ неосновательно судить о людяхъ по начальнымъ ихъ дѣйствіямъ!

Румянцовъ участвовалъ въ славномъ походѣ Генераль-Фельдцейхмейстера Князя Репнина въ Франконію (1748 г.), и когда Россія ополчилась противъ Пруссіи (1757 г.) обнажилъ мечъ, бывши Генераль-Маіоромъ. Отсель начинается рядъ знаменитыхъ подвиговъ этого безсмертнаго Полководца XVIII столѣтія. Румянцовъ занялся прежде всего устройствомъ нашей конницы; потомъ вступилъ въ Тильзитъ, сдавшійся ему на капитуляцію (въ Іюль); пожалованъ Генераль-Поручикомъ (1758 г.); предводительствуя отдѣльнымъ корпусомъ, имѣлъ разныя стычки съ непріателемъ, на которыхъ всегда оставался побѣдителемъ: начальствовалъ въ сраженіи при Франкфуртѣ (1759 г.) серединою нашей арміи и содѣйствовалъ пораженію Фридриха Великаго, котораго часто угадывалъ тайные замыслы: опрокинулъ, вмѣстѣ съ Барономъ Лаудономъ, и обратилъ въ бѣгство

(*) Любимецъ Петровъ велѣлъ принести пукъ розогъ. «Я Полковникъ — сказалъ ему сынъ. — «Знаю — отвѣчалъ отецъ — «и уважаю мундиръ твой; но ему ничего не сдѣлается; я буду наказывать не Полковника.» — Графъ Петръ Александровичъ повиповался, не дозволивъ, однакъ, конюхамъ прикасаться до него; *потомъ*—какъ самъ рассказывалъ — «когда его порядочно припопонили, закричалъ: *Держите, держите, утекую!*»

непріятельскую конницу; награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго. Главнокомандующій Графъ Салтыковъ, послѣ этой блистательной побѣды, употребилъ Румянцова въ разныхъ переговорахъ съ Австрійскимъ Генералъ-Фельдмаршаломъ Дауномъ. Въ 1761 году, предводительствуя снова отдѣльнымъ двадцати четырехъ тысячнымъ корпусомъ, расположилъ онъ лагерь свой подъ Колбергомъ, и держалъ въ блокадѣ этотъ городъ, въ виду Прусскаго стана, между тѣмъ какъ флотъ нашъ бросалъ бомбы съ моря. Россіане нѣсколько разъ покушались на приступъ: редуты почти ежедневно переходили изъ рукъ въ руки; наконецъ Румянцовъ окружилъ Прусаковъ со всѣхъ сторонъ, преградивъ подвожъ продовольствія. Отряды непріятельскіе, посылаемые къ прикрытію обозовъ, были разбиваемы. Тщетно Фельдмаршалъ Бутурлинъ приказывалъ Румянцову отступить отъ Колберга по причинѣ глубокой осени и расположиться на зимнихъ квартирахъ: увѣренный въ побѣду, любимецъ славы ослушался своего начальника, съ которымъ былъ соединенъ узами родства (*): Принцъ Евгений Виртембергскій нашелся принужденнымъ предоставить Колбергъ на произволъ судьбы; Румянцовъ съ частію ввѣренныхъ ему войскъ овладѣлъ городомъ Трептау и вслѣдъ за тѣмъ заставилъ храбраго Комменданта Гейдена, два раза спасавшаго ввѣренную ему крѣпость, сдать Колбергъ, 5 Декабря: 2903 чел. плѣнныхъ, сто сорокъ шесть орудій, 33

(*) См. въ первой части, конецъ біографіи Князя Михаила Михайловича Голицына, стр. 141.

тысячи ядеръ и бомбъ, 500 тысячъ пуль и двадцать знаменъ были трофеями того дня. Императоръ Петръ III пожаловалъ Графа Румянцева Генералъ-Аншефомъ и кавалеромъ орденовъ Св. Анны и Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1762 г.). Тогда прекратилась брань съ Пруссією. — Обладатель Россіи намѣревался отторгнуть отъ Даніи наследственное свое достоиніе, Голштинію; назначалъ уже Румянцева Главнокомандующимъ армією; велѣлъ объявить въ Конференціи, 27 Іюня, о скоромъ отъѣздѣ своемъ въ главную квартиру, какъ на другой день Императрица Екатерина II вступила на Престоль, и Румянцева, готовившійся къ новымъ побѣдамъ, вложилъ въ ножны мечъ свой, не присягалъ Государынь до тѣхъ поръ, пока не удостовѣрился въ кончинѣ Императора; опредѣленъ (1764 г.) Генералъ-Губернаторомъ въ Малороссію, Президентомъ тамешней Коллегіи, учрежденной въ Глуховѣ, Главнымъ Командиромъ Малороссійскихъ Козацкихъ полковъ, Запорожскихъ Козаковъ и Украинской дивизіи.

Покоритель Колберга оправдалъ выборъ мудрой Монархини: онъ уничтожилъ злоупотребленія, вкравшіяся въ Присутственныя мѣста; вселилъ въ молодыхъ Малороссіянъ любовь къ регулярной службѣ, коей они до того чуждались; строгою справедливостію истребилъ страхъ и недоверчивость, питаемыя жителями того края къ Великороссійскимъ войскамъ; доставилъ подвластному ему народу разныя облегченія въ повинностяхъ и вмѣстѣ обратилъ особое вниманіе на сбереженіе казенныхъ имѣній посредствомъ хозяйственнаго благоустройства: при немъ

введенъ былъ въ Малороссію *Воинскій уставъ* (1768 г.) и предоставлено тамошнимъ жителямъ по части Гражданской руководствоваться *Статутомъ Великаго Княжества Литовскаго*.

Вскорь возгорѣлась война между Россіею и Портою Оттоманскою; Екатерина, поручивъ первую армию Князю Голицыну, назначила Предводителямъ второй Графа Румянцева (1768 г.). Последнему велено было охранять границы Имперіи, которыя тогда повсемѣстно почти отъ Польши до Каспійскаго моря окружены были народами, подвластными Турціи. Не упуская изъ виду сношеній съ Голицынымъ, Румянцовъ расположилъ войско свое такимъ образомъ, чтобы оно могло споспѣшествовать дѣйствіямъ первой арміи, и лишь только узналъ о переходѣ Голицына на эту сторону Днѣстра (1769 г.), немедленно переправился за Днѣпръ, чтобы этимъ движеніемъ привлечь на себя вниманіе непріятеля, раздѣлить многочисленныя его силы, шедшія изъ за Дуная подъ предводительствомъ Визиря. Недовольная медленностію Голицына, Императрица смѣнила его Румянцовымъ. Онъ принялъ первую армию 16 Сентября. Хотинъ и Яссы были тогда заняты Россіянами. Румянцовъ успѣшилъ очистить отъ Турокъ Валлахію. Зима и моровая язва не ослабили мужества нашихъ соотечественниковъ: они овладѣли крепостію Журжею (1770 г.), разбивали на всѣхъ пунктахъ Музульманъ, не смотря на превосходное ихъ число.

17 Іюня, Румянцовъ обратилъ въ бѣгство двадцать тысячъ Турокъ близъ Рябой-Могилы; 7 Іюля

одержали совершенную победу надъ непріателемъ за рѣчкою Маргою. Армія Музульманъ, подъ предводительствомъ трехъ Пашей и Хана Крымскаго, состояла изъ восьмидесяти тысячъ человекъ, находилась на высотахъ; лагерь былъ защищаемъ четырьмя ретраншаментами и сильною артиллеріей. Но Россійскій Полководецъ, по собственному его выраженію, *не могъ видѣть непріятеля, не наступая на него*: въ двенадцатомъ часу ночи, на седьмое число Іюля, онъ двинулся за рѣчку Маргу тремя колоннами въ слѣдъ за Репнинымъ и Боуромъ. Татарскіе пикеты, сорванные движениемъ передовыхъ полковъ нашихъ, довести въ станъ своею приближеніе Россійскихъ войскъ. Последние еще до разсвѣта высмотрѣлись на высотахъ. Встрѣженный непріятель открылъ сильную пушечную пальбу: не давъ опомниться врагамъ, Румянцовъ велѣлъ Боуру и Репнину атаковать лагерь ихъ съ правой стороны, а самъ, устроивъ армію *каррелями*, поспѣшилъ къ укрѣпленію. Здѣсь должно замѣтить, что герой, принявъ начальство, отвергнулъ малодушныя осторожности славнѣйшихъ Полководцевъ: Монтекулія, Евгенія Савойскаго, Графа Миниха. *He рогатки* — сказалъ онъ своимъ легионамъ — *а огонь и мечъ защити ваши* (*). — Татары устремились съ праваго крыла, гдѣ находился

(*) Графъ Румянцовъ отмѣнилъ *рогатки*, которыми прежде прикрывался фронтъ арміи отъ нападенія Турецкой конницы, потому что деревянныя эти преграды не могли удерживать сильнаго натиска искусныхъ вавздниковъ, врубавшихся въ ряды съ неумѣрною жесточ.

ихъ станъ, ложиною на лѣвое наше крыло; но были отбиты. Между тѣмъ Мелиссино, заставляя молчать неприятельскую батарею маткими выстрѣлами своими, очищала путь въ укрѣпленія. Едва передовые отряды Боура и Редина начали пробиваться въ лагерь неприятельскій съ правой стороны, Племянниковъ пушечными выстрѣлами возвѣстилъ приступъ свой на лѣвой. Тогда Румянцовъ поручилъ вести армию Генераламъ Олинцу и Брюсу, а самъ поскакалъ къ войскамъ, нападавшимъ на лагерь. Храбрые гренадеры, одушевленные присутствіемъ героя, штыками и грудью низпровергли укрѣпленія, брали пушки, бмстро неслись на крутую гору, не разстроиваясь въ рядахъ, и въ одно мгновеніе ока взлетѣли на высоту холмовъ. Бросивъ станъ свой, неприятель, поражаемый и на лѣвомъ крылѣ, обратился въ бѣгство. Битва Ларгская началась въ четыре часа утра, а кончилась въ двѣнадцать. Она была только предвѣстіемъ победы подъ Кагуломъ: весь Турецкій лагерь, тридцать три мѣдныхъ пушекъ, множество пѣшихъ, знаменъ, значительное количество съестныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ ужичали торжество Румянцова. Императрица препроводила къ нему военный орденъ Св. Георгія перваго класса.

Сраженіе при рѣкѣ Кагулъ было гораздо блистательнѣе. Оно походитъ болѣе на баснословное, нежели на дѣйствительно историческое; ибо еемнадцать тысячъ Россіянъ побили на голову полтора ста тысячъ

костію, между тѣмъ, какъ онѣ отрывали множество рукъ отъ фронта.

Турокъ, отразивъ сто тысячъ Татаръ, угрожавшихъ съ тылу. Планъ Великаго Визиря Галиль Бей состоялъ въ томъ, чтобы, поставивъ Румянцова среди двухъ огней, уничтожить его малую армию; потомъ пробраться ко Львову, присоединить къ своимъ полчищамъ Конфедератовъ и перенести театръ войны правымъ крыломъ въ Россію, а левымъ въ Польшу. 20 Іюля, Турки заняли на левой сторонѣ устья Кагула лагерь верстахъ въ семи отъ нашего, между тѣмъ какъ Татары начали облегать тылъ, отрезывая подвозъ продовольствія. Россіяне находились въ затруднительномъ положеніи, но не унывали: ибо съ ними былъ Румянцовъ. Онъ раздѣлилъ малую армию свою на пять четырехугольниковъ, расположенныхъ въ некоторомъ отдаленіи одинъ отъ другаго, и крестообразнымъ ихъ огнемъ не только удержалъ въ повиновеніи Турецкую конницу, но и защитилъ свою собственную отъ нападенія невѣрныхъ, поставивъ оную въ пустыхъ промежуткахъ карре, позади пушекъ. Такимъ образомъ конница наша, бывъ прикрыта огнемъ артиллеріи и пехоты, могла свободно дѣйствовать въ преслѣдованіи непріятеля. Построивъ войско въ боевой порядокъ, Румянцовъ двинулъ оное на разсвѣтъ (21 Іюля) къ дорогѣ, получившей названіе отъ Римскаго Императора Траяна, не ожидалъ, но самъ предупредилъ врага многочисленнаго. Изумленные отчаяннымъ мужествомъ Россіянъ и громомъ ихъ орудій, невѣрные отклонили робость мыслию, что истребятъ враговъ превосходствомъ силъ, встрѣтили полки наши съ ожесточеніемъ, сибивали зайти насъ къ тылу; но Румянцовъ смелось двинуть и

огонь наблюдалъ весь шагъ Музульманъ и быстрымъ поворотомъ своихъ войскъ угрожалъ отрезать Турецкую конницу отъ лагеря. Она съ крикомъ и съ чрезвычайной скоростію понеслась къ оному, оставивъ нападеніе на карре Племянникова. Съ пятого часа утра до восьмого Россіяне въ непрерывномъ огнѣ предлагали себѣ дорогу къ стану Турецкому; между тѣмъ какъ Гудовичъ и Потемкинъ, занявшіе ночью съ вѣрными имъ отрядами выгодную позицію на высотахъ, прикрывали отъ Хана Крымскаго обозы и препятствовали ему атаковать армию нашу съ тыла. Всѣ пушечные выстрѣлы со стороны непріятеля обращены были на карре, гдѣ находился Румянцовъ, и на карре Племянникова, шедшее по лѣвую сторону. Визирь въ одну ночь сдѣлалъ укрѣпленіе, обведенное тройными рвами, наполненными Янычарами. Румянцовъ безпрестанно былъ подъ тучею ядеръ, которыя часто попадали въ лошадей сопровождавшихъ его чиновниковъ. Уже Турецкія батареи начинали умолкать; уже карре Племянникова простирало руки къ овладѣнію укрѣпленіемъ: вдругъ десять тысячъ Янычаръ, выскоча изъ долины, ударили съ саблями, кинжалами и съ крикомъ на правую сторону карре, ворвались въ средину, смяли полки: Муромскій, 4-й Гренадерскій и Бутырскій; заставили ихъ бѣжать въ карре Олица. Увидѣвъ смятеніе въ рядахъ своихъ, неустрашимый Румянцовъ сказалъ Принцу Брауншвейгскому, находившемуся при немъ: *Теперь дѣло дошло до насъ!* и съ силой словомъ полетѣлъ къ бѣгущимъ, сшибавшимся подъ саблями Турецкими, вскричалъ: *Стой, ре-*

битва! Голосъ героя въ одинъ мигъ отозвался въ слухъ и сердцахъ воиновъ; Россіяне ознакомились, устроились. Первый Гренадерскій полкъ, подъ предводительствомъ Бригадира Озерова, отразилъ Янычаръ. Карре Племянникова сдвинуло ряды, и возгласилъ: «*Да здравствуетъ Еккатерина!*» устремилось впередъ. Черезъ тройные рвы Россіяне влетѣли въ укрѣпленія. Визирь, уstraшенный поражениемъ Янычаръ, составлявшихъ первую его стѣну, обратился въ бѣгство. Спасаясь отъ штыковъ, Турки гибли толпами въ волнахъ Дуная. Русскіе воины приветствовали мужественнаго Предводителя своего съ побѣдою, восклицали: *Ты прямой солдатъ!* — Весь Турецкій лагерь, сто сорокъ орудій, шестьдесятъ знаменъ, множество военныхъ снарядовъ и двѣ тысячи пятниныхъ достались побѣдителямъ. Около сорока тысячъ погибло во время битвы и преслѣдованія. Уронъ нашъ ранеными и убитыми не превышалъ тысячи человекъ. Императрица возвела Румянцова, 2-го Августа, въ достоинство Генералъ-Фельдмаршала. Велѣдъ за Кагульской битвою, Репнинъ овладѣлъ Измаиломъ и Килиею, Глѣбовъ Браиловымъ. Букарестъ и крѣпость Салча увеличили завоеванія Россіянъ: занявъ лѣвый берегъ Дуная, Румянцовъ обезпечилъ зимнія квартиры свои въ Молдавіи и Валахіи.

Въ 1771 году, громъ орудій нашихъ раздался за Дунаемъ: оба берега этой величественной рѣки, отъ крѣпости Журжи до Чернаго моря, были очищены Россіянами. Открывшіеся переговоры о мирѣ между воюющими Державами (1772 г.) не увѣнчаны же-

лаемымъ успѣхомъ. Вейсманъ, Потемкинъ и Суворовъ сражались въ разныхъ мѣстехъ съ Турками (1773 г.), съ новою славой для нашего оружія. Фельдмаршалъ осадилъ Сидлистрію, неоднократно разбивалъ съ малыми силами многочисленнаго непріятеля; разсыпалъ станъ его, расположенный на высотахъ, окопанный рвомъ и защищаемый пушками; но не могъ овладѣть крѣпостію, имѣя только подъ ружьемъ тринадцать тысячъ человекъ, утомленныхъ трудами и непрерывными битвами. Въ 1774 г., вступилъ на престолъ Султанъ Абдулъ-Гамидъ, по кончинѣ брата своего Мустафы, Государь малодушный, преданный нѣгъ, носившій одно именованіе Повелителя Оттомановъ; ибо вся власть была въ рукахъ сестры его и Верховнаго Визиря Махметъ Мусуитъ-Заде. Театръ войны тогда перенесенъ былъ въ Бугарію: расположивъ лагерь на горахъ, Визирь, набѣгавшій генеральнаго сраженія, вывелъ противъ пятидесяти тысячъ Россіянъ двухъ сотъ тысячное войско. Между тѣмъ, какъ часть его арміи выступила изъ укрѣпленій, Румянцовъ съ нѣсколькими отрядами обончалъ Турецкій станъ, ворвался во флангъ, овладѣлъ многими орудіями, всѣмъ обозомъ. Въ то самое время Каменской, по распоряженію Главнокомандующаго, отрезалъ Визирю всякое сообщеніе съ Адрианополемъ, заперъ его въ собственномъ лагерѣ. Страхъ объялъ всѣхъ Турокъ: они выжили изъ повиновенія, разсыпались во множествѣ. Визирь заговорилъ о мирѣ и согласился на всѣ условія, предписанныя ему побѣдителемъ. Кучунъ-Кайнарджскій договоръ, постановленный 10 Іюля, доставлялъ

Крымскимъ Татарамъ независимость; Россіи: Азовъ съ его областію; Керчь и Эникала въ Крыму; Кап-бурнь при устьѣ Днѣпра и степь между этой рѣкою и Бугомъ; свободное плаваніе по Черному морю и черезъ Дарданеллы, даже до стѣнъ Константинополя; четыре милліона пять сотъ тысячъ рублей на военныя издержки.

Велики были заслуги, оказанныя Отечеству Румянцовымъ, но и награды, полученныя имъ отъ справедливой Монархини соответствовали онымъ. Екатерина въ день мирнаго торжества, 10 Іюля 1775 года, пожаловала Графу Петру Александровичу: 1) наименованіе *Задумайскаго*, для прославленія черезъ то опаснаго перехода его чрезъ Дунай; 2) грамоту съ прописаніемъ побѣдъ его; 3) за разумное полководство: алмазами украшенный Фельдмаршальскій жезлъ; 4) за храбрыя предпріятія: шпагу, алмазами обложенную; 5) за побѣды: лавровый вѣнокъ; 6) за заключеніе мира: маслянную вѣтвь (*); 7) въ знакъ Монаршаго благоволенія: крестъ и звезду ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, осыпанныя алмазами; 8) въ честь его и для поощренія примромъ его потомства: медаль съ его изображеніемъ; 9) для увеселенія его: деревню въ пять тысячъ душъ въ Бѣлороссіи; 10) на построеніе дома: сто тысячъ рублей изъ Кабинета; 11) для стола: серебряный сервизъ и 12) на убранство дома: картины. Этого мало: Екатерина умѣла и наградамъ своимъ прида-

(*) Лавровый вѣнокъ и маслячная вѣтвь были также осыпаны алмазами.

вать *отдельно*, для возвышенія заслугъ и самой благоуваженности. Въ списекъ удостоенныхъ, 10 Юля, Монаршаго благоволенія, первое мѣсто занималъ по старшинству Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, второе Румянцовъ, но Государыня хотѣла отличить послѣдняго передъ первымъ и собственною рукой прибавила къ его титулу слово *Господитъ*, между тѣмъ какъ Голицынъ наименованъ просто Генералъ-Фельдмаршаломъ! Она желала, чтобы *Задумайкинъ*, по примѣру Римскихъ полководцевъ, имѣлъ въѣздъ въ столицу черезъ триумфальныя ворота на колесницѣ: скромный герой, привыкшій къ лагерной жизни, отказался отъ почестей и еще болѣе явилъ себя великимъ въ глазахъ соотечественниковъ! — Малороссія снова поступила подъ начальство его: оттуда Румянцовъ выванъ былъ въ С. Петербургъ (1776 г.), для сопровожденія Наслѣдника Престола въ Берлинъ, по случаю предназначеннаго бракосочетанія его съ племянницею Короля Пруссаго, Принцессою Виртембергскою (*).

«Привѣтствую побѣдителя Оттомановъ,» — сказалъ Фридрихъ Великій Румянцову въ то время, какъ Фельдмаршалъ преклонилъ передъ нимъ побѣдоносное чело свое. — «Я нахожу великое сходство «между вами и Генераломъ моимъ Винтерфельдомъ.» — *Государь!* — отвѣчалъ Румянцовъ — *для меня весьма бы лестно было хоть немного походить на Генерала, столь славно служившаго Фридриху.*» —

(*). Бывшею потомъ Императрицею Маріею Оводоровною.

«Нынѣ— возразилъ Король — «вы не этимъ долж-
 «ны гордиться; но побѣдами вашими, которыя пере-
 «сдадутъ мнѣ Румянцова позднѣйшему потомству.» —
 Уважая достоинства Россійскаго полководца, Король
 приказалъ Военному Штабу своему: явиться къ Ру-
 мянцову съ почтеніемъ, съ поздравленіями; возло-
 жила на него орденъ Чернаго Орла; собравъ весь
 гарнизонъ въ Потсдамѣ, представилъ пригварное
 Магдальское сраженіе, которымъ самъ предводитель-
 ствовалъ. Въ Берлинской Академіи Наукъ славный
 Формей произнесъ рѣчь, въ которой выхваляя добродѣ-
 тели Наслѣдника Престола Россійскаго, коснулся и
 Румянцова: «Да великая и процвѣтающая Имперія,
 «предназначенная Вашему Высочеству — сказала
 оны — «всегда будетъ опираться на столбы: стол-
 «же прочныя, каковыя и нынѣ поддерживаютъ ее.
 «Да въ советалъ Вашия первенствуютъ всегда Ми-
 «нистры, въ арміяхъ Полководцы, одинаково люби-
 «мые Минервою и Марсомъ. Да будетъ герой этотъ
 «(здѣсь я невольнымъ образомъ предаюсъ восторгу,
 «соощаемому мною при видѣ великаго Румянцова)
 «долгое еще время ангеломъ хранителемъ Россіи!
 «Распространивъ ужасъ своего вѣдоноснаго оружія
 «за Дунаемъ, оны нынѣ украшаетъ берега Шпрен
 «доблестями; не менѣ славными, возбуждающими
 «удивленіе. Но чтобы достойно возвеличить музна,
 «который съ храбростію Ахиллеса соединяетъ до-
 «бродѣтели Энея, надобно вызвать тѣни Гомера и
 «Виргилія: голосъ мой для сего недостаточенъ.» —
 Здѣсь должно прибавить, что въ этомъ собраніи Ру-
 мянцовъ сидѣлъ подлѣ Короля, между тѣмъ какъ

два Принца Брауншвейгскіе и три Виртембергскіе стояли (*).

Возвратясь въ Отечество, Графъ Петръ Александровичъ вступилъ по прежнему въ управленіе Малороссією. Въ то время Потемкинъ, бывшій въ Турецкую войну подъ начальствомъ его, представлялъ первое лице въ Государствѣ, могуществомъ своимъ превосходя всѣхъ своихъ предъшественковъ. Благоволеніе Императрицы къ Кагульскому побѣдителю не уменьшилось: Она соорудила въ честь ему обелискъ въ Царскомъ Селѣ; возложила на Румянцева орденъ Св. Владимира 1-й степени въ самый день учрежденія оного (1782 г.); пожаловала его Подполковникомъ Ковной гвардіи (1784 г.); наименовала Главнокомандующимъ Украинской арміи, выставленной противъ Турокъ въ 1787 году; не со всемъ тѣмъ Задунайскій представлялъ уже второстепеннаго предводителя: Потемкинъ былъ главнымъ. Тогда Екатерина предприняла путешествіе въ Тавриду: Румянцева встрѣтилъ Императрицу на границѣ Малороссійской и присоединился къ особамъ, сопровождавшимъ Ее. «На лицѣ этого знаменитаго воина — пишетъ очевидецъ Графъ Сегюръ — изображались отличительныя черты его характера, смѣсь скромности и вѣсть гордаго благородства, которымъ всегда украшается истинное достоинство; внутренняя печаль и досада, чувствуемая имъ отъ предпочте-

(*) Изъ портретей Исторіографа Миллера, хранящихся въ Московск. Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

«нія, оказываемаго Потемкину, помрачала величественное чело его. Онъ открыто изъявлялъ неудовольствіе; въ то время какъ другіе Царедворцы тайно старались вредить любимцу счастья, который, по званію Президента Военной Коллегіи и перваго Министра, представлялъ къ наградамъ однихъ только своихъ подчиненныхъ; строилъ великолѣпныя зданія въ ввѣренномъ ему Намѣстничествѣ; новою, красивою одеждою придавалъ блескъ арміи своей, между тѣмъ, какъ воины Румянцова носили ветхіе мундиры, офицеры не получали повышеній, казенныя работы пріостановились въ Украинѣ.» — Вражда эта въ томъ же году, по видимому, прекратилась: Потемкинъ, до открытія военныхъ дѣйствій, написалъ къ Задунайскому письмо, называлъ себя *ученикомъ его*, испрашивалъ совѣтовъ, или, лучше сказать, *повелѣній своего наставника*.

Между тѣмъ какъ Таврическій осаждалъ Очаковъ (1788 г.), Румянцовъ, оставаясь въ Украинѣ, быстро подвигалъ войска въ Молдавію и, предвидя, что соперникъ его будетъ преграждать ему дорогу на ратномъ полѣ, сказался больнымъ ногами, съелъ армію Потемкину, который присоединилъ ее къ своей. Удадась (1789 г.), близъ Кіева, въ мирное уединеніе, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, побѣдитель Оттомановъ дасково бесѣдовалъ съ своими поселянами, воспоминалъ въ кругу отставныхъ воиновъ о дняхъ прошедшей славы. Любя чтеніе, даже подъ шумомъ военныхъ бурь, онъ посвящалъ тогда одному большую часть дня. *Вотъ мои учителя*, говорилъ Румянцовъ, указывая на книги. Нерѣдко, въ

престой ожеждь и сидя на пнѣ, удилъ онъ рыбу. Однажды любопытные посѣтители, прїѣхавшіе взглянуть на героя Кагульскаго, не могли различить его отъ другихъ. — *«Вотъ онъ — сказалъ пнѣ съ ласкою Румянцовъ: — наше дѣло города плякить, да рыбку ловить.»* — Въ домѣ его, богато убранномъ, находились и дубовые стулья. *«Если великолѣпныя комнаты — говорилъ онъ своимъ приближеннымъ — внушатъ мнѣ мысль, что я выше кого-либо изъ васъ: то пусть эти простые стулья напоминаютъ, что и я такой же человекъ, какъ вы.»*

Такъ провелъ Румянцовъ нѣсколько лѣтъ: въ исходе 1791 года дошло до него извѣстіе о смерти Потемкина; великодушный герой не могъ удержаться отъ слезъ. *«Чему удивляетесь вы? — сказалъ онъ своимъ домашнимъ — Потемкинъ былъ моимъ соперникомъ; но Россія лишилась въ немъ великаго мужа, а Отечество потеряло усерднѣйшаго сына.»* — Черезъ два года потомъ, Екатерина торжествовала миръ, заключенный съ Турціей, 1791 года, и не забыла Задунайскаго; онъ получилъ тогда шпагу, украшенную алмазами: за занятіе части Молдавіи въ началъ войны, какъ будто въ предзнаменованіе, что рука его должна еще ополчиться къ подвигамъ славы.

Въ 1794 году, 16 Мая, ввѣрено Румянцову главное начальство надъ войсками, расположенными отъ устья Днѣстра до предѣловъ Минской губерніи. Императрица собственноручно писала къ нему: *«Я слышала о лучшемъ состояніи теперъ здоровья вашего, обрадовалась, и желаю, чтобъ оно дало вамъ но-*

«вѣя силы раздѣлитъ съ Мною тягости Мои; ибо вы «сами довольно знаете, сколь Отчество помнить «васъ, содеража незабвенно всегда заслуги ваши въ «сердцѣ своемъ; знаете также и то, сколь много и «все войско самое любить васъ и сколь оно пора- «дуются, услыша только, что обоимъ Велизарій «онять ихъ пріемлетъ, какъ дѣтей своихъ, въ свое «повелѣніе.»—Оставаясь въ Украинѣ, онъ подвигалъ впередъ равныя корпусы своей арміи, снабдивъ Суворова словеснымъ наставленіемъ, сосредоточилъ полки подъ его знамена, и благоразумными распоряженіями содѣйствовалъ низложенію мятежа въ Подольскѣ; награжденъ (1795 г.) похвальною грамотой, деревнями, домомъ съ приличнымъ убранствомъ и вередъ онымъ памятникомъ, съ надписью: *Побѣдамъ Графа Румянцева-Задумайскаго* (*). Вскорѣ Императрица переселилась въ вѣчность. (6. Ноября 1796 г.). Печальное извѣстіе это, полученное Румянцовымъ въ Ташани, чрезвычайно огорчило его. Сначала Императоръ Павелъ I-й обошелся съ нимъ весьма милостиво, спрашивалъ совѣтовъ его по военной части; нарочные безпрестанно летали изъ С. Петербурга къ Кагульскому герою. Полководецъ Екатерининъ, надеясь на свою силу и опытность, смѣло сообщалъ мысли свои; но онѣ не всѣ согласны были съ видами Монарха.

(*) Памятникъ этотъ, поставленный на Царицынѣмъ луку, вередъ домомъ Румянцева, нынѣ находится на Васильевской островѣ, между Кадетскимъ Корпусомъ и Академією Художествъ.

Параличный ударъ прекратилъ (8 Декабря) славную жизнь Румянцова. Необыкновенному вождю этому определено было родиться и умереть въ двѣ значительныя эпохи для Россіи. Императоръ Павелъ I, *въ память великихъ его Отечеству заслугъ*, повелѣлъ наложить военный трауръ на три дни.

Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій былъ высокаго роста; станъ имѣлъ стройный, величественный; фizioномію пріятельную, чуждую притворства, всегда спокойную; важная походка придавала ей нѣкоторую гордость; отличался превосходною памятью и крѣпкимъ сложеніемъ тѣла: не забывалъ никогда, что читалъ и видѣлъ; не зналъ болѣзней и на семидесятомъ году жизни своей могъ прошагать верхомъ въ день пятьдесятъ верстъ. Онъ былъ набоженъ безъ суевѣрія; благоговѣлъ передъ Монархинею, умѣвшею возвеличить Россію, любилъ солдатъ, какъ дѣтей своихъ, заботился объ нихъ въ полѣ и на квартирахъ; одушевлялъ храбрыхъ воиновъ увѣренностію въ побѣдѣ; былъ любимъ ими, не смотря на строгость свою и на частыя маневры (*); но взыскивая за малѣйшую несправность, обыкновенно трунилъ надъ подчиненными, не дѣлая ихъ несчастными. Однажды Задунайскій, обозрѣвая

(*) Румянцовъ — по словамъ Суворова — *зналъ имена солдатъ. Черезъ десять миль послѣ Кагульскаго сраженія узналъ онъ въ городѣ Орлѣ сторожа, служившаго на той славной битвѣ рядовымъ; остано-вилъ его, назвалъ по имени, и поцѣловалъ. См. Анекдоты Суворова, стр. 7.*

на разсвѣтъ лагерь своей, привѣтилъ офицера, отды-
хавшаго въ халатъ, началъ съ нимъ разговари-
вать, ввѣлъ его подъ руку, вывелъ изъ палатки,
прѣшелъ мимо войскъ и потомъ вступилъ вмѣстѣ
въ шатеръ Фельдмаршальскій, окруженный Генера-
лами и своимъ Штабомъ. Съ умомъ прозорливымъ,
основательнымъ, Румянцовъ соединялъ твердость,
предпримчивость; былъ неустранимъ; не зналъ пре-
пятствій при исполненіи военныхъ предначертаній;
не унывалъ среди опасностей, одаренный рѣшкимъ
присутствіемъ духа. — «Задунайскаго — пишетъ Ка-
рамзинъ — можно смѣло назвать Тюреномъ Россіи.
«Онъ былъ мудрый полководецъ, зналъ своихъ не-
«пріятелей, и систему войны образовалъ по ихъ свой-
«ству; мало вѣрилъ слѣпому случаю и подчинялъ
«его вѣроятностямъ разсудка; казался отважнымъ,
«но былъ только проникателемъ; соединялъ рѣши-
«тельность съ тихимъ и яснымъ дѣйствіемъ ума; не
«зналъ ни страха, ни запальчивости; берегъ себя въ
«сраженіяхъ единственно для победы; обожалъ славу,
«не могъ-бы снести и поражение, чтобы въ самомъ
«вѣщастіи доказать свое искусство и величіе; обя-
«занный гениемъ натуръ, прибавилъ къ ея дарамъ и
«силу науки; чувствовалъ свою цѣну, но хвалилъ
«только другихъ; отдавалъ справедливость подчи-
«неннымъ, но оторчился-бы во глубинѣ сердца, ес-
«либы ктонибудь изъ нихъ могъ сравняться съ нимъ
«талантами: судьба избавила его отъ сего нудод-
«вольствія.»

Еслибъ герои Кагульскіи имѣли какіе либо не-
достатки: то они должны встѣннуть во множествѣ

его отличныхъ качествъ и доблестныхъ подвиговъ, которые не умрутъ въ потомствѣ. Екатерина Великая, кромѣ двухъ памятниковъ, сооруженныхъ въ честь Румянцева, украсила еще мраморнымъ его бюстомъ Эрмитажъ. *«Онъ великій человекъ—говорила Императрица—человекъ Государственный; имѣетъ воинскія достоинства; не дворянъ и дворянъ умоля, а не сердцемъ. Императоръ Иосифъ II всегда приказывалъ ставить за столомъ лишній приборъ для любезнаго своего Фельдмаршала.»* Суворовъ являлся къ нему съ полною мудрью и забывалъ при немъ шутки свои. Его некровителству обязана Россія славными Министрами: Безбородко и Завадовскимъ. Онъ имѣлъ отъ супруги своей, Графини Екатерины Михайловны, рожденной Княжны Голицыной, трехъ сыновей: Государственного Канцлера Графа Николая Петровича, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Графа Сергія Петровича и Оберъ-Шенка Графа Михаила Петровича. Съ кончиною втораго изъ нихъ (въ 1838 г.) пресѣклась фамилія Румянцевыхъ.

Прахъ Задунайскаго покоится въ Киевопечерской Лаврѣ, у лѣваго крылоса Соборной церкви Успенія Св. Богородицы. Великолѣпный памятникъ, сооруженный старшимъ сыномъ его, не могъ, по опрочности, поставленъ быть на томъ мѣстѣ, но помѣщенъ при входѣ въ церковь съ южной стороны; гдѣ погребены два Архимандрита. Государственный Канцлеръ, съ Высочайшаго утвержденія, помертвовалъ, въ 1805 году, капиталъ, изъ процентовъ котораго шесть особъ военно-служившихъ получаютъ каждый годъ по тысячи рублей, имѣя жительство

въ построенномъ для нихъ домѣ. Они обязаны, во время панихидъ, отправляемыхъ на память Фельд-маршала и церковнаго Соборнаго служенія, окружать его могилу. Ихъ избираетъ нынѣ Дума Военнаго ордена Св. Георгія.

27-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

ГРАФЪ ЗАХАРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

ЧЕРНЫШЕВЪ.

=

Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ (*) родился въ 1722 году. Онъ былъ третій сынъ Генералъ-Аншефа Графа Григорія Петровича, который за оказанную храбрость въ разныхъ битвахъ противъ Шведовъ и полученныя имъ раны, награжденъ (1710 и 1714 г.) двумя портретами Петра Великаго, украшенными алмазами; безбоязненно говорилъ правду грозному Монарху; пожалованъ, въ званіи Сенатора, кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1741 г.) и Графомъ Россійской Имперіи (1742 г.); скончался въ 1745 году.

(*) Чернышевы происходятъ отъ древней Польской фамиліи *Чернецкихъ*. — Родоначальникъ ихъ Иванъ Михайловичъ (который первый началъ писаться *Чернышевымъ*), выехалъ въ Россію въ исходѣ XV столѣтія.

Рис. Г. И. Ивановъ

Графъ Захаръ Тригоринъ

ЧЕРНЫШОВЪ.

Липовъ Гельва

Имя только тринадцать лѣтъ отъ роду, Графъ Захаръ Григорьевичъ вступилъ въ военную службу (1735 г.) и въ началѣ 1741 года пожалованъ Капитаномъ. Вскорѣ (1742 г.) отправленъ онъ Дворяниномъ Посольства въ Вѣну, гдѣ находился тогда Чрезвычайнымъ Посланникомъ нашего Двора Людовикъ Ланчинскій, Польскій уроженецъ, извѣстный съ 1707 года на дипломатическомъ поприщѣ (*). Подъ его руководствомъ Чернышевъ обогатилъ умъ свой разными познаніями, употребляя свободное время на усовершенствованіе себя въ иностранныхъ языкахъ. Онъ возвратился въ Россію (1744 г.) въ то самое время, какъ Наслѣдникъ Престола сочетался бракомъ съ Принцессой Ангальтъ-Цербстскою. Родительница Графа Чернышева пользовалась отличнымъ благоволеніемъ Императрицы Елисаветы Петровны: не трудно ей было помѣстить сына къ Великому Князю Камеръ-Юнкеромъ, съ чиномъ армейскаго Полковника. Умъ, любезность и ловкое обращеніе молодого Чернышева пріобрѣли ему вниманіе Великой Княгини Екатерины Алексѣевны, умѣвшей различать людей: въ исходѣ 1745 года отправленъ онъ во Франкфуртъ на Сеймъ Имперскій Министромъ отъ Великаго Князя Петра Ѳеодоровича, какъ Герцога Шлезвигъ-Голштинскаго, для охраненія правъ его, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился въ С. Петербургъ, не приступивъ къ возложенному пору-

(*) См. біографію Ланчинскаго въ третьей части моего *Словаря достопамятныхъ людей Русской земли*, стр. 140—146.

ченію (*). Кратковременное отсутствіе Чернышева не уменьшило значенія его у Двора, которое приметнымъ образомъ возрастало и послужило ему во вредъ; ибо, по неудовольствію Императрицы, онъ былъ удаленъ въ армію тѣмъ же чиномъ (1748 года).

Послѣ извѣстнаго похода нашихъ войскъ на Рейнъ, Чернышевъ, участвовавшій въ ономъ, командовалъ С. Петербургскимъ пѣхотнымъ полкомъ и произведенъ въ Генераль-Маіоры 1750 года. Онъ присутствовалъ на Коллинской битвѣ (1757 года), знаменитой пораженіемъ Пруссаковъ Фельдмаршаломъ Дауномъ; находился въ Австрійской арміи и въ началѣ 1758 года; произведенъ въ Генераль-Поручики; получилъ орденъ Св. Александра Невскаго: командовалъ гренадерами на Цорндорфскомъ сраженіи и, предводительствуя отдѣльнымъ корпусомъ, занялъ Берлинъ (1760 г.). Быстрая эта экспедиція стоила непріятелю пяти тысячъ человекъ, пятидесяти семи орудій и множества снарядовъ. Съ кончиною Елисаветы, политическія отношенія перемѣнились. Императоръ Петръ III ввѣрилъ Чернышеву начальство

(*) Полномочный Министръ нашъ Графъ Кейзерлингъ донесъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ: «что Графъ Чернышевъ съ трудомъ можетъ быть употребленъ на Имперскомъ Регенбургскомъ Сеймѣ для того, что онъ кестъ особа, Греческой, а не Лютеранской Законъ исповѣдающая, и что по сему многія препятствія и затрудненія при Сеймѣ причиняются, а слѣдовательно «и интересамъ Великаго Князя больше поврежденія, нежели пользы быть можетъ.»

надъ войсками Россійскими, присоединенными къ Прусской арміи (1761 г.); Фридрихъ Великій возложилъ на него орденъ Чернаго Орла; Екатерина II пожаловала Генераль-Аншефомъ и, въ день своего коронаванія, кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1762 г.). Онъ былъ верховнымъ Церемоніимейстеромъ при этомъ торжественномъ обрядѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Графъ Чернышевъ, удостоенный особенною довѣренностію Императрицы, опредѣленъ Вице-Президентомъ Военной Коллегіи (1763 г.), а въ 1773 году (22 Сентября) получилъ чинъ Генераль-Фельдмаршала и достоинство Президента, но вскорѣ (1774 г.) лишился этой должности, имѣя помощникомъ Потемкина, который находился въ то время во всей силѣ и вездѣ любилъ первенствовать.

Около двѣнадцати лѣтъ Графъ Чернышевъ съ примѣрнымъ искусствомъ и отличнымъ успѣхомъ управлялъ Военной Коллегіею: при немъ изданы штаты, положенія и инструкціи для полковъ; во дворены въ войскахъ лучшій порядокъ и благоустройство. Онъ содѣйствовалъ въ присоединеніи Бѣлоруссіи къ Имперіи нашей, пожалованъ первымъ Генераль-Губернаторомъ этой Области (1772 г.); образовалъ изъ оной два Намѣстничества Могилевское и Псковское; отдѣлалъ дороги; переведенный въ Москву Градоначальникомъ (1782 г.), обновилъ, украсилъ древнюю столицу многими зданіями; награжденъ Императрицею орденомъ Св. Владиміра первой степени въ день учрежденія онаго; скончался въ Москвѣ 29 Августа 1784 года, на шестьдесятъ третьемъ отъ рожденія.

Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ пламенно любилъ Монархиню, Отечество и славу; покровительствовалъ ученымъ и художникамъ; отличался прозорливостію, трудолюбіемъ, правотою; но былъ строгъ въ дѣлахъ, угрюмъ, особливо по утрамъ, неприступенъ; давалъ приказанія въ полголоса; подчиненные трепетали предъ нимъ. Со всѣмъ тѣмъ Графъ Чернышевъ имѣлъ доброе сердце: однажды купецъ Московскій вручилъ ему просьбу, наполненную оскорбительными для него выраженіями: *«Возьми обратно свое прошеніе — сказалъ Чернышевъ — ты купецъ, я Фельдмаршалъ, следовательно не могу обижаться твоєю бранью. Совѣтую переписать бумагу, если не желаешь, чтобы она послужила тебѣ во вредъ.»* Въ числѣ друзей Чернышева находился Платонъ, Митрополитъ Московскій. Главнокомандующій, Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ (*), осуждалъ при немъ, въ присутствіи многихъ, дѣйствія своего предмѣстника, Графа Захара Григорьевича. *«У насъ мало въ Россіи людей, подобныхъ Чернышеву и Румянцову — сказалъ Платонъ; — «на кого ни посмотримъ все Брюсъ, да «Платонъ.»* — Графъ Чернышевъ, дѣйствительно, занимаетъ въ Россіи первое мѣсто между Градодержателями, не молчалъ и въ Совѣтахъ Государственныхъ; но былъ второстепенный Полководецъ. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ называетъ его въ письмѣ

(*) См. объ немъ, въ первой части, въ концѣ біографіи Графа Якова Валимовича Брюса.

къ Д. И. Фонъ-Визину: *Военнымъ Министромъ и
комнатнымъ Генераломъ* (*).

О возвышенномъ характеръ Чернышева, можно судить по слѣдующему анекдоту: «*Что новаго?*» — спросилъ онъ у одного знакомаго своего, въ 1779 году. — «Слышно, что Репнину дали Андреевскій орденъ.» — «*Какъ дали?*» — отвѣчалъ Чернышевъ — «*Мнѣ его дали и тебѣ могутъ дать; а Репнинъ самъ его взялъ.*»

(*) Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ и Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ были женаты на двухъ родныхъ сестрахъ: Аннѣ Родіоновнѣ и Марьѣ Родіоновнѣ. Отецъ ихъ, Баронъ Вейдель, служилъ Генераль-Поручикомъ; мать была родная сестра Генерала Пассека. Онѣ лишились родителей въ малолѣтствѣ, взяты во Дворецъ Императрицею Елисаветою Петровною, получили отличное воспитаніе и, потомъ, пожалованы Фрейлинами.

28-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЬ

ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

=

Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, сынъ отставнаго Маіора, служившаго въ гарнизонномъ полку, родился, Смоленской губерніи, Духовщинскаго уѣзда, въ небольшой деревнѣ отца своего, Чижовѣ, въ Сентябрь 1736 года. Онъ произошелъ отъ древней дворянской фамиліи, переселившейся изъ Польши въ Россію и въ малолѣтство Петра Великаго довольно знаменитой (*). Назначаетъ

(*) Въ числѣ предковъ Князя Григорія Александровича находился Окольнічій Петръ Ивановичъ Потемкинъ, извѣстный своими Посольствами въ Испанію, Францію (1668 и 1680 г.). Англію (1681 г.) и въ Данію. — См. объ немъ въ четвертой части моего *Словаря достопамятныхъ людей Русской земли*, стр. 186-192.

Рис. Гр. Потемкина

Князь Григорій Александровичъ.

ПО ПОТЕМКИНЫЧЪ - ТАВРИЧЕСКІИ.

Литогр. М. Тюленя.

мый въ духовное званіе, Потемкинъ обучался сначала въ Смоленской Семинаріи, потомъ отправленъ въ Московскій Университетъ. Здѣсь посѣщалъ онъ съ большимъ прилежаніемъ лекціи Профессоровъ; оказалъ быстрые успѣхи въ наукахъ, *желая* — какъ твердилъ товарищамъ своимъ — *быть непременно Архіереємъ, или Министромъ*; получилъ золотую медаль (1756 г.) и вскорѣ соскучился единообразнымъ ученіемъ, пересталъ ходить въ Университетъ, выключенъ изъ онаго (*), обращался съ одними монахами, бесѣдуя въ Законоспасскомъ и Греческомъ монастыряхъ о догматахъ вѣры. Казалось, юноша, одаренный отъ природы колоссальнымъ ростомъ, мужественною красотой, умомъ бѣглымъ, памятью необыкновенною, готовилъ себя къ ношенію митры: вышло противное. Честолюбивый нравъ его не могъ довольствоваться саномъ пастыря Церкви, желалъ повелѣвать многими, гонялся за славою и внушилъ ему счастливую мысль сблизиться съ Дворомъ военною службой. Въ числѣ духовныхъ, которыхъ посѣщалъ Потемкинъ, находился Амвросій Зертись-

(*) Я видѣлъ въ портфеляхъ покойнаго моего родителя (сгорѣвшихъ въ Московскій пожаръ 1812 года) оторванный отъ Вѣдомостей листъ, въ которомъ было напечатано, въ числѣ выключенныхъ изъ Университета *за нехождение*, имя *Григорія Потемкина*. — *Помните ли*—сказалъ, потомъ, Князь Тавричeskій Профессору Барсову, во время славы своей и могущества *«какъ вы выключили меня изъ Университета?»* — *«Ваша «Святость тогда сего заслуживали»* — отвѣчалъ бывшій наставникъ его.

Каменскій, бывший тогда Архіепископомъ Крутицкимъ и Можайскимъ: онъ одобрялъ его намъреніе и далъ ему на дорогу пятьсотъ рублей (*). Изъ келліи монастырской Потемкинъ перенесся къ берегамъ Невы и вскоре принятъ въ Конную гвардію; обучался Французскому языку въ свободное время. Онъ былъ Вахмистромъ этого полка, когда вступила на Престолъ Екатерина II. (1762 г.), находился въ Ея свитѣ и услышавъ, что Императрица желаетъ имѣть темлякъ на шпагѣ, сорвалъ свой собственный, подѣхалъ къ Государынѣ и осмѣлился поднести оный. Ретивая лошадь Потемкина, привыкшая къ эскадронному ученію, поравнялась съ лошадью Императрицы и, не смотря на всѣ усилія его, упорствовала удалиться. Екатерина улыбнулася, взглянула на отважнаго всадника, спросила о его фамиліи, произвела на другой день (29 Іюня) Потемкина офицеромъ гвардіи, потомъ Подпоручикомъ и Камеръ-Юнкеромъ, приказавъ выдать ему двѣ тысячи рублей. Онъ былъ отправленъ въ Стокгольмъ къ Министру нашему при Шведскомъ Дворѣ, Графу Остерману, съ увѣдомленіемъ о послѣдовавшей перемѣнѣ въ Правленіи.

Возвратясь въ С. Петербургъ, Потемкинъ старался сблизиться съ Орловыми, которые находились

(*) Это передалъ мнѣ покойный мой родитель, родной племянникъ Пр. Амвросія. Потемкинъ нѣсколько разъ вспоминалъ потомъ объ этихъ деньгахъ, говоря: *что онъ ему долженъ; но постарается заплатить съ процентами.* Родитель мой ни о чемъ не просилъ его: тѣмъ и кончидсь общанія.

во всей своей силѣ, былъ принять въ общество Императрицы, гдѣ любезность и простота замѣняли принужденныя обыкновенія, прикомандированъ, потомъ, будучи Поручикомъ, къ Оберъ-Прокурору Св. Синода Ивану Ивановичу Мелвину. Въ 1768 году онъ имѣлъ уже чинъ Дѣйствительнаго Камергера и Секундъ-Ротмистра Конной гвардіи. Тогда началъ Потемкинъ обдумывать планъ своего возвышенія и могущества, не довольствуясь полученными наградами; желалъ большаго и, чувствуя свои преимущества передъ другими, увѣренъ былъ въ успѣхъ.

Въ 1769 году возгорѣлась война съ Турціею. Потемкинъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы удалиться на нѣкоторое время изъ столицы; служилъ сначала подъ знаменами Генераль-Аншефа Князя Голицына, потомъ въ арміи Генераль-Фельдмаршала Графа Румянцова: участвовалъ 49 Іюня, въ пораженіи Генераль-Маіоромъ Княземъ Прозоровскимъ двадцатитысячнаго Турецкаго войска, перешедшаго у Хотина на лѣвый берегъ Днѣстра и желавшаго пробраться къ Каменцу-Подольскому; въ овладѣніи, 2 Іюля, Турецкими укрѣпленіями подъ Хотинымъ; пожалованъ въ Генераль-Маіоры за *оказанную храбрость и опытность въ военныхъ дѣлахъ*; предводительствуя отрядомъ конницы; отличилъ себя въ сраженіи, 29 Августа, на которомъ Верховный Визирь, Молдованджи Паша, и Крымскій Ханъ были совершенно разбиты и обращены въ бѣгство.

Графъ Румянцовъ, принявъ главное начальство надъ арміею послѣ Князя Голицына и угадывая, какая участь ожидала Потемкина, доставлялъ ему

случаи пожинать лавры: онъ увѣнчалъ себя новою славой, въ началѣ Января 1770 года, въ окрестностяхъ Фокшанъ, опрокинулъ (4 числа) за рѣку Милку, вмѣстѣ съ Генералъ-Маіоромъ Графомъ Подгоричани, Турецкій десяти тысячный корпусъ, предводимый Сулиманъ Папешю и Сераскиромъ Румели-Валаси; положилъ на мѣстѣ тысячу человекъ, отнялъ пять орудій, два знамя и пять фуръ съ порохомъ; содѣйствовалъ (4 Февраля) Генералъ-Поручику Штофельну въ овладѣніи Журжею; преслѣдовалъ непріятеля, обращеннаго въ бѣгство Румянцовымъ, 17 Юня, близъ Рябой-Могилы; участвовалъ въ битвахъ Ларгской (7 Юля) и Кагульской (21 Юля); отразилъ на послѣдней Хана Крымскаго, намѣревавшегося ударить въ тылъ Русской арміи; награжденъ орденами Св. Анны и Св. Георгія третьяго класса; принялъ дѣятельное участіе въ занятіи Измаила Генералъ-Поручикомъ Княземъ Репнинымъ; первый вступилъ въ предместье Килии, когда оно было объято пламенемъ; съ успѣхомъ отразилъ (1771 г.) нападенія Турокъ на Краіовъ; вытѣснилъ ихъ изъ Цимбры; освободилъ находившихся въ этомъ городѣ Христіанъ; сжегъ нѣсколько непріятельскихъ судовъ на Дунавъ и четыре магазина, наполненные мукою и сухарями; обратилъ въ бѣгство четырехъ тысячный отрядъ Турецкій (17 Мая) на походѣ къ рѣкѣ Ольтъ; держалъ въ осадѣ крѣпость Турну, вмѣстѣ съ Генералъ-Маіоромъ Гудовичемъ; предводительствуя небольшою флотиліею (въ Октябрѣ), дѣлалъ поиски на правомъ берегу Дуная, подходилъ къ Силистріи. Въ 1772 году происходили перегово-

ры о мирѣ, и Потемкинъ провелъ это время, большею частію, въ шлафрокъ или лежа на софѣ, погруженный въ размышленіе. Между тѣмъ онъ произведенъ въ Генераль-Поручики за прошедшую службу.

Съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій (1773 г.) Потемкинъ снова обнажилъ мечъ свой: переправился черезъ Дунай въ виду многочисленнаго непріятеля, 7 Іюня; участвовалъ въ разбитіи Османа Паши подъ Силистріей, въ овладѣніи его лагеремъ. Эти подвиги Потемкина остались безъ награжденія. Оскорбленный Полководецъ, всегда предпримчивый, отправился въ С. Петербургъ и рѣшился написать слѣдующее письмо къ Императрицѣ (*): «Всемилости-
«вѣйшая Государыня! Опредѣлилъ я жизнь мою для
«службы Вашей, не шадилъ ее отнюдь, гдѣ только
«былъ случай къ прославленію Высочайшаго Имени.
«Сіе поставя себѣ простымъ долгомъ, не мыслилъ
«никогда о своемъ состояніи и если видѣлъ, что мое
«усердіе соответствовало Вашего Императорскаго Вк-
«личества волѣ, почиталъ уже себя награжденнымъ.
« — Находясь почти съ самаго вступленія въ армію
«Командиромъ отдѣленныхъ и къ непріятелю всег-
«да близкихъ войскъ, не упустилъ я наносить оному
«всевозможнаго вреда: въ чемъ ссылаюсь на Коман-
«дующаго арміею и на самихъ Турокъ. — Отнюдь не
«побуждаемъ я завистию къ тѣмъ, кои моложе меня,
«но получили лишніе знаки Высочайшей милости, а
«тѣмъ единственно оскорбляюсь, что не заключаюсь-

(*) 27 Февраля 1774 года.

«ли я въ мысляхъ Вашего Величества меньше про-
«чихъ достоинъ? Симъ будучи терзаемъ, принявъ
«дерзновеніе, павъ ко священнымъ стопамъ Вашего
«Императорскаго Величества, просить, ежели служ-
«ба моя достойна Вашего благоволенія и когда щедрота
«и Высокомонаршая милость ко мнѣ не оску-
«дѣвають, разрѣшить сіе сомнѣніе мое пожалованіемъ
«меня въ Генераль-Адъютанты Вашего Император-
«скаго Величества. Сіе не будетъ никому въ обиду,
«а я приму за верхъ моего счастья, тѣмъ паче, что
«находясь подъ особливымъ покровительствомъ Ва-
«шего Императорскаго Величества, удостоюсь при-
«нимать премудрыя Ваши повелѣнія и, вникая въ
«оныя, сдѣлаюсь вѣще способнымъ къ службѣ Ва-
«шего Императорскаго Величества и Отечества.» —
На другой день Потемкинъ удостоился получить
слѣдующій собственноручный рескриптъ: «Господинъ
«Генераль-Поручикъ! Письмо ваше Г. Стрекаловъ
«Мнѣ сего утра вручилъ и Я просьбу вашу нашла
«столь умѣренною въ разсужденіи заслугъ вашихъ,
«Мнѣ и Отечеству учиненныхъ, что Я приказала
«изготовить указъ о пожалованіи васъ Генераль-
«Адъютантомъ. Признаюсь, что и сіе Мнѣ весьма
«пріятно, что довѣренность ваша ко Мнѣ была та-
«кова, что вы просьбу вашу адресовали прямо пись-
«момъ ко Мнѣ, а не искали побочныхъ дорогами.
«Впрочемъ пребываю къ вамъ доброжелательная
«Екатерина (*).»

(*) Изъ портфелей Миллера, хранящихся въ Моск. Ар-
хивѣ Министерства Иностр. дѣлъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, Потемкинъ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго (1774 г.); началъ посѣщать по прежнему общества Императрицы; былъ веселъ, занималъ собою другихъ; потомъ сдѣлался пасмурнымъ, задумчивымъ, оставилъ совсѣмъ Дворъ, удалился въ Александро-Невскій монастырь; объявилъ, что желаетъ постричься, учился тамъ церковному уставу, отстригалъ бороду, носилъ монашеское платье. Такъ необыкновенный человекъ этотъ пролагалъ дорогу къ своему возвышенію! Душевная скорбь его и уныніе не остались сокрытыми отъ Двора, возбудили любопытство и жалость онаго, и вскорѣ временный отшельникъ сбросилъ черную одежду и явился среди изумленныхъ царедворцевъ во всемъ блескѣ любимца счастія. Въ томъ же году пожалованъ онъ Генераль-Аншефомъ, Военной Коллегіи Вицъ-Президентомъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Подполковникомъ и (25 Декабря) кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго. Въ слѣдующемъ году (1775) получилъ орденъ Св. Георгія втораго класса за ратные подвиги противъ Турокъ въ прошедшую кампанію; назначенъ Генераль-Губернаторомъ Новороссійской, Азовской и Астраханской губерній, съ властію и преимуществами Царскаго Намѣстника, а по заключеніи съ Портою Оттоманской мира, награжденъ (10 Іюля): *за споспѣшествованіе къ оному добрыми совѣтами* Графскимъ достоинствомъ Россійской Имперіи; *за храбрые и неутомимые труды* шпагою, осыпанною алмазами, и *въ знакъ Монаршаго за то благоволенія* портретомъ Императрицы для ношенія на груди.

Сначала Потемкинъ не имѣлъ большаго вліянія на дѣла Государственныя, хотя и пользовался совершенною довѣренностію Екатерины, жилъ въ Дворцѣ, гдѣ ежедневно поклонники раболѣпствовали передъ нимъ, въ то время какъ онъ, лежа на диванѣ, не обращалъ на нихъ вниманія. Въ 1776 году, Императрица пожаловала его Поручикомъ Кавалергардскаго Корпуса и исходатайствовала ему Княжеское достоинство Имперіи Римской съ титуломъ *Свѣтлѣйшаго*. Между тѣмъ возрастающее могущество Потемкина заставило и другихъ Государей искать въ немъ: Король Польскій препроводилъ къ нему ордена Бѣлаго Орла и Св. Станислава; Фридрихъ Великій поручилъ брату своему, Принцу Генриху, возложить на него ленту Чернаго Орла; Датскій Король прислалъ орденъ Слона, Шведскій орденъ Се-рафима.

Сдѣлавшись необходимымъ для Екатерины Великой, гордый вельможа, увѣренный въ своей силѣ, отправился (1777 г.) въ подчиненное ему Намѣстничество для поправленія разстроенаго здоровья. Царедворцы, враги Потемкина, радовались удаленію его; но путешествіе это было основано на утонченной политикѣ: онъ уклонился на время для того только, чтобы достигнуть потомъ вѣрнѣе предположенной цѣли. На дорогѣ вездѣ строили въ честь его триумфальныя ворота, говорили ему привѣтственныя рѣчи, давали праздники. Екатерина подарила ему Аничковскій дворецъ и пожаловала восемьдесятъ тысячъ рублей на поправку мебели; но Потемкинъ, возвратясь въ столицу, остановился по прежнему.

въ Зимнемъ дворцѣ и потомъ переехалъ въ смежный съ онымъ, принадлежащій Эрмитажу (1777 г.). Здѣсь приступилъ онъ къ давно обдуманному имъ плану относительно изгнанія Турокъ и Татаръ изъ Европы, возстановленія Греческой Имперіи. Увѣряють, будто-бы Потемкинъ намѣревался основать тамъ независимое Государство. Положено было, прежде, овладѣть Крымомъ: Екатерина вооруженною рукою утвердила (1777 г.) Ханомъ Шагинъ-Гирея, не смотря на угрозы Порты. Многія семьи Грековъ и Армянъ переселены изъ Тавриды въ Россію. При устьѣ Днѣпра основанъ Потемкинымъ Херсонъ съ корабельною гаванью (1778 г.). Тщетно Фридрихъ Великій старался убѣдить Императрицу къ постановленію оборонительнаго союза съ Турціею, лаская честолюбіе Потемкина Курляндскимъ Герцогствомъ; онъ не перемѣнилъ образа мыслей и умѣлъ склонить на свою сторону Императора Юсифа II въ бытность его въ Россіи (1780 г.). Столь же неудачны были и усилія Англійскаго Министерства отвлечь Россійскій Дворъ посредствомъ Потемкина отъ вооруженнаго нейтралитета: вѣрный исполнитель великихъ намѣреній Екатерины не пожертвовалъ выгодами Отечества для своихъ собственныхъ. Въ 1782 году, по его представленію, какъ Екатеринославскаго Генераль-Губернатора, многія пустыни Новороссійскія заселены людьми, вышедшими изъ разныхъ другихъ областей Имперіи. Тогда Екатерина II учредила орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра и возложила оный на Потемкина. Вскорѣ Крымскія дѣла отозвали его въ Херсонъ. Между тѣмъ, какъ происходили

переговоры съ Ханомъ и верховными начальниками народовъ Кубанскихъ, Потемкинъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ С. Петербургъ; наконецъ ласкою, убѣжденіями, золотомъ и грознымъ вооруженіемъ умѣлъ онъ склонить Шагинъ-Гирей къ уступкѣ полуострова Россіи (*). Важный подвигъ этотъ, къ безсмертной славѣ Потемкина, совершенъ (1783 г.) безъ всякаго кровопролитія. Тамань и вся страна Кубанская присоединены также къ Имперіи нашей. Твердость и дѣятельность Булгакова (**) упрочили эти пріобрѣтенія за Россією на вѣчныя времена.

Въ началѣ 1784 года (2 Февраля) Екатерина, признательная къ заслугамъ, пожаловала Потемкина Президентомъ Военной Коллегіи съ чиномъ Генералъ-Фельдмаршала, Екатеринославскимъ и Таврическимъ Генералъ-Губернаторомъ и Шефомъ Кавалергардскаго полка. Тогда открылось новое поле

(*) Шагинъ-Гирей удалился въ Россію, гдѣ получалъ пенсію отъ Императрицы; потомъ, соскучась, отправился въ Турцію и былъ удушенъ, по приказанію Султана.

(**) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, товарищъ Потемкина по Университету, находился тогда Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ въ Константинополь. Онъ заключилъ, 28 Декабря, съ Турецкими Полномочными актъ: объ уступкѣ Россіи Турціи Крымскаго полуострова. «Вы принисываете это мнѣ— писалъ Потемкинъ Булгакову—«и тѣмъ увеличиваются еще болѣе заслуги ваши! Все отъ Бога; но вамъ обязана Россія и сами Турки: ваша твердость, дѣятельность «и умъ отвратили войну. Турки были-бы побѣждены; «но Русская кровь также-бы потекла!»

для изобретательнаго ума его: онъ выдалъ (1786 г.) уставъ, въ которомъ съ дѣликою точностію означены были надержки каждаго полка; перемѣнилъ невыгодную одежду войскъ Русскихъ, велѣлъ отрывать косы, бросить пудру; одѣлъ солдата въ куртку, покойныя шаравары, полусапожки и удобную, красивую каску; передвигалъ безпрестанно полки съ одного мѣста на другое, чтобы они въ мирное время не приучились къ нѣгѣ. Въ Тавриду, взвращенной его попеченію, дикія степи превратились въ плодородныя поля, гдѣ повсюду видны были многочисленные стада, благословенныя нивы, богатые селенія, возвышались многолюдные города. Чтобы прикрыть границы отъ непріятельскихъ нападений и содержать въ страхѣ Татаръ и другіе хищные народы онъ претянулъ цѣпь войскъ на берегу Кубани; Севастополь и Херсонъ наполнились флотами; Русскій флагъ развѣвалъ свободно на Черномъ морѣ.

1787 годъ достопамятенъ въ жизни Потемкина: Екатерина осчастливила своимъ посѣщеніемъ Херсонъ и Тавриду. Тогда большія дороги и хребты горъ освѣщены были разноцвѣтными огнями; двѣпръ покрытъ великолѣпными галерами; вездѣ сооружены дворцы; лѣса превращены въ Англійскіе сады. «Путешествіе Императрицы — описываетъ сопровождавшій Ея Принцъ де Линь — «можно назвать волшебствомъ. На каждомъ почти шагу встрѣчались мы печальное, неожиданное. Тамъ видѣли «эскадры, тамъ конные отряды, тамъ освѣщеніе, «на нѣсколько верстъ простиравшееся; здѣсь сады,

«въ одну ночь сотворенные! Повсюду увѣчалась «Екатерина торжествами, изъявленіями благодарности, благоговѣнія и восторговъ.» На воротахъ: въ Перекопѣ изображена была слѣдующая надпись, сочиненная Потемкинымъ: *Предпослала страхъ и принесла миръ (1787 г.);* въ Кременчугѣ: *Возродительница сихъ странъ.* Въ провозѣ черезъ Таврическую область спутникомъ Императрицы былъ Юсифъ, прибывшій подъ именемъ Графа Фалкенштейна. Возвратясь въ С. Петербургъ, Екатерина повелѣла Правительствующему Сенату изготovitъ похвальную грамоту, съ означеніемъ подвиговъ Генералъ-Фельдмаршала Князя Потемкина: въ присоединеніи Тавриды къ Имперіи Россійской, въ успѣшномъ заведеніи хозяйственной части и населеніи губерніи Екатеринославской, въ строеніи городовъ и въ умноженіи морскихъ силъ на Черномъ морѣ, съ прибавленіемъ ему именованія *Таврическаго.* — Англія и Пруссія вооружили въ томъ году Порту Оттоманскую противъ Россіи: въ Константинополь требовали отъ нашего Посланника Булгакова возвращенія Крыма, заключили его въ семибашенный замокъ. 9-го Сентября былъ обнародованъ Манифестъ о войнѣ съ Турками. Предводителями войскъ назначены Румянцовъ-Задунайскій и Потемкинъ-Таврическій. Первому вѣрена Украинская армія; второму Екатеринославская.

28 Іюня (1788 г.) Потемкинъ явился подъ Очаковымъ и въ виду этого города занялъ станъ свой при Днѣпровскомъ устьѣ. 25 Іюля, онъ обозрѣвалъ устроиваемый редутъ къ берегу Чернаго

моря на пушечный выстрѣлъ отъ непріателя. Ядры сыпались изъ крѣпости со всѣхъ сторонъ; находившіеся въ свѣтъ Главнокомандовавшаго Генераль-Маіоръ Синельниковъ и Козакъ были смертельно ранены; послѣдній испустилъ жалостный вопль. «*Что ты кричишь?*» — сказалъ ему Потемкинъ съ твердостію духа и хладнокровно распоряжалъ работами. Дорожа кровью себя подобныхъ, онъ не хотѣлъ изъ честолюбивыхъ видовъ жертвовать жизнію человѣческою и рѣшился тѣсною осадой принудить Турокъ къ сдачѣ. Въ половинѣ Августа кончены были батареи наши. Гарнизонъ Очаковскій защищался отчаянно, повторялъ свои вылазки. 7 Сентября, Потемкинъ открылъ сильный огонь со всѣхъ своихъ батарей, для воспрепятствованія осажденнымъ поправлять поврежденные укрѣпленія. Между тѣмъ Турецкій флотъ потерпѣлъ сильное пораженіе на Лиманѣ; отдѣльные отряды Потемкина наносили страхъ и опустошеніе за Кубанью и на берегахъ Анатолійскихъ; Березанскій островъ съ крѣпостью занятъ храбрыми Черноморскими Козаками (7 Ноября). Въ великодушнѣйшей землянкѣ своей, подъ громомъ пушекъ, среди движеній ратныхъ, Князь Тавриды находилъ время бесѣдовать съ Музами, писалъ стихи, переводилъ Церковную Исторію Аббата Флери. Настала сильная стужа, сопровождаемая большими снѣгами. Непріатель сбѣжалъ изъ Очакова вылазку (11 Ноября), но былъ отбитъ. Положеніе войска становилось безпрестанно тягостнѣе. Усилившіяся болѣзни каждый день похищали множество людей. Солдаты просили своего Полководца

вести ихъ противъ несчастнаго города, который хотѣли превратить въ гробъ врагамъ Христіанства. Ледъ, покрывшій Лимаць, представлялъ удобство напасть на Очаковъ съ той стороны, укрѣпленной слабѣе прочихъ. Потемкинъ рѣшился взять крѣпость приступомъ, назначилъ для сего день Св. Николая и на канунъ нѣсколько разъ осматривалъ неприятельскіе ретраншаменты, подъ самыми пушками; ободрялъ солдатъ: обѣщалъ имъ отдать городъ въ полную волю, если только они возьмутъ его. Все приготовленія къ приступу были сдѣланы. Положено въ одно время напасть на ретраншаментъ нагорный, на Гассанъ Пашинскій замокъ и на самую крѣпость. Потемкинъ раздѣлил армію на шесть колоннъ: четыре, подъ предводительствомъ Князя Репнина, должны были дѣйствовать на правомъ крылѣ; двѣ, подъ начальствомъ Генерала отъ артиллеріи Меллера (*) на лѣвомъ; обратилъ остальные полки въ два резерва; велѣлъ быть при нихъ конницѣ, а легкимъ войскамъ наблюдать со стороны Днѣстра. Наступилъ роковой день (6 Декабря): Главнокомандовавшій повторилъ приказаніе, чтобы войска, на-

(*) Иванъ Ивановичъ Меллеръ, Генералъ отъ артиллеріи, кавалеръ орденовъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Георгія втораго класса и Св. Владиміра первой степени, возведенъ былъ, *во уваженіе отличныхъ заслугъ*, въ Баронское достоинство Россійской Имперіи, съ наименованіемъ *Меллеромъ - Закомельскимъ* (1789 г.). Умеръ отъ полученной имъ раны подъ Килією 10 Октября 1790 года.

значенныя на приступъ, не занимаясь перестрѣлкою, действовали штыками со всевозможною быстротою; отпятъ молебень и въ семь часовъ утра началось нападеніе. Непріятель отчаянно защищался; но огонь его орудій, глубина ровъ, высокіе валы и палисадникъ, адскій зѣвъ взорванныхъ подкоповъ не остановили Русскихъ воиновъ: они шли впередъ по грудамъ непріятельскихъ тѣлъ и по трупамъ своихъ братьевъ, опрокидывали все, попадавшееся имъ на встрѣчу—и Очаковъ завоеванъ! — Потемкинъ оставался во время приступа на одной батарее и, подпарши рукою голову, повторялъ безпрестанно: *Господи помилуй!* Онъ принужденъ былъ сдержать свое роковое слово: позволилъ жесточному войску три дни грабить взятый городъ Кроме богатой добычи, триста десять пушекъ и мортиръ, сто восемьдесятъ знаменъ и множество оружія достались побѣдителямъ. Въ числѣ плѣнныхъ находились: Главный Начальникъ крѣпости, трехбунчужный Паша Гюссенъ и три Четтырь-Бей, командовавшіе на галерахъ и имѣвшіе достоинство двухбунчужныхъ Пашей. Жестокая зима не позволила зарыть въ землю всѣхъ труповъ: Фельдмаршалъ приказалъ бросать убитыхъ непріятелей на ледъ, чтобы они приплыли къ Турецкимъ берегамъ.— Многие изъ нихъ служили пищею голоднымъ волкамъ и хищнымъ итицамъ.— Онъ получилъ за взятіе Очакова давно желанный имъ орденъ Св. Георгія первой степени и сто тысячъ рублей; а за побѣды на Лиманъ осыпанную брилліантами и украшенную лаврами шагу въ двадцать тысячъ, съ надписью:

Командующему Екатеринославскою сухопутною и морскою силою, устьями ульчанному. Она прислана къ нему на золотомъ блюде, на которомъ было вырѣзано: Командующему Екатеринославскою сухопутною и морскою силою, яко строителю военныхъ судовъ.

Осматривая въ началѣ 1789 года Очаковскую степь, Князь Таврическій обратилъ особенное вниманіе на удобство мѣста, гдѣ рѣка Ингуль впадаетъ въ Бугъ, и приступилъ къ заложенію при ономъ корабельной верфи. Мѣсто это Потемкинъ наименовалъ *Николаевымъ*, желая воздать долгъ благодарности покровителю Русскаго оружія, Св. Чудотворцу Николаю. Вскорѣ получилъ онъ позволеніе явиться въ С. Петербургъ, гдѣ ожидалъ его блистательный пріемъ. Нѣсколько дней до пріѣзда покорителя Очакова освѣщаема была каждую ночь дорога, ведущая въ столицу, на разстояніи двадцати верстъ. Императрица предупредила его своимъ посѣщеніемъ и потомъ объявила на придворномъ балѣ: *что пришла отъ Князя Потемкина.* Такъ Екатерина умѣла награждать заслуги подданныхъ! Царедворцы давали ему праздники, стараясь на перерывъ превзойти другъ друга великолѣпіемъ и пышностію. Передъ отъѣздомъ изъ С. Петербурга Потемкинъ получилъ отъ Государыни сто тысячъ рублей, Фельдмаршальскій жезлъ, украшенный брилліантами и обвитый богатымъ лавровымъ вѣнкомъ, орденъ Св. Александра Невскаго, для ношенія на груди, укрѣпленный къ драгоценному солитеру, стоившему сто тысячъ руб-

лей (*) и шесть милліоновъ на продолженіе военныхъ дѣйствій.

Въ Турціи владычествовалъ тогда Селимъ III, племянникъ Абдуль-Гамида, Государь юный лѣтами, но отважный. Расточая золото, чтобы шадить кровь человеческую, Потемкинъ умѣлъ склонить на свою сторону Султаншу Валиду и Капитана Пашу, который содѣйствовалъ потомъ въ умерщвленіи Верховнаго Визиря, явнаго врага Россіи. Побѣды при Галацѣ Генерала Дерфельдена; при Фокшанахъ и подъ Рымникомъ Суворова; на рѣкѣ Салчѣ Репнина и сдача Бендеръ (5-го Ноября) Князю Таврическому — ознаменовали кампанію 1789 года. Любопытно, что во время осады этой крѣпости, Потемкинъ осматривалъ работы въ Фельдмаршальскомъ мундирѣ и въ орденахъ: ядра свистѣли около него; одно упало въ нѣсколькихъ шагахъ и забросало его землю. «*Турки съ меня цѣлятъ* — сказалъ съ спокойнымъ видомъ герой, — *но Богъ защитникъ мой: Онъ отразилъ этотъ ударъ.*» — Потомъ не сходя съ мѣста, сѣлъ на лошадь и продолжалъ обозрѣвать производимыя работы. — Въ Бендерахъ найдено триста орудій, двадцать пять мортиръ, нѣсколько тысячъ пудъ пороха, множество бомбъ, ядеръ, гранатъ, ружей, сабель, двадцать двѣ тысячи пудъ сухарей и двадцать четыре тысячи четвертей муки. Императрица прислала

(*) Орденъ этотъ возложенъ Императрицею на Потемкина въ Придворной церкви, послѣ заутрени на Св. Хр. Воскресеніе. — Онъ былъ кавалеромъ онаго съ 1774 года.

завоевателю сто тысячъ рублей, лавровый вѣнокъ, осыпанный изумрудами и бриліантами въ полтора-ста тысячъ и золотую медаль, выбитую въ честь его (*). Взятіе Бендеръ довершило завоеваніе Молдавіи и большой части Бессарабіи. Расположивъ войска свои на зимнихъ квартирахъ, Потемкинъ отправился въ Яссы, гдѣ производилъ переговоры съ Константинополемъ.

9 Февраля 1790 года прекратилась жизнь вѣрнаго союзника Екатерины II, Императора Іосифа Потемкинъ, возведенный на степень Великаго Гетмана Козацкихъ Екатеринославскихъ и Черноморскихъ войскъ, открылъ, въ Маѣ, военныя дѣйствія въ предѣлахъ Турціи: Контръ-Адмиралъ Ушаковъ поразилъ Оттомановъ на водахъ Чернаго моря; Генералъ-Маіоръ Германъ разбилъ на Кубани славнаго Сераскира Баталь-Пашу и взялъ его въ плѣнъ; Генералъ Гудовичъ овладѣлъ Килією; Контръ-Адмиралъ Рибасъ Тульчею; братъ его Исакчею; Суворовъ Измаиломъ. Потемкинъ проводилъ это время въ Яссахъ съ великолѣпіемъ и пышностію, ему одному свойственными; но среди различныхъ увеселеній, Князь Тавриды былъ мраченъ, задумчивъ, искалъ разсѣянія, и вездѣ уныніе, грусть преслѣдовали его. Шестнадцать лѣтъ онъ первенствовалъ въ Россіи, не страшась совмѣстниковъ: явился Зубовъ (**), и могуще-

(*) Такая-же медаль была выбита въ честь Потемкина, за покореніе Очакова.

(**) Зубовъ, Платонъ Александровичъ, будучи Штабсъ-Ротмистромъ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка, пожало-

ствомъ своимъ пробудилъ сладостную дремоту само-
надеяннаго вельможи. — «Матушка, Всемилости-
«вѣйшая Государыня! — писалъ тогда къ Императрицѣ
Потемкинѣ — «Матушка родная! При обстоя-
«тельствахъ, Васѣ отягощающихъ, не оставляйте
«меня безъ увѣдомленія. Не ужели Вы не знаете
«мѣру моея привязанности, которая особая отъ всѣхъ?
«Каково слышать мнѣ со всѣхъ сторонъ нелыныя
«новости и не знать: вѣрить ли, или нѣтъ? Забота
«въ такой неизвѣстности погрузила меня въ нескла-
«зную слабость. Лишась сна и пищи я хуже мла-
«денца. Всѣ видятъ мое изнуреніе. Бѣхатъ въ Хер-
«сонъ сколько ни нужно, не могу двинуться. Ежели
«моя жизнь чего нибудь стоитъ: то въ подобныхъ
«обстоятельствахъ скажите только, что Вы здоровы
«и проч.» (*). Онъ отправился въ С. Петербургъ;

ванъ Полковникомъ и Флигель-Адъютантомъ (1789 г.)
и, вскорѣ, Генераль-Маіоромъ, Корнетомъ Кавалер-
гардскаго Корпуса, кавалеромъ орденовъ: Св. Анны,
обоихъ Польскихъ и Св. Александра Невскаго, на двад-
цать третьемъ году отъ рожденія (1790 г.); получилъ,
черезъ три года потомъ, орденъ Св. Апостола Андрея
Первозваннаго (1793 г.); чинъ Генераль-Фельдцейх-
мейстера, портреть Государыни, орденъ Св. Влади-
мира первой степени (1795 г.) и передъ кончиною Ека-
терины II достоинство Святѣйшаго Князя Римской
Имперіи; скончался въ 1822 году.

(*) Подпись на этомъ письмѣ (списанномъ мною съ под-
линнаго): «Пока живъ, вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій
подданный.»

въ Февраль 1791 года, былъ принятъ съ отличнымъ уваженіемъ Императрицею, получилъ отъ Нея въ подарокъ дворецъ, известный подъ именемъ *Таврическаго*; платье, украшенное алмазами и дорогими каменьями, въ двѣсти тысячъ рублей.

Всѣ продолжали раболѣпствовать передъ Потемкинымъ и со всѣмъ тѣмъ глубокая печаль не покидала его: онъ скучалъ почестями, ласками; былъ недоволенъ всѣми, даже самимъ собою; жаловался приближеннымъ на боль зуба, говорилъ: *что выдержитъ оный и, предаваясь горестнымъ предчувствіямъ, устраивалъ въ своемъ Таврическомъ дворцѣ блистательный праздникъ для Екатерины. Особливое вниманіе заслуживали двѣ огромныя залы, отдѣленные одна отъ другой восемнадцатью колоннами. Первая изъ нихъ назначена была для танцевъ: колоссальныя столбы въ два ряда окружали оную; между ими находились ложи, убранныя гирляндами и внутри богатыми штофами; на сводѣ висѣли огромныя шары, служившіе вмѣсто люстръ; блескъ ихъ отражался въ безчисленныхъ зеркалахъ; вазы Каррарскаго мрамора необыкновенной величины, и печи изъ лазуреваго камня украшали эту залу. Въ другой находился зимній садъ, наполненный лавровыми, поморанцовыми и митровыми деревьями: песчаныя излучистыя дорожки, зеленые холмы и прозрачныя водоемы, въ которыхъ рѣзвились золотыя и сребристыя рыбы; пріятный запахъ раствѣній; восхитительное пѣніе птицъ; гротъ, убранный зеркалами съ мраморною купальнею внутри; возвышавшійся на сту-*

пеняхъ сквозной алтарь, съ восьмью колоннами, поддерживающими сводъ его; яшмовыя чаши, лампы, вѣнки и цѣпи изъ цвѣтовъ, украшавшія оный; поставленная среди колоннъ на порфировомъ подножій съ златою надписью: *Матери Отечества и мнѣ премолюсердой*, статуя Императрицы изъ Пароскаго мрамора; лабиринтъ, окружавшій алтарь съ жертвенниками благодарности и усердія, истуканами славныхъ мужей въ древности, драгоценными сосудами, и на зеленомъ лугу высокая пирамида, обдѣланная въ золото, съ гранеными цѣпочками и вѣнцами, изъ разныхъ прозрачныхъ каменьевъ, съ лучезарнымъ именемъ Екатерины: все это напоминало о волшебныхъ замкахъ, изумляя взоры прелестнымъ соединеніемъ разныхъ климатовъ и временъ года.

На этотъ праздникъ были приглашены Княземъ Таврическимъ (28 Апрѣля) три тысячи особъ обоего пола. Всѣ были въ маскарадныхъ платьяхъ. Потемкинъ явился въ аломъ кафтанѣ и богатой длинной епанчѣ изъ черныхъ кружевъ. Одежда его блистала драгоценными каменьями, а на шляпѣ было ихъ столько, что одинъ Адъютантъ несъ оную. После шести часовъ прибылъ туда Дворъ. Когда карета Императрицы подъѣхала къ крыльцу, раздалось въ воздухѣ ура! загремѣли трубы на амфитеатрѣ, построенномъ противъ Дворца, и начался народный праздникъ (*). Потемкинъ и всѣ гости его встрѣтили Государыню съ знаками глубочайшаго

(*) Кромѣ разныхъ блюдъ и напитковъ, которыми угощали народъ, дарили еще оному платья.

почтенія и преданности. Вступивъ въ залу, Екатерина вошла на приготовленное для нея мѣсто, окруженное прозрачными картинами и надписями. Все собраніе разсыялось подъ колоннами и въ лежахъ. Торжественные звуки музыки вокальной и инструментальной (*) размесились подъ сводами залы. Двадцать четыре пары знатнѣйшихъ дамъ и навалеровъ начали танцовать балетъ, изобрѣтенный самимъ хозяиномъ. Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи, своимъ участіемъ придали болѣе блеска этой црелестной труппѣ. Танцовавшіе были въ бѣлыхъ платьяхъ, украшенныхъ брилліантами на десять милліоновъ рублей. Въ концѣ балета явился славный Ле-Пикъ. — Императрица удалилась потомъ въ другую залу, гдѣ богатые ковры и гобеліны обратили вниманіе посѣтителей. Въ ближней комнатѣ стоялъ искусственный золотой слонъ, на которомъ висѣли жемчужныя бахрамы и множество было алмазовъ, изумрудовъ и рубиновъ. Онъ ворочалъ хоботомъ и сидѣвшій на немъ Персіанинъ, великолѣпно одѣтый, ударилъ въ колоколъ. Тогда Потемкинъ повелъ высокихъ своихъ посѣтителей и прочихъ гостей въ театръ. Занавѣсъ поднялся: явилось лучезарное солнце, въ срединѣ котораго въ зеленыхъ лаврахъ сіяло вензловое имя Екатерины II-й. Поселяне и поселянки, воздвывая руки къ благотворному свѣтилу, показывали движеніями усерднѣйшія свои чувствованія. За сѣмъ сѣдѣвала

(*) Оркестръ состоялъ изъ трехъ сотъ человекъ музыкантовъ и пѣвчихъ.

комедія, а послѣ оной балетъ, представлявшій Смирнскаго купца, торгующаго невольниками всѣхъ народовъ, между которыми не было, однакожь, ни одного Русскаго. Изъ театра собраніе возвратилось въ большую залу и зимній садъ: сто тысячъ огней освѣщали внутренность дома. Карнизы, окна, простѣнки усыпаны были кристалльными шарами, наполненными воскомъ. Огромныя люстры и фонари ужинокали блескъ. Вездѣ сверкали яркія звѣзды или прекрасныя радуги изъ рубиновъ, изумрудовъ, яхонтовъ и топазовъ. Безчисленныя зеркала и хрустальныя пирамиды отражали это волшебное зрѣлище. «*Ужели мы тамъ, гдѣ и прежде были?*» — спросила Императрица Потемкина съ удивленіемъ. Между тѣмъ на хорахъ, украшенныхъ драгоцѣнными Китайскими сосудами и двумя позлащенными органами, заиграли Польской съ громомъ литавръ, пѣніемъ и пушечными выстрѣлами:

Громъ победы раздавайся!

Веселися храбрый Россѣ!

Звучной славой украшайся:

Магомета ты потрѣсь.

Славься симъ, Екатерина!

Славься, нежная къ намъ Мать!

Воды быстрыя Дуная

Ужь въ рукахъ теперь у насъ;

Храбрость Россовъ почитая,

Тавръ подь нами и Кавказъ.

Славься симъ, Екатерина!

Славься, нежная къ намъ Мать! и проч. (*)

(*) Слова Державина; музыка Козловскаго.

Во время бала, Государыня играла въ карты съ Великою Княгинею Маріею Теодоровною. Музыка, танцы, пляски (въ томъ числѣ Русскія и Малороссійскія), качели, находившіяся внутри покоевъ, и разныя другія увеселенія занимали гостей. Въ наружномъ саду, наполненномъ толпами любопытнаго народа, зажжены увеселительные огни; пруды были покрыты флотиліею, прекрасно иллюминированною; рощи и аллеи испещрены также фонарями. Голоса пѣсенниковъ и звуки роговъ раздавались между деревьями. — По данному отъ хозяина знаку вдругъ исчезъ театръ, а на мѣсто его, и еще въ нѣсколькихъ комнатахъ, явились для шести сотъ особъ накрытые столы. Они расположены были такимъ образомъ, что взоры всѣхъ обращались къ лицу Государыни. Прочіе гости ужинали стоя: для чего разставлено у стѣнъ множество столовъ. Въ концѣ залы, на самой высотѣ, сіяли стеклянные разноогненные сосуды. Сервизъ былъ золотой и серебряный. Кушанья и напитки соответствовали великолѣпному убранству дворца, богатой одеждѣ служителей. Потемкинъ самъ служилъ Императрицѣ; но Она пригласила его сѣсть. Послѣ ужина балъ продолжался до утра. Государыня съ Августѣйшею Фамиліею уѣхала въ одиннадцать часовъ. Никто не помнилъ, чтобы Она пробыла гдѣ нибудь на балѣ такъ долго. Казалось, Екатерина удаленіемъ своимъ боялась нарушить блаженство хозяина. Когда Она выходила уже изъ залы, вдругъ раздалось нежное пѣніе съ тихимъ звукомъ органовъ, низшедшее съ хоровъ, которые закрыты были разноцвѣтными стеклянными

ми сосудами, озаренными яркимъ огнемъ. Всѣ без-
молдствовали и внимали пріятной гармоніи:

Царство здѣсь удовольствій ;
Владычество щедротъ Твоихъ ;
Здѣсь вода, земля и воздухъ
Дышетъ все Твоей душой ;
Лишь Твоимъ я благомъ
И живу и счастливъ.

Что въ богатствѣ и честяхъ ?
Что въ великости моей ,
Если мысль, Тебя не зрѣть ,
Духъ свергаетъ въ ужась.

Стой и не лети, ты, время !
И благъ нашихъ не лишай.
Жизнь наша путь есть печалей :
Пусть въ ней цвѣтутъ цвѣты (*).

Императрица изъявила признательность свою По-
темкину, который съ благоговѣніемъ палъ на колѣ-
на передъ Нею , схватилъ Ея руку, оросилъ оную
слезами, нѣсколько минутъ держалъ съ особливимъ
душевнымъ умиленіемъ.

Такъ удивлялъ Потемкинъ своимъ великолѣпіемъ
жителей береговъ Невы; между тѣмъ берега Дуная
обагривались кровію Христіанъ и Оттомановъ. Онъ
откладывая отъѣздъ въ армію, жертвовалъ славой
своею и безъ пользы терялъ только время. Уже Реп-

(*) Этотъ хоръ, взятый изъ Италіанской оперы, пѣтъ на
Италіанскомъ языкѣ.

нинъ разбилъ на голову, 28 Юня, при Мачинъ Верховнаго Визиря Юсуфъ-Пашу, подписалъ съ Турецкими Полномочными, 31 Юля, предварительныя мирныя статьи, какъ наконецъ прибылъ въ Галацъ Князь Таврической. Въ досадъ на храбраго Полководца, исхитившаго у него побѣду, Потемкинъ уничтожилъ постановленный имъ договоръ, считая оный не соответственнымъ достоинству Имперіи. Предписывая тягостныя условія Турціи, онъ готовился къ новой брани, въ то время, какъ смерть невидимо носилась надъ главою его и предвѣстники ея, изнуреніе силъ, тоска увеличивали душевныя страданія! Въ Галацъ скончался Принцъ Виртембергскій: выходя (12 Августа) изъ церкви, разстроенный, огорченный Потемкинъ съелъ, вмѣсто своихъ дрожекъ, на дроги, приготовленныя для мертвораго тѣла. . . . Въ Яссахъ постигла его лихорадка: искусство медиковъ, Тимана и Массота, осталось недействительнымъ. Потемкинъ, своенравный, привыкшій къ роскошнымъ обѣдамъ, давалъ пищу своей болѣзни. Между тѣмъ дѣятельность его не ослабѣвала: онъ продолжалъ вести обширную переписку; курьеры летали во всѣ концы Европы чаще обыкновеннаго; Польскіе вельможи, недовольные новыми переменами, послѣдовавшими въ ихъ отечествѣ и бояре Молдавскіе — искали его покровительства. Но внутренняя скорбь не давала ему покоя: онъ чувствовалъ приближеніе своей кончины; приобщился Св. Тайнъ 19 Августа и 27 Сентября (*); простился съ окружав-

(*) «Въ оба раза когда я приобщалъ Св. Тайнъ покойна-

ними одръ его и, черезъ нѣсколько дней, изъявилъ желаніе выѣхать изъ Яссь, говоря: «*по крайней мѣрѣ умру въ моемъ Николаевѣ.*»

4 Октября 1791 г., въ 8 часу утра, положили Потемкина въ коляску. Онъ отъѣхалъ въ тотъ день не болѣе двадцати пяти верстѣ; былъ довольно веселъ; утѣшалъ себя мыслию: *что оставилъ гробъ свой* (*). Наступила ночь: болѣзнь усилилась. Потемкинъ безпрестанно спрашивалъ: *скоро ли разсвѣтетъ?* Въ шесть часовъ (5 Октября) велѣлъ вынести себя въ коляску; повезли его далѣе: смертельная тоска продолжала его беспокоить; онъ приказывалъ останавливаться, вопрошалъ: *нѣтъ ли въ близи деревни?* — велѣлъ ѣхать скорѣе и на тридцать восьмой верстѣ отъ Яссь, въ двѣнадцатомъ часу по полуночи, при усилившемся мучительномъ безпокойствѣ и томленіи, произнесъ слабымъ голосомъ: «*Будетъ. Теперь не куда ѣхать: я умираю. Выньте меня изъ коляски; хочу умереть на полѣ.*» — Исполнили волю его: положили умиравшаго на разостланный плащъ близъ дороги. Здѣсь лежалъ онъ три четверти часа, обращая умиленный взглядъ попеременно на Небо и на предстоявшихъ и въ двѣнадцать часовъ тихо опочилъ на рукахъ любимой своей племянницы, Графини Браницкой, въ силѣ мужества,

«го — писалъ Духовникъ Князя Потемкина моему родителю — «до нынѣ еще ни въ комъ не видѣлъ столь

• «живыхъ знаковъ вѣры.»

(*) Такъ называлъ Потемкинъ Яссы.

имѣя только пятьдесятъ пять лѣтъ отъ роду (*). Ночью повезли его обратно въ Яссы, въ томъ же самомъ экипажѣ, окруженномъ факелами.

Екатерина оплакала кончину Потемкина, повелѣла въ день мирнаго торжества съ Портою Оттоманской (1793 г.): *въ память его заготовить грамоту съ прописаніемъ въ оной завоеванныхъ имъ крѣпостей въ прошедшую войну и разныхъ сухопутныхъ и морскихъ побѣдъ, войсками его одержанныхъ; грамоту сію хранить въ Соборной церкви града Херсона, гдѣ соорудить мраморный памятникъ Таврическому, а въ арсеналъ тогожъ града помѣстить его изображение и въ честь ему выбить медаль.*

Гробница Потемкина поставлена на катафалкѣ въ склепу, обитомъ чернымъ бархатомъ и находящемся подъ алтаремъ Соборной церкви воздвигнутаго имъ Херсона (*). Нынѣ сооруженъ ему въ этомъ городѣ колоссальный памятникъ, изваянный славнымъ художникомъ нашимъ, Мартосомъ.

(*) Прекрасно описалъ Державинъ въ своемъ *Водопадѣ* Потемкина и его кончину:

«Чей одръ — земля; кровь — воздухъ синь,
Чертоги — вокругъ пустыньны виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный Князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?» и проч.

(**) Входъ въ этотъ склепъ былъ задѣланъ въ Государствованіе Императора Павла I. Утверждаютъ, будто и останки Потемкина отсюда перенесены были въ другое мѣсто.

Князь Григорій Александрович Потемкинъ-Таврическій имѣлъ прекрасную, мужественную наружность, крѣпкое сложеніе тѣла, ростъ величественный. Въ молодыхъ лѣтахъ повредилъ онъ себѣ одинъ глазъ, но это не уменьшало красоты лица его. Онъ выходилъ изъ круга обыкновенныхъ людей своего вѣка, отличаясь разительными противоположностями: любилъ простоту и пышность; былъ гордъ и обходителенъ; хитръ и доврчивъ; скрытенъ и откровененъ; расточителенъ и часто скупъ; съ жестокостію соединялъ состраданіе, робость съ отважностію. Ничто не могло равняться съ дѣятельностію его воображенія и его тѣлесною лѣнностію. Въ его дѣлахъ, удовольствіяхъ, нравѣ, походкѣ — примѣтенъ былъ какой-то беспорядокъ. Иногда мечталъ онъ о Герцогствѣ Курляндскомъ, коронѣ Польской; въ другое время желалъ быть Архіереемъ, простымъ монахомъ; строилъ великолѣпныя дворцы и, не окончивъ, продавалъ оныя; посылалъ курьеровъ въ отдаленнѣйшія мѣста за нѣкоторыми потребностями для своего стола и часто, прежде нежели посланные возвращались, терялъ охоту отвѣдать привозимое ими (*). То занимался онъ одною войной, окруженный офицерами, Козаками и Татарами, или политикою: хотѣлъ дѣлать Оттоманскую Имперію, завоевать Персію, взволновать кабинеты Европейскіе; въ другое время проводилъ цѣлый мѣсяцъ вечера въ гостяхъ, забывая, по видимому, всѣ дѣла.

(*) Онъ посылалъ курьеровъ даже за кислыми щами и клюквою.

То затмѣвалъ придворныхъ блестящею своею одеждой, орденами разныхъ Державъ, алмазами величины необыкновенной; давалъ, безъ всякой причины, очаровательные праздники — и послѣ нѣскольکو недѣль сряду оставался дома, въ кругу родныхъ и приближенныхъ, лежа на софѣ въ шлафрокъ, съ босыми ногами, обнаженной шеей, съ нахмуреннымъ челомъ, повислыми бровями и молча игралъ въ шахматы или карты. Онъ любилъ обѣщать, но не всегда держалъ данное слово. Никто не читалъ менше его; не многіе могли равняться съ нимъ въ знаніяхъ. Они были поверхностны, но весьма обширны. Въ разговорахъ онъ изумлялъ литератора, артиста, богослова. Слогъ его былъ отрывистый, сильный. — «Презирайте происки Французовъ» — писалъ онъ (1783 г.) въ Константинополь къ Посланнику нашему Я. И. Булгакову — «вѣрьте, что все обратится къ стыду ихъ и гибели. «Французы у васъ мутятъ, здѣсь кланяются, а дома погибають.» — Любя пламенно Отечество, онъ отдавалъ полную справедливость достоинствамъ Суворова, писалъ къ нему: «Вѣрь мнѣ, другъ сердечный! что я нахожу мою славу въ твоей.» — Дорожилъ солдатами: «Они не такъ дешевы, — упомянулъ въ одномъ письмѣ къ тому же Полководцу — «чтобы ихъ терять по пустякамъ.» — Императрица Екатерина II удостоивала Потемкина неограниченной довѣренностью, пожаловала ему кромѣ значительныхъ суммъ и подарковъ, множество деревень. Увѣряють, будто въ десять лѣтъ (съ 1774 по 1784 г.) получено имъ наличными деньгами и драгоцен-

ными вещами на восемнадцать миллионов рублей. Онъ имѣлъ бланки отъ Государыни, и могъ, сверхъ того, обращаться въ Казенныя Палаты съ своими требованіями. Въ началѣ 1791 года опредѣлилъ онъ на умноженіе капитала Московскаго Университета, въ которомъ обучался, доходы съ Ачуевской своей дачи (*).

«Потемкинъ былъ Мой воспитанникъ — говорила Императрица Екатерина II. — «Я произвела его во всѣ чины: изъ унтеръ-офицера до Генераль-Фельдмаршала. Онъ имѣлъ необыкновенный умъ, нравъ горячій, сердце доброе; глядѣлъ волкомъ и потому не былъ любимъ; но, давая щелчки, благодѣтельствовалъ даже врагамъ своимъ. Его не лъзя было подкупить; трудно найти другаго, по добнаго ему (**).»

Императрица также отзывалась о Потемкинѣ: что онъ страстно любилъ Великаго Князя Александра Павловича и называлъ его *Ангеломъ*, воплощеннымъ для блаженства *Imperii*; *le Prince de son coeur*.

Суворовъ говорилъ, что Потемкинъ былъ: *великій человекъ и человекъ великій; великъ умомъ, великъ*

(*) По кончинѣ только Потемкина, Университетъ узналъ объ этомъ пожертвованіи, получивъ, въ 1796 году, семь тысячъ четыреста шестьдесятъ восемь рублей отъ Атамана войска Донскаго, Генераль-Поручика Алексѣя Ивановича Иловайскаго, завѣдывавшаго этой дачею.

(**) См. *Памятныя Записки А. В. Храповицкаго*, помѣщ. въ *Отечественныхъ Запискахъ П. П. Свиньина*.

и ростомъ; не походилъ на того высокаго Французскаго Посла въ Лондонъ, о которомъ Канцлеръ Баконъ сказалъ: что чердакъ обыкновенно худо меблируютъ ().*

Къ числу знаменитыхъ подвиговъ этого исполнителя XVIII столѣтiя, принадлежитъ и преобразование суровой Запорожской Сѣчи въ общежительное сословіе Черноморскихъ Козаковъ. Онъ хлебнулъ только нѣсколько ложекъ ухи съ Кошевымъ Атаманомъ и батько *Грицко* (такъ называли Князя Таврическаго Запорожцы) сдѣлался властелиномъ необузданной вольницы, безпокойшей до того предѣлы Россiи.

(*) Изъ сочиненій Г. Фукса, изд. 1827 г., стр. 109.

Рис. П. Улановъ.

Князь Александръ Васильевичъ

ИШАЛІЙСКІЙ,

Графъ Суворовъ-Рымникскій.

Литогр. М. Толста.

29-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

и

3-й ГЕНЕРАЛИССИМУСЪ

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ИТАЛІЙСКІЙ,

ГРАФЪ СУВОРОВЪ-РЫМНИКСКІЙ.

=

Князь Александръ Васильевичъ Италійскій, Графъ Суворовъ-Рымникскій, сынъ Генералъ-Аншефа, Сенатора и кавалера ордена Св. Александра Невскаго, Василя Ивановича Суворова (*), родился въ Москвѣ 13 Ноября 1729 года. Отецъ его, человекъ просвѣщенный и зажиточный, приготовлялъ сына къ граж-

(*) Суворовы происходятъ отъ древней благородной фамилии Шведской. Предокъ ихъ, *Суворъ*, выехалъ въ Россію въ 1622 году при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и принялъ Россійское подданство. *Изъ второй части Гербовника.*

данской службѣ; но Суворовъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, оказывалъ предпочтеніе военной: обучался съ успѣхомъ Отечественному языку, Французскому, Нѣмецкому, Италіянскому, Исторіи и Философіи, и съ жадностію читалъ Корнелія Непота, Плутарха, описаніе походовъ Тюрени и Монтекукули; говорилъ съ восхищеніемъ о Кесарѣ и Карлѣ XII, заставилъ отца своего переимѣнить намѣреніе. Онъ былъ записанъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ солдатомъ (1742 г.), продолжая учиться въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ. Между тѣмъ попечительный родитель преподавалъ ему самъ инженерную науку; каждый день читалъ съ нимъ Вобана, котораго Василій Ивановичъ перевелъ въ 1724 году съ Французскаго на Россійскій языкъ по приказанію своего крестнаго отца, Петра Великаго; заставлялъ сравнивать переводъ съ подлинникомъ. Одаренный отъ природы необыкновенною памятью, молодой Суворовъ зналъ Вобана почти наизусть (*).

Еще въ юномъ возрастѣ, Суворовъ строго соблюдалъ военную дисциплину. Однажды, стоя съ ружьемъ на караулѣ въ Монъ-плезирѣ, отдалъ онъ честь Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Она спросила: какъ его зовутъ? и пожаловала ему *крестовикъ*; но Суворовъ осмѣлился сказать: *«Всемилющійшая Государыня! Законъ запрещаетъ солдату при-*

(*) См. *Анекдоты Суворова*, издан. Г. Фуксомъ, С. Петерб., 1827 г., стр. 23. — Переводъ Василія Ивановича остался въ рукописи, вѣроятно, по случаю кончины Петра Великаго.

«*взять деньги на часы.*» — «Ай, молодец! — произнесла Государыня, потрепавъ его по щежѣ и давъ поцѣловать Ея руку — «Ты знаешь службу. Я положу монету здѣсь на землю: возьми, когда смѣнишь-ся.» — Суворовъ почиталъ этотъ день счастливейшимъ въ своей жизни, хранилъ даръ Елисаветинъ, какъ святыню, каждый день цѣловалъ его (*).

Медленно возвышался Суворовъ: современные ему Полководцы: Румяновъ былъ Полковникомъ на девятнадцатомъ году отъ рожденія; Петемкинъ Подпоручикомъ Гвардіи и Камеръ-Юнкеромъ Высочайшаго Двора въ чинѣ Бригадира, на двадцать шестомъ своего возраста; Репнинъ въ тѣхъ же лѣтахъ пожалованъ Полковникомъ. Суворовъ служилъ Капраломъ (1747 г.); Унтеръ-офицеромъ (1749); Саржантомъ (1751) и только въ 1754 году выпущенъ въ армію Поручикомъ; произведенъ черезъ два года въ Оберъ-Провіантмейстеры (1756 г.); потомъ въ Генераль-Аудиторъ-Лейтенанты и имѣлъ чинъ Преміеръ-Маіора въ 1759 году, когда побѣдоносная войска наши въ третій разъ вступили въ Пруссію.

Первымъ руководителемъ его на военномъ поприщѣ былъ знаменитый Ферморъ, извѣстный Цорндорфскою побѣдой (**), сражавшійся въ 1759 году подъ предводительствомъ Графа Салтыкова. Суворовъ

(*) См. *Собраніе разныхъ сочиненій Г. Фукса*, издан. въ С. Петерб., 1827 г., стр. 108.

(**) См. о Ферморѣ въ началѣ біографіи Генераль-Фельдмаршала Графа Петра Семеновича Салтыкова, въ первой части.

участвовалъ въ поражениі Фридриха Великаго при Франкфуртѣ и сказалъ, когда Главнокомандовавшій повелъ обратно армию за Одеръ: *я бы прямо пошелъ къ Берлину*. Столица Пруссіи была завоевана только въ слѣдующемъ году Генераломъ Тотлебенномъ (1760). Суворовъ служилъ въ то время подъ его начальствомъ.

Въ 1761 году любимецъ славы, будучи Подполковникомъ, находился въ легкихъ войскахъ, ввѣренныхъ Генералъ-Маіору Бергу, который прикрывалъ отступление Россійской армии къ Бреславию. Подъ Рейхенбахомъ, Суворовъ участвовалъ въ поражениі Прусскаго Генерала Кноблоха; обратилъ въ пепель, въ виду многочисленнаго непріятели, большой магазинъ съ сѣномъ; потомъ, съ сотнею козаковъ, переправился вплавъ чрезъ Нейсу при Дризентъ; перешелъ ночью шесть Нѣмецкихъ миль къ Ландсбергу; разбилъ городскія ворота; вошелъ въ городъ; захватилъ въ плѣнъ Прусскихъ гусаръ, тамъ находившихся; сжегъ половину моста на Вартѣ. Тогда велѣно ему тревожить Прусскій корпусъ, состоявшій подъ начальствомъ Платена. Суворовъ, съ тремя гусарскими и четырьмя козацкими полками, устремился, чрезъ Регенсвальдъ, къ Колбергу; опередилъ Прусскаго Генерала; ударилъ, подъ Фридбергомъ, изъ лѣса на фланговые его отряды, опрокинулъ ихъ, преслѣдовалъ подъ самыя пушки непріятельскія, захватилъ двѣсти драгунъ и гусаръ; атаковалъ (въ Октябрь), въ окрестностяхъ Старгарда, съ саблею въ рукѣ, съ однимъ эскадрономъ драгунъ и нѣсколькими козаками, батальонъ корпуса Генерала Шенкендорфа; ис-

требилъ значительное число Пруссаковъ; остальныхъ, загнавъ въ болото, принудилъ положить оружіе; сразился съ Прусскими драгунами: разбилъ ихъ, взялъ два орудія, двадцать пленныхъ и, окруженный многочисленнымъ непріателемъ, прорубилъ себѣ дорогу; бросилъ пушки, но не пленныхъ своихъ. Въ этотъ день Пруссаки потеряли ранеными и пленными до тысячи человекъ.

Отважность, быстрота, внезапность еще въ то время были принадлежностію Суворова. Онъ имѣлъ разныя стычки съ непріателемъ: разбилъ Полковника де-ла-Мотъ-Курбіера, командовавшаго авангардомъ Генерала Платена; напалъ, потомъ, на Прусскую конницу, взялъ 800 пленныхъ, захватилъ фуражировъ; ворвался съ тремя батальонами въ Глогау, подъ сильнымъ огнемъ Пруссаковъ; гналъ непріателя въ улицахъ и черезъ мостъ. Тогда убита подъ нимъ лошадь и онъ самъ раненъ отъ рикошета. Вслѣдъ за тѣмъ Суворовъ атаковалъ близъ Нейгартена два Прусскихъ батальона и часть драгунскаго полка съ двумястами человекъ; прорубился между драгунами, ударилъ на батальонъ Принца Фердинанда, положилъ многихъ на мѣстѣ, взялъ болѣе ста человекъ въ пленъ. Подъ нимъ снова убита лошадь. Эти мужественные подвиги приобрѣли ему въ слѣдующемъ году (1762) чинъ Полковника Астраханскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго въ Новой Ладогѣ; въ 1763 году пожалованъ онъ командиромъ Суздальскаго полка, также пѣхотнаго, смѣнившаго Астраханскій. Доказательство, что Суворовъ выходилъ изъ круга обыкновенныхъ Полководцевъ и

могъ нести великую службу. Екатерина, при самомъ началѣ, постигла его.

Ему было тогда тридцать четыре года. Потемкинъ, будущій начальникъ его, служилъ еще Камеръ-Юнкеромъ и не имѣлъ значенія при Высочайшемъ Дворѣ; но въ то время, какъ предприимчивый Царедворецъ, въ послѣдствіи водитель къ побѣдамъ и утонченный Министръ, пролагалъ себѣ дорогу по паркетамъ придворнымъ, Суворовъ приступилъ къ исполненію обдуманнаго имъ плана; рѣшился быть единственнымъ, ни на кого не походить: отличался отъ всѣхъ своими странностями, проказами; старался, по видимому, смѣшить, не улыбался, и въ это самое время трюнилъ надъ другими, осмѣивалъ порочныхъ или вещь предосудительную, получалъ желаемое или отклонялъ непріятный разговоръ; забавлялъ и кололъ; не боялся простирать, иногда, слишкомъ далеко своихъ шутокъ, ибо онъ обратился для него въ привычку, удивляли každато оригинальностію, переливались въ сердца солдатъ, которые говорили о немъ съ восторгомъ въ лагерь и на квартирахъ, любили его языкъ и неустрашимость, были веселы, когда находились съ нимъ. Онъ учредилъ для дѣтей ихъ училище въ Новой-Ладогѣ, выстроилъ домъ на своемъ иждивеніи, и былъ самъ учителемъ Ариметики.

Держась правила: *что солдатъ и въ мирное время на войнѣ*, Суворовъ обучалъ воиновъ своихъ разнымъ маневрамъ и весьма желалъ показать имъ нтурмъ. Мысль эта пришла ему въ голову, когда онъ проходилъ съ полкомъ мимо одного монастыря:

въ пылу воображенія, тотчасъ составилъ онъ планъ къ приступу и полкъ, исполняя повелѣнія его, бросился по всѣмъ правиламъ штурма, овладѣлъ монастыремъ. Екатерина пожелала увидѣть чудака. *Это первое свиданіе* — говорилъ Суворовъ — *проложило ему путь къ славы* (*).

Прошло шесть лѣтъ по окончаніи военныхъ дѣйствій въ Пруссіи и Суворовъ, съ чиномъ Бригадира (1768 г.), отправленъ, въ половинѣ Ноября, съ величайшею поспѣшностію къ Пельскимъ границамъ. Не смотря на едва замерзшія рѣки и болота, онъ въ мѣсяць прошелъ съ ввѣренною ему бригадою тысячу верстъ (238 миль); зимою продолжалъ обучать солдатъ стрѣлять въ цѣль, дѣйствовать штыками; совершалъ съ ними ночные переходы, дѣлалъ фальшивыя тревоги. Въ слѣдующемъ году (1769), Суворовъ двинулся къ Оршѣ, потомъ къ Минску, командуя авангардомъ корпуса Генераль-Поручика Нумерса, котораго въ скоромъ времени смѣнилъ Генералъ Веймарнъ. Тогда продолжалась въ Польшѣ война конфедератовъ. Суворовъ получалъ приказаніе идти къ Варшавѣ съ Суздальскимъ полкомъ и двумя драгунскими эскадронами; раздѣливъ войска свои на двѣ колонны и въ двѣнадцать дней перешелъ шестьсотъ верстъ, явился подъ Прагою. Онъ, безъ пролитія крови, отдѣлилъ отъ конфедератовъ два уланскихъ полка, Пеліаки и Корвинскаго; разбилъ близъ Варшавы Котелуповскаго; въ Литвѣ обоихъ Пулавскихъ, разсылавъ ихъ войска, которыя состояли изъ

(*) См. *Анекдоты Суворова*, изд. Г. Фуксомъ, стр. 115.

шести тысячъ человекъ; награжденъ чиномъ Генераль-Маіора (1770 г.).

Въ Апрель (1770), Суворовъ, переправясь чрезъ Вислу съ двумя ротами, тремя эскадронами и двумя пушками, пошелъ ночью къ Клементову: встрѣтился съ Мошинскимъ, расположившимъ, близъ лѣса, тысячу человекъ конницы въ боевой порядокъ при шести орудіяхъ и, не взирая на безпрестанную пальбу, опрокинулъ штыками ряды неприятельскіе, преслѣдовалъ Поляковъ, захватилъ ихъ пушки; разбилъ вторично, при Опатовѣ, Мошинскаго, получившаго подкрѣпленіе; взялъ въ плѣнъ до двухъ сотъ человекъ; награжденъ (въ Сент.) орденомъ Св. Анны. Тогда Суворовъ былъ боленъ около трехъ мѣсяцевъ, получивъ сильный ударъ въ грудь объ понтонъ, при переправѣ черезъ Вислу.

Новыя победы ввѣчали его въ 1771 году. Онъ выступилъ, въ Мартъ, изъ Люблина съ четырьмя ротами пѣхоты, нѣсколькими пушками и съ пятью эскадронами; переправился чрезъ Вислу у Сендомира; разбилъ отдѣльныя партіи конфедератовъ, атаковалъ Ландскрону, овладѣлъ городомъ, не смотря на сильное сопротивленіе, но не могъ взять замка. Въ этомъ дѣлѣ шляпа и мундиръ Суворова были прострѣлены пулями. Вслѣдъ за тѣмъ онъ вступилъ, неожиданно, въ городъ Казиміръ, захватилъ въ плѣнъ лучшій Подьскій эскадронъ Маршала Жабы; разсѣялъ конфедератовъ, которые нѣсколько дней осаждали три роты его полка въ Красникъ; переправился вплавъ чрезъ рѣку Дунаецъ; занялъ Краковъ; овладѣлъ въ разстояніи на одну милю отъ этого

города редутомъ, въ которомъ находились двѣ пушки и сто человекъ; разбитъ, обратилъ въ бѣгство четырехъ тысячный отрядъ конфедератовъ; преследовалъ ихъ до предѣловъ Шлезіи; положилъ на мѣсть пятьсотъ человекъ; взялъ въ плѣнъ двѣсти; сразился съ Пулавскимъ у Замостья: опрокинулъ свою кавалеріей пѣхоту его; разсыпалъ близъ Красностава отрядъ Полковника Новицкаго; награжденъ военнымъ орденомъ Св. Георгія третьяго класса (Авр. 19).

Около этого времени Императрица опредѣлила Главнокомандующимъ расположенныхъ въ Польшѣ войскъ, вмѣсто Веймарна, Генераль-Поручика Александра Ильича Бибикова, начальствовавшего, до того, полкомъ на Цорндорфскомъ сраженіи (1758 г.); раненаго при Франкфуртѣ (1759); одержавшаго совершенную побѣду при городѣ Трептау надъ Прусскимъ Генераломъ Вернеромъ (1760); славнаго, въ послѣдствіи, пораженіемъ полчищъ Пугачева. Конфедератами управлялъ тогда известный Косаковскій, который волновалъ умы своими огненными обнародованіями, именовался *Литовскимъ Гражданиномъ* и самопроизвольно жаловалъ въ Маршалы; одѣвалъ въ черные мундиры формируемыя имъ войска; возмутилъ всѣ регулярные полки Польскіе; имѣлъ въ товарищахъ великаго Гетмана Литовскаго Графа Огинскаго. Суворовъ рѣшился самъ собою предупредить соединеніе ихъ и съ девятьюстами воиновъ напалъ, 12 Сентября, при Столовичахъ, на пяти тысячное войско Огинскаго, разбилъ его, овладѣвъ двѣнадцатью пушками, Гетманскимъ жезломъ, многи-

Ч. II.

7.

ми знаменами, взявъ въ плѣтъ болѣе семисотъ человекъ, въ томъ числѣ тридцать Штабъ и Оберъ-офицеровъ и Дежурнаго Генерала Литовскаго Гетмана. Последний едва успѣлъ ускакать отъ преслѣдовавшихъ его двухъ козаковъ, удалился, потомъ, въ Дандигъ. Косаковскій бѣжалъ въ Венгрію. Мѣсто битвы усыяно было трупами неприятельскими. Поляки потеряли до тысячи человекъ убитыми; мы лишились только 80 человекъ; но около 400 переранено (*). Суворовъ, въ чинѣ Генераль-Маіора, награжденъ (20 Дек.) орденомъ Св. Александра Невскаго, котораго не имѣлъ еще Главнокомандующій Бибиковъ и Потемкинъ, служившій тогда подъ знаменами Румянцева.

Неожиданное событіе востигло Суворова въ 1772 году: Полковникъ Штакельбергъ, человекъ уже немолодыхъ лѣтъ, начальствовалъ въ Краковѣ и преданный нѣгъ, надѣясь на сильное покровительство, лежалъ у ногъ прекраснаго поля, работывствовалъ, думая поведѣвать. Одна женщина, подъ видомъ челоѣколюбія, уговорила его свести часовыхъ отъ подземнаго прохода, сдѣланнаго для выбрасыванія нечистоты. Франгузы, высланные въ Польшу на помощь конфедератамъ, составили заговоръ противъ безвѣчнаго градодержателя и, нарядясь въ бѣлую одежду Ксензовъ, прокралась ночью, чрезъ оставленное отверстіе,

(*) Фридрихъ Великій, упоминая въ твореніяхъ своихъ о Ставовичскомъ сраженіи, *совѣтовалъ Полякамъ остерегаться Суворова, чтобы вторично не попасться ему въ руки.*

въ Краковскій замокъ съ 21 на 22 Января. Неусыпные козаки первые примѣтили обманъ и произвели стрельбу. Мятежники и заговорщики быстро напали на часовыхъ и всѣхъ изрубили. Узнавъ оплотность свою, Штапельбергъ старался отразить неприятеля, но принужденъ былъ оставить замокъ. Главнокомандующій сдѣлалъ замѣчаніе Суворову, который поклялся отомстить Французамъ: немедленно осадилъ Краковъ; покусался (18 Февр.) взять замокъ приступомъ, но не имѣлъ успѣха; держалъ его въ осадѣ до половины Апрѣля; сдѣлалъ въ двухъ мѣстахъ проломъ и принудилъ, въ исходѣ сѣсяца, Французскаго Коменданта Шоази положить оружіе, объявить себя и весь гарнизонъ вѣнными. Наказывая Французовъ за употребленную ими хитрость, Суворовъ заставилъ ихъ выдти тѣмъ самымъ нечистымъ проходомъ, которымъ они прорвались въ замокъ; а уважая мужественную оборону, возвратилъ офицерамъ шпаги, пригласилъ ихъ къ обѣду и, потомъ, отправилъ въ Люблинъ. Уренъ нашъ въ продолженіе осады простирался до двухъ сотъ человекъ убитыхъ и до четырехъ сотъ раненыхъ. Вслѣдъ за тѣмъ Суворовъ овладѣлъ Заторомъ (въ двѣнадцати миляхъ отъ Кракова), велѣлъ взорвать тамошнія укрѣпленія и взялъ двѣнадцать пушекъ. Императрица изъявила ему свое благоволеніе въ милостивомъ рескриптѣ отъ 12 Мая; пожаловала тысячу червонныхъ, а на войско его десять тысячъ рублей.

Ковчилась война съ конфедератами и Суворовъ, надѣявшійся увидѣть берега Дуная, получилъ другое назначеніе: перемѣщенъ въ корпусъ Генераль-

Поручика Эльмта, которому приказано было идти къ границамъ Швеціи (*). Онъ писалъ тогда къ Бябикову изъ Вильны: «Съ сожалѣніемъ оставляю «этотъ край, гдѣ желалъ дѣлать только добро или, «по крайней мѣрѣ, всегда о томъ старался. Безукор- «ривенная моя добродѣтель услаждается одобреніемъ «моего поведенія. Но когда разсматриваю неправед- «ныхъ оскорбителей моей невинности, начинаю сво- «боднѣе дышать. Какъ честный человекъ оканчиваю «здѣсь мое поприще и отъ нихъ избавляюсь. Жен- «щины управляютъ здѣшнею страной, какъ и вездѣ. «Мнѣ не доставало времени заниматься съ ними, и «я страшился ихъ, не чувствовалъ въ себѣ доста- «точной твердости защищаться отъ ихъ преле- «стей (**).»

Суворовъ — по собственнымъ его словамъ — го- «товился *сражаться среди льдовъ, шель туда, какъ солдатъ (***)*; но слава ожидала его не на Сѣверѣ. Екатерина поручила ему (1773 г.) обозрѣть Фин- «ляндскую границу и узнать мнѣніе тамошнихъ жи- «телей о послѣдовавшей перемѣнѣ въ правленіи Швед- «скомъ (****). Тогда имѣлъ онъ случай перейти въ ар-

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Графа Эльмта.

(**) См. *Жизнь Суворова*, изд. Г. Глинкою 1819 г., стр. 47 и 49.

(***) Тамъ же, стр. 55.

(****) Въ половинѣ 1772 года Густавъ III сдѣлался почти самодержавнымъ Государемъ, въ противность корен- «ныхъ законовъ.

мію Задунайскаго, поступилъ въ корпусъ Генераль-Аншефа Графа Салтыкова (*).

Первый шагъ Суворова въ предѣлахъ Турціи ознаменованъ побѣдой. Салтыковъ отрядилъ его къ Туртукаю: онъ въ одну ночь прискакалъ на почтѣ въ Негоиштъ, въ три дни осмотрѣлъ мѣстоположеніе, все устроилъ и, не взирая на приказаніе Румянцова отступить, рѣшился послушаться его, овладѣлъ (10 Мая) Туртукаемъ, прекратилъ Туркамъ сообщеніе между Силистріей и Рущукойъ, обезопасилъ отряды, посылаемые отъ устья Аргиса и, вмѣсто обыкновеннаго донесенія, увѣдомилъ Румянцова стихами:

«Слава Богу! слава вамъ!

«Туртукай взятъ и я тамъ.»

Задунайскій представилъ Императрицѣ оригинальный рапортъ: «какъ безпримѣрный *законоизмъ* без-«примѣрнаго Суворова» — ; но, вмѣстѣ, долженъ былъ предать послушника суду. «Римъ — говорилъ, потомъ, Суворовъ—«меня-бы казнилъ. Военная Коллегія поднесла докладъ, въ которомъ Секретарь ея «не выпустилъ ни одного закона на мою погибель; «но Екатерина написала: *побѣдителя судить не должно* и я остался въ арміи на служеніи моей Спасительницѣ (**).» — Военный орденъ Св. Георгія большаго креста втораго класса увѣнчалъ (30 Іюня) его знаменитый подвигъ.

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Графа Ивана Петровича Салтыкова.

(**) См. *Анекдоты Суворова*, изд. Г. Фуксомъ. стр. 114.

Туртукай, отданный на жертву солдатамъ, былъ обращенъ ими въ пепель. Съ нашей стороны убито 60 человекъ; ранено 150. Суворовъ увезъ десять знаменъ и шесть мѣдныхъ пушекъ изъ числа отнятыхъ у непріятеля; бросилъ въ Дунай восемь тяжелыхъ орудій; овладѣлъ 50 судами; укрѣпилъ монастырь Негоешти; но, обучая войска свои, не смотря на полученную имъ контузію въ ногу, разстроилъ здоровье, занемогъ лихорадкою и отправился въ Букарестъ для излеченія.

Герой перемѣнилъ тогда образъ войны: въ Польшѣ, усмиряя непріятеля, охранялъ онъ селенія; въ Турціи желалъ, чтобы одно имя его приводило въ трепетъ невѣрныхъ и достигнулъ цѣли своей.

Онъ, снова, выступилъ на поле брани, чувствуя еще чрезвычайную слабость, поддерживаемый двумя солдатами: переправился ночью на правый берегъ Дуная, овладѣлъ, 17 Іюля, нѣсколькими шанцами непріятельскими, лагеремъ Турецкимъ, 18 мѣдными пушками, 26 лодками. Уронъ Турокъ простирался до двухъ тысячъ человекъ; въ числѣ убитыхъ находился храбрый Сари-Мехметъ Паша, извѣстный силою и красотой своей. Суворовъ предалъ тѣло его землѣ съ должными военными почестями. Побѣда эта, одержанная во время неудачнаго покушенія на Силистрію, обрадовала Задунайскаго: такъ умѣлъ Суворовъ, пользуясь случаями, соединять славу свою съ славой главнаго Предводителя нашихъ войскъ.

Подъ Гирсовымъ ожидало Турокъ, 3 Сентября, новое пораженіе: ихъ войско простиралось до одиннадцати тысячъ; Суворовъ имѣлъ: три эскадрона гу-

сарь, сто козаковъ, четыре пѣхотныхъ полка и нѣсколько орудій. Онъ заманилъ непріятеля къ укрѣпленному стану своему и когда невѣрные, преслѣдуя бѣжавшихъ, покушались ворваться на валъ; вдругъ двинулись штыки Рускіе, опрокинули ихъ, между тѣмъ какъ пѣхотный полкъ Князя Гагарина, обойдя высоту, наналъ кареємъ на лѣвое крыло Турецкое, а Баронъ Розенъ врубился въ ряды Музульманъ съ конницею. Турки, наступавшіе строемъ, по примѣру Европейскому, и не привыкшіе сражаться такимъ образомъ, не могли выдержать сильнаго натиска противниковъ, смѣшались, приведены были въ совершенный безпорядокъ, обратились въ бѣгство, преслѣдуемые побѣдителями за тридцать верстъ. Болѣе тысячи человекъ пало на мѣстѣ битвы, въ томъ числѣ двое Пашей. Съ нашей стороны ранено двѣсти человекъ. Трофеи того дня состояли изъ восьми пушекъ, одной мортиры и девяти знаменъ; въ плѣнъ взято около ста человекъ. Суворовъ произведенъ былъ въ Генералъ-Поручики.

Онъ содѣйствовалъ въ 1774 году Каменскому въ одержаніи (9 Іюня) блистательной побѣды подъ Козлуджи надъ сорока-тысячнымъ Турецкимъ корпусомъ (*). Два героя сражались единодушно, хотя не любили другъ друга: одинъ завидовалъ славу младшаго товарища; другой, чувствуя свое превосходство, тяготился подчиненностію. — Вскорѣ Кочукъ-Кайнарджійскій договоръ положилъ (10 Іюля) конецъ кровопролитной брани.

(*). См. біографію Генер. Фельдм. Графа М. Ѳ. Каменскаго.

Умолкли громы на берегахъ Дуная и еще продолжались въ недрахъ нашего Отечества : Донской козакъ , служившій въ Турецкую войну , бѣжавшій , потомъ , въ Польшу , укрывавшійся между раскольниками , явился на Яикъ ; началъ возмущать тамошнихъ козаковъ ; пойманъ ; бѣжалъ , снова , на Яикъ изъ темницы Казанской (1773 г.) ; дерзнулъ выдавать себя Императоромъ Петромъ III и съ горстію отчаянныхъ сообщниковъ началъ опустошительныя свои дѣйствія : вступилъ въ Илецкій городокъ ; взялъ приступомъ крѣпость Разсыпную ; овладѣлъ крѣпостями : Нижне-Озерною , Татишевою , Чернорѣченскою , Пречистенскою ; принять въ Сакмарскомъ городкѣ съ колокольнымъ звономъ и дарами ; осадилъ Оренбургъ ; ворвался въ крѣпость Ильинскую ; занялъ крѣпости Тодкую и Сарачинскую ; потерпѣлъ совершенное пораженіе отъ храбраго Генераль-Маіора Князя Голицына (1774 г.) (*); бѣжалъ за рѣку Сакмару въ степь ; собралъ новую сволочь ; занялъ Сакмарскій городокъ ; возмутилъ Башкирцевъ ; разорилъ Магнитную крѣпость ; устремился къ Карагайской Уральскими

(*) Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ , родной племянникъ славнаго Генераль-Фельдмаршала временъ Петра Великаго , извѣстенъ уже былъ военными своими подвигами въ Польшѣ противъ конфедератовъ ; имѣлъ орденъ Св. Георгія 3 класса . Императрица наградила его Александровскою лентой за пораженіе Пугачева , пожаловала ему двѣ тысячи крестьянъ , произвела , потомъ , въ Генераль-Поручики ; но , вскорѣ , сдѣлался онъ жертвою зависти и палъ , на поединкѣ , въ цвѣтъ лѣтъ и красоты , 11 Ноября 1775 года .

горами; обратилъ ее въ пепель; разорилъ, сжегъ крѣпости: Петрозаводскую, Степную, Троицкую; разбитъ на голову Генераль-Поручикомъ Де-Колонгомъ и, потомъ Михельсономъ (*); удалился къ Башкирцамъ; собралъ свѣжее войско: завладѣлъ, на рѣкѣ Камѣ, большимъ дворцовымъ селомъ Каракули-

(*) Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, Лифляндскій уроженецъ, тяжело раненый въ Франкфуртской битвѣ (1759 г.) и на Кагульскомъ сраженіи (1770 г.); оказавшій въ Польшѣ рѣдкія и великія дарованія воинскія, пожалованъ за свои подвиги противъ самозванца: Полковникомъ, кавалеромъ Св. Георгія 3 класса, Шефомъ кирасирскаго полка военнаго ордена и получилъ еще золотую шпагу, украшенную брилліантами, тысячу крестьянъ, значительную сумму денегъ (1775 г.). Въ послѣдствіи удостоенъ онъ чина Генераль-Маіора и ордена Св. Александра Невскаго (1778 г.); произведенъ въ Генераль-Поручики (1786 г.); служилъ съ честію въ Шведскую войну подъ главнымъ начальствомъ Графа-Музына-Пушкина (1788 и 1789 г.); возведенъ Императоромъ Павломъ I въ достоинство Генерала отъ Кавалеріи; управлялъ при Императорѣ Александрѣ Новороссійскимъ краемъ и Бѣлоруссією; получилъ Андреевскій орденъ (1806 г.); пожалованъ Главнокомандующимъ Днѣстровской арміи: овладѣлъ Сулинскимъ переходомъ въ Дунай (1807); отразилъ осмнадцати тысячный корпусъ Турецкій, посланный противъ него изъ Журжи; разбилъ подъ Измаиломъ Пегливана Пашу; скончался въ Букарестѣ 19 Августа 1807 года, оплакиваемый армією, какъ храбрый вождь и добрый начальникъ; былъ первый партизанъ на войнѣ, искусный кавалеристъ и, вмѣстѣ, ловкій царедворецъ.

нымъ; выжегъ городокъ Осу; разорилъ до основанія казенные винокуренные заводы: Ижевскій и Воткинскій; взбунтовалъ работниковъ; осадилъ Казань: ворвался въ городъ, предалъ его огню и мечу, готовился овладѣть крѣпостью, былъ обращенъ въ бѣгство, преслѣдованъ мужественнымъ Михельсономъ; возмутилъ Заволжскихъ жителей; ограбилъ Цывилъскъ и Курмышъ; опустошилъ: Алатырь, Саранскъ, Пензу, Петровскъ и Саратовъ; умерщвлялъ вездѣ градодержателей, духовныхъ, чиновниковъ, купцовъ, державшихъ противиться ему.

Въ это время Императрица ввѣрила главное начальство надъ войсками, высланными противъ Пугачева, Графу Петру Ивановичу Панину, который готовился тогда идти на встрѣчу бунтовщикамъ съ вооруженными служителями, намѣревался, присоединясь къ первой командѣ, подчинить себя младшему его чиномъ (*). Устрашенный именемъ Панина, самозванецъ, бывший свидѣтелемъ завоеванія Бендеръ — бѣжалъ изъ Саратова къ Царицыну, преслѣдуемый, тѣснымъ на всѣхъ пунктахъ.

Въ числѣ вождей, подчиненныхъ Панину, который въ одинъ мѣсяць даровалъ спокойствіе и тишину Россіи — находился Суворовъ. Военная Коллегія, еще въ продолженіе Турецкой войны, вызывала героя на новый подвигъ, видя важность возмущенія, но Румянцовъ удержалъ его въ своей арміи, чтобы не подать Европѣ слишкомъ великаго понятія о вну-

(*) См. объ этомъ знаменитомъ мужѣ въ біографіи Генер. Фельдм. Графа Петра Семеновича Салтыкова.

тренихъ безпокойствахъ Государства. — «Такова была слава Суворова!» — восклицаетъ Пушкинъ въ Исторіи Пугачевского бунта (*). Кончилась война и Суворовъ получилъ повелѣніе немедленно явиться къ Графу Панину. Онъ принялъ начальство надъ Михельсоновымъ отрядомъ, посадилъ пѣхоту на лошадей, отбитыхъ у Пугачева; переправился чрезъ Волгу въ Царицынъ; взялъ, подъ видомъ наказанія, въ одной изъ бунтовавшихъ деревень, пятьдесятъ паръ воловъ и съ этимъ запасомъ углубился въ пространную степь, гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни воды, и гдѣ днемъ должно было ему направлять путь свой по солнцу, а ночью по звѣздамъ. Тамъ скитался Пугачевъ. Злодѣй надѣялся еще укрыться между Киргизами отъ заслуженной казни, продолжалъ обманывать сообщниковъ; но послѣдніе лишились терпѣнія и выдали своего предводителя Яицкому Коменданту Симонову, славному обороною ввѣренной ему крѣпости, которую мятежники держали въ тѣсной осадѣ семь мѣсяцевъ; отразившему, съ горстію людей, два приступа самозванца; утолявшему голодъ лошадинымъ мясомъ, овчинными кожами, костями и, наконецъ, землею!

Суворовъ, поспѣвая къ тѣмъ мѣстамъ, сбился ночью съ дороги, и нашелъ на огни; попалъ неожиданно на ворующихъ Киргизовъ; разсвѣлъ ихъ; прибылъ черезъ нѣсколько дней въ Яицкій городокъ; принялъ Пугачева; посадилъ его въ деревянную клѣтку на двуколесной телегѣ; окружилъ силь-

(*) Часть I, стр. 157.

нымъ отрядомъ при двухъ пушкахъ; не отлучался отъ него; самъ караулилъ ночью и, въ началѣ Октября, сдалъ въ Симбирскъ Графу Панину. Въ Москвѣ совершилась казнь надъ самозванцемъ 10 Января 1775 года.

Вскорѣ въ древней столицѣ, осчастливленной присутствіемъ Екатерины, праздновали (10 Іюля) миръ съ Портою Оттоманской. Суворовъ былъ награжденъ золотою шпагой, осыпанною брилліантами и наименованъ, потомъ, начальникомъ С. Петербургской дивизіи.

Тогда Потемкинъ, съ которымъ сравнился было Суворовъ на полѣ чести, вдругъ предприимчивымъ умомъ и отважностію опередилъ многихъ, сдѣлался главнымъ вельможею въ Государствѣ и, среди чести и роскоши, приступилъ къ исполненію гигантскихъ предпріятій относительно изгнанія невѣрныхъ изъ Европы. Войска наши вступили въ Крымъ подъ предводительствомъ Князя Прозоровскаго (1776 г.). Явился Суворовъ и разсѣялъ (1777) скопища Хана Девлетъ-Гирея, преданнаго Портѣ; заставилъ его бѣжать въ Константинополь; содѣйствовалъ Прозоровскому въ утвержденіи Ханомъ Шагинъ-Гирея, малодушнаго и неспособнаго управлять народомъ, котораго политическое существованіе исчезло съ возстановленіемъ мнимой независимости. Турція готовилась къ новой войнѣ. Суворовъ укрѣпилъ правый берегъ Кубани; сдѣлалъ также укрѣпленія въ разныхъ пунктахъ полуострова и даже въ горахъ. Въ началѣ 1778 года Князь Прозоровскій отозванъ въ Петербургъ и войска, находившіяся въ Крыму, были

ввѣрены Суворову. Турецкій флотъ, подъ предводительствомъ Капитана Паши крейсировалъ въ Черномъ морѣ, подступилъ къ берегу Крыма, угрожалъ высадкою и удалися безъ боя. Между тѣмъ неутомимый Полководецъ занялся переселеніемъ двадцати тысячъ Грековъ и Армянъ въ Екатеринославскую губернію. Духовенство содѣйствовало ему; но Министры, управлявшіе новымъ Ханомъ, явно возстали противъ распоряженія, долженствовавшаго уменьшить получаемые ими доходы. Суворовъ окружилъ жилище ихъ солдатами, приставилъ пушку и Министры на все согласились (*). Въ половинѣ 1779 года Порта признала Шагинъ-Гирея Ханомъ; Суворовъ выѣхалъ изъ Крыма, вслѣдъ за тѣмъ присоединеннаго къ Имперіи. Государыня наградила труды его: табакеркою съ портретомъ Ея, осыпаннымъ брилліантами; возложила на него въ Петербургъ, брилліантовую звѣзду Александровскаго ордена, которую сама носила на орденской одеждѣ; назначила командиромъ Малороссійской дивизіи. Въ 1780 году онъ осматривалъ, по приказанію Императрицы, берега Каспійскаго моря; переведенъ былъ, потомъ, въ Казанскую дивизію (1781 г.); наименованъ командиромъ пятаго корпуса, расположеннаго на Кубани (1782 г.).

Дѣятельно вспомошествовалъ Суворовъ Потемкину въ знаменитыхъ предпріятіяхъ: ласками, дарами и угощеніемъ склонилъ онъ Нагайскихъ Татаръ къ принятію Россійскаго подданства (1783 г.); награжденъ орденомъ Св. Владиміра большаго креста пер-

(*) *Побѣды Суворова*, изд. 1809, ч. 2, стр. 23.

вой степени (28 Июля); разбилъ Нагайцевъ, возмущенныхъ Шагинъ-Гиреевъ; привелъ ихъ въ повиновеніе.

Россія наслаждалась миромъ и Суворовъ, обучавшій въ это время ввѣренныя ему войска Владимірской и С. Петербургской дивизій, пожалованъ былъ Генералъ-Аншефомъ въ 1786 году. Вскорь Императрица предприняла путешествіе въ полуденный край (1787 г.) (*); Суворовъ находился въ Малороссіи. Она спросила его въ Кременчугъ: «не имѣетъ ли онъ какой просьбы?» — Заслуженный воинъ бросился къ ногамъ Государыни и умолялъ *о замлатъ за намятую имъ въ томъ городъ квартиру*. Въ тотъ же день выдано ему изъ казны, по его показанію, двадцать пять рублей съ копейками (**), но вслѣдъ за тѣмъ удостоился онъ получить табакерку съ вензелевымъ именемъ Императрицы, осыпанную брилліантами. Тогда ввѣрены ему были войска, стоявшія въ Херсонѣ и въ Кинбурнѣ. Разрывъ съ Турціей казался неизбежнымъ. Суворовъ, всегда дѣятельный и осторожный, укреплялъ берега Днѣпра, особливо Буга, на которомъ было много удобныхъ переправъ; приказалъ заложить передъ гаванью Глубокою большую батарею о двадцати четырехъ 18 и 24 фунтовыхъ пушкахъ, для защищенія обомъ фарватеровъ; а на островъ подъ Херсономъ построилъ пять батарей съ меньшимъ числомъ пушекъ, для произведенія кре-

(*) См. объ этомъ путешествіи въ біографіи Князя Потемкина-Таврическаго.

(**) См. *Анекдоты Суворова*, изд. Фуксомъ, стр. 177.

стообразнаго огня; старался также о безопасности полуострова Кинбурнскаго. Городъ былъ окруженъ ничтожными стѣнами, землянымъ гласисомъ, мѣлкимъ рвомъ. Суворовъ остался въ Кинбурнѣ, предвидя нападеніе.

Турки, дѣйствительно, при самомъ началѣ войны, намѣревались овладѣть Кинбурномъ, какъ самымъ укрѣпленіемъ; потомъ надвинулись ворваться въ Херсонъ и Крымъ; располагали съечею корабли наши. Предводимые Французскими офицерами, они вриплыли, 30 Сентября, къ Косъ и начали укрѣпляться. Войска Суворова состояли только изъ 1000 человекъ, къ которымъ подошли 4 козацкихъ полка и еще 1000 человекъ конницы. Чело Турокъ, вступившихъ на берегъ, 1-го Октября, простиралось до 6 тысячъ. Главнѣйшій предводитель ихъ, Юсъ-Паца, знавшій совершенно Кинбурнъ, рѣшился побѣдить или умереть, велѣлъ своимъ перевознымъ судамъ удалиться. Турки начали бомбардировать; но имъ не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ изъ крѣпости; копали ложементы, безъ всякаго пренятствія съ нашей стороны. Суворовъ далъ приказаніе *дѣйствовать, когда непріятель подойдет на дальсти шаговъ*; назначилъ сигналомъ залпъ со всѣхъ крѣпостныхъ паргоновъ, находившихся на той сторонѣ; между тѣмъ молился въ церкви, велѣлъ, когда кончилась литургія, пѣть молебенъ. Въ часъ по полудни Турецкій авангардъ подошелъ къ назначенному разстоянію; сигналъ былъ данъ: Полковникъ Иловайскій, съ двумя козацкими полками и двумя эскадронами легкой конницы, обвѣхавъ крѣпость съ

лѣвой стороны по берегу Чернаго моря, напалъ на неприятельскія войска, которыя состояли изъ нѣсколькихъ сотъ человекъ, несшихъ лѣстницы, изрубилъ ихъ, въ томъ числѣ Юсь-Пашу, не хотѣвшаго сдаться. Между тѣмъ Орловскій пѣхотный полкъ, предводимый Генералъ-Маіоромъ Рекомъ, сдѣлалъ вылазку изъ крѣпости и устремился на неприятеля съ правой стороны, проложилъ себѣ штыками дорогу въ ложементы, очистилъ половину оныхъ, подъ громомъ шести сотъ орудій съ Турецкихъ кораблей. Въ это время храбрый Рекъ, опасно раненый, былъ вынесенъ за фронтъ. Суворовъ подкрѣпилъ сражавшихся батальономъ Козловскаго полка, но со всѣмъ тѣмъ, Рускіе отступили; герой остался впереди съ горстію людей. Мушкеры бросились выручать своего Генерала; подъ нимъ убита тогда лошадь; уже одинъ Турка готовился поразить его, какъ былъ поверженъ на землю унтеръ-офицеромъ Новиковымъ. Наши сражались еще некоторое время, но, подавляемые силою, принуждены были отступить. Суворовъ, не смотря на полученную имъ рану картечью въ бокъ, вывелъ свѣжія войска. Отчаянная битва возобновилась въ третій разъ. Побѣда казалась на сторонѣ Турокъ, какъ вдругъ подоспѣли къ нашимъ десять эскадроновъ легкой конницы, стоявшихъ въ тридцати верстахъ за Кинбурномъ. День склонился уже къ вечеру. Пѣхота, получивъ подкрѣпленіе, ударила на неприятеля съ большимъ ожесточеніемъ; козаки устремились во фланги. Турки, ободряемые дервишами, продолжали нападеніе, бросались съ отчаяніемъ

въ ряды наши. Суворовъ былъ, снова, раненъ пулею въ лѣвую руку, но не оставилъ поля сраженія. Вскорѣ сдѣлалось совершенно темно: въ девятомъ часу присоединились, еще триста человекъ Муромскаго полка, лишь только прибывшіе изъ Херсона и рѣшили побѣду. Турки отступили къ морю, обorongались съ полчаса и, потомъ, принуждены были искать спасенія въ волнахъ, гдѣ погибло ихъ множество. Въ десять часовъ все утихло.

Потеря наша убитыми простиралась до двухъ сотъ человекъ, въ томъ числѣ десять Штабъ и Оберъ-офицеровъ; ранено восемьсотъ. Изъ шести тысячъ Турокъ, высадившихъ на берегъ, едва десятая часть спаслась отъ пораженія. Императрица, получивъ донесеніе Князя Потемкина объ одержанной побѣдѣ Суворовымъ, принесла (17 Окт.) благодареніе Всевышнему съ пушечною пальбой и сказала, потомъ, приближеннымъ: *«Александръ Васильевичъ поставилъ насъ на колѣни; но жаль, что старика ранили (*)»*. Она собственноручнымъ рескриптомъ благодарила его, на другой день, за оказанные имъ и вѣреннѣмъ ему войскомъ мужественные подвиги; изъявила искреннее соболъзнованіе о полученныхъ Суворовымъ ранахъ; желала скорого выздоровленія и, вслѣдъ за тѣмъ, наградила его (9 Ноября) орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, который онъ— по выраженію Екатерины— *заслужилъ върою и вър-*

(*) См. *Памятныя Записки Храповицкаго* въ Отечеств. Запискахъ Г. Свинына.

ностію (*); препроводила къ нему шесть Георгіевскихъ крестовъ, для раздачи, по собственному его вѣбору, отличившимся офицерамъ. — Суворовъ писалъ (20 Декабря), изъ Кинбурна, къ своей дочери, которая еще воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ: «У насъ были драки сильнѣе, нежели вы деретесь «за волосы; а какъ въ правду потанцовали, въ бо- «ку пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ пули «дырочка, да подо мной лошади мордочку отстрѣ- «лили: насылу часовъ чрезъ восемь отпустили съ «театра въ камеру. Я теперь только, что возвратил- «ся; выѣздилъ близь пятисотъ верстъ верхомъ, въ «шесть дней и не ночью. Какъ же весело на Чер- «номъ морѣ, на Лиманѣ! вездѣ поютъ лебеди, утки, «кулики; по полямъ жаворонки, свинички, лисички, «а въ водѣ стерледи, осетры: пропасть! Прости, мой «другъ Наташа и проч.»

Въ 1788 году, Потемкинъ повелъ ввѣренную ему армию къ Очакову. Еще въ Апрель мѣсяцъ Суворовъ вызывался овладѣть этою крѣпостью, но получилъ отказъ: 28 Августа, преслѣдуя Турокъ, сдѣлавшихъ вылазку, онъ, въ жару сраженія, съ нѣсколькими гренадерскими батальонами ворвался въ непріятельскій ретраншаментъ, почти овладѣлъ онымъ, но былъ раненъ пулею, которая попала на два пальца отъ горла и остановилась въ затылкѣ. Тогда нѣсколько сотъ челоуѣкъ погибли, во время безпорядочнаго отступленія.

(*) Девизъ ордена.

Герой находился у вратъ смерти; пуля вышута; онъ велѣлъ везти себя въ Кинбурнъ; занемогъ горячкою; сдѣлалось воспаление; прибѣгнули къ новой операціи: вырѣзали изъ раны нѣсколько кусковъ сукна и подкладки отъ мундира, которыхъ не примѣтили при первой перевязкѣ. Ожидали кончины страдальца; но благотворный сонъ возвратилъ ему силы и опасность миновалась. Во все время лѣченія, которое продолжалось три недѣли, Суворовъ не лежалъ въ постель; уже начиналъ выздоравливать, какъ одна бомба, изъ числа взорванныхъ отъ загорѣвшагося пороховаго магазина, разбила часть стѣны той комнаты, въ которой онъ находился: Суворовъ еще слабый на ногахъ, хотѣлъ выдти и былъ засыпанъ множествомъ щепъ, раненъ ими въ лицо, въ грудь и въ колѣно.

Къ тѣлеснымъ страданіямъ присоединились душевныя, которыя болѣе первыхъ подавляютъ человека: «Мнѣ странно — писалъ гордый Князь Тавриды къ безстрашному Полководцу — «что въ присутствіи моемъ дѣлается движеніе безъ моего приказанія пѣхотою и конницею. . . . Извольте меня «увѣдомлять, что у васъ происходитъ будетъ; а не «такъ, что даже и не прислали мнѣ сказать о движеніи *впередъ*.» — Суворовъ заговорилъ: что желаетъ удалиться въ Москву для *лучшаго излеченія ранъ*. — «Невинность не терпитъ оправданій — отвѣчалъ онъ Потемкину. — «*Всякій имѣетъ свою силу*, — такъ и по службѣ я имѣю мою. — Мнѣ «не переродиться, — и поздно! Свѣтлѣйшій Князь! «успокойте остатки моихъ дней! — Шея моя не оцараплена, — чувствую сквозную рану, — тѣло изло-

«мано. — Коли вы не можете побѣдить свою немилость, удалите меня отъ себя. — *Добродѣтель всегда гонима.* — Вы вѣчны, вы кратки!» — Такъ, стараясь смягчить оскорбленнаго вельможу, герой напоминалъ ему о смерти, которая прерываетъ навсегда земное значеніе.... Потемкинъ забывая прошедшее, называлъ Суворова въ письмахъ *сердечнымъ своимъ другомъ*, призывалъ его, снова, къ Очакову — черта похвальная въ жизни Князя Таврическаго! Между тѣмъ Суворовъ имѣлъ пребываніе въ Малороссіи, возстановлялъ силы свои и не гонялся за славою, которая ожидала его на каждомъ шагу съ распростертыми объятіями. Въ началѣ 1789 года отправился онъ въ С. Петербургъ для свиданія съ дочерью; былъ отлично принятъ Императрицею; получилъ бриліантовое перо на каску съ литерою К (Кинбурнъ).

Новая блистательнѣйшая кампанія ожидала его. Суворовъ отправился въ армію, которою предводительствовалъ одинъ только Потемкинъ: Задунайскій вложилъ въ ножны мечъ, испытывая разныя неприятности по службѣ со стороны Президента Военной Коллегіи (*), жилъ тогда на одной мызѣ въ окрестностяхъ Яссы. Тамъ посѣтилъ Кагульскаго героя достойный ученикъ его, Суворовъ, который видѣлъ въ немъ бывшаго своего начальника, непобѣдимаго вождя, и не смотрѣлъ на отношенія къ нему Князя Таврическаго.

Принявъ въ Берладъ отъ Генераль-Поручика Дер-

(*) Президентомъ Военной Коллегіи былъ Потемкинъ.

фельдена ввѣренный ему корпусъ, Суворовъ, по приказанію Князя Репнина, начальствовавшего въ Молдавіи и въ Бессарабіи, вступилъ въ сношенія съ Принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ, который командовалъ вспомогательными Австрійскими войсками. Онъ находился въ Валахіи, не зналъ еще лично Суворова, но уважалъ его: вскорѣ тѣсная дружба соединила ихъ.

Турецкая армія, подъ предводительствомъ Серакира, двинулась отъ Браилова къ Фокшанамъ и угрожала нападеніемъ на корпусъ Принца Кобургскаго: Суворовъ поспѣшилъ къ нему и, проходя ближайшею дорогою, горами и лѣсомъ, сдѣлалъ восемьдесятъ верстъ въ 36 часовъ. Тогда оба корпуса переправились за рѣку Стратушъ въ двухъ колоннахъ: авангардъ состоялъ изъ однихъ Австрійцевъ, чтобы Турки не знали о прибытіи союзниковъ.

21 Іюля произошло сраженіе при Фокшанахъ, на которомъ 18,000 Австрійцевъ и 7000 Рускихъ совершенно разбили 40,000 Турокъ; обратили ихъ въ бѣгство; преслѣдовали по двумъ дорогамъ: Букарестской и Браиловской; положили на мѣстѣ до двухъ тысячъ человекъ; взяли въ плѣнъ около трехъсотъ; отняли 16 знаменъ, 12 пушекъ; овладѣли богатымъ лагеремъ. Императоръ Іосифъ наградилъ Принца Кобургскаго большимъ крестомъ ордена Маріи Терезіи и прислалъ Суворову, при лестномъ рескриптѣ, табакерку съ вензеловымъ именемъ, осыпанную брилліантами. Въ столицѣ ожидали дальнѣйшихъ извѣстій о его побѣдахъ.

Вскорѣ Верховный Визирь съ шестидесятитысячнымъ войскомъ, переправясь отъ Браилова чрезъ рѣку Бузео, сталъ лагеремъ при деревнѣ Граденешти, въ близкомъ разстояніи отъ Австрійцевъ. Принцъ отправилъ нарочнаго къ Суворову, который находился въ Берладѣ. Россійскій Полководецъ, сначала, не спѣшилъ походомъ; но получивъ второе увѣдомленіе, отвѣчалъ двумя словами: *Иду, Суворовъ*; полетѣлъ на помощь союзникамъ и 9 Сентября, вечеромъ, соединился съ ними, въ виду непріятельскаго стана. Принцъ, тотчасъ, пригласилъ къ себѣ Генераль-Аншефа; послѣдній вельѣлъ ему доложить: *Суворовъ Богу молится*. Принцъ отправилъ другаго посланнаго: *Суворовъ ужинаетъ* — сказалъ герой. Явился третій и услышалъ: *Суворовъ спитъ*. Между тѣмъ, не помышляя о снѣ, дѣятельный Полководецъ обзрѣвалъ съ высокаго дерева мѣстоположеніе непріятельское и, на разсвѣтъ, явился къ Принцу Кобургскому, условился съ нимъ о нападеніи. — «Еслибъ «при самомъ началѣ — произнесъ Суворовъ Генераламъ — «пошелъ я къ Принцу, мы провели-бы всю «ночь въ толкованіяхъ *тактическихъ*; мы спорили-«бы и упустили время.»

Союзныя войска, въ двухъ колоннахъ, перешли вечеромъ, 10 Сентября, Милковъ въ бродъ и понавешаннымъ мостамъ; приблизились, въ глубочайшей тишинѣ, къ крутымъ берегамъ Рымника и совершили переправу черезъ эту рѣку 11 числа на разсвѣтъ.

Рускіе двинулись впередъ въ трехъ линіяхъ: пѣхота, находившаяся въ первой и второй, шла

шестью кареями; конница подвигалась за ними въ третьей. Число войскъ простиралось, какъ и подъ Фокшанами, только до семи тысячъ человекъ, при двадцати орудіяхъ. Австрійцы слѣдовали также тремя линіями: девять кареевъ составляли двѣ первыя, а конница третью. Всѣхъ ихъ было до 18,000. Визирь, узнавъ, что долженъ будетъ сразиться съ Суворовымъ, сказалъ: «Это навѣрно другой Суворовъ, «потому, что первый умеръ отъ ранъ въ Кинбурнѣ.»

Лишь только Русскіе подошли къ непріятельскому лагерю на полторы версты, Турки открыли сильный огонь изъ своихъ орудій; но солдаты не смотря на рывтины, затруднявшія артиллерію, быстро подвигались впередъ. Между тѣмъ конница, бывшая на правомъ крылѣ подъ командою Бригадира Бурнашева, начала атаку. Турки стоявшіе на возвышеніи, зашли ложиною нашимъ въ бокъ и ударили на каре Шастакова, который также находился на правомъ крылѣ. Ихъ было до семи тысячъ человекъ: янычары сидѣли на однихъ лошадяхъ съ спагами и, приближась къ Русскимъ, тотчасъ соскочили, напали на противниковъ съ ожесточеніемъ; но число невѣрныхъ не устрасило храбрыхъ воиновъ, предводимыхъ Суворовымъ: они приняли Турокъ холоднымъ оружіемъ и отбросили назадъ; янычары спасались отъ смерти на лошадяхъ спаговъ и первые падали подъ саблю нашей конницы. Въ это время Османъ Паша, съ 5,000 охотниковъ изъ спаговъ, потерпѣлъ поражение на лѣвомъ крылѣ нашемъ. Въ непріятельскомъ лагерѣ не найдено ни одной пушки. Когда происходила битва при Тирго-

кули, Принцъ Кобургскій, переправившійся чрезъ Рымникъ, верстъ на семь ниже Суворова, не успѣлъ еще соединиться съ нимъ и находился верстахъ въ четырехъ. Османъ Паша съ 15,000 чел. конницы намѣревался возобновить нападеніе на Рускихъ и неожиданно сошелся съ Австрійцами, былъ во второй разъ обращенъ въ бѣгство.

Давъ отдохнуть войскамъ, Суворовъ, въ первомъ часу по полудни, выступилъ къ деревнѣ Боксъ. Австрійцы стояли отъ него верстахъ въ трехъ; Визирь расположился за Крингумеларскимъ лѣсомъ на Рымникъ, въ десяти верстахъ отъ союзниковъ. Турки выкопали вдоль по опушкѣ лѣса шанцы, за которыми намѣревались 12 числа оставить тяжелый обозъ передъ нападеніемъ на Принца Кобургскаго; но Суворовъ не любилъ откладывать и, между тѣмъ, какъ Австрійцы вступили въ бой съ Визиремъ, обошелъ непріятельскія батареи, поставилъ свои шесть каре полукружіемъ и повелъ ихъ скорымъ шагомъ къ укрѣпленному лѣсу. Сильная пальба не остановила безстрашныхъ: чтобы сберечь людей, Суворовъ приказалъ конницѣ нападать на лѣсъ чрезъ интервалы между кареями. Въ укрѣпленіяхъ находилось болѣе 15,000 янычаръ; конница Турецкая стояла по бокамъ. Принцъ Кобургскій, отразивъ шесть сильныхъ атакъ, также двинулъ свои полки къ лѣсу. Конница наша быстро перенеслась чрезъ рвы и валы и врубилась въ толпы янычаръ: завязался рукопашный бой; Турки отчаянно защищались саблями и кинжалами; многіе изъ нихъ изрублены на пушкахъ, которыхъ не хотѣли покинуть. Старо-

дубскіе карабинеры, предводимые храбрымъ Миклашевскимъ и Венгерскіе гусары первые бросились на непріятеля. Козаки, Австрійскіе уланы и Арнауты ударили на Турецкую конницу, смяли ее и окружили лѣсъ сѣва и сзади. Устремилась пѣхота и въ четыре часа соединенные корпусы совершенно овладѣли лѣсомъ. Турки были вездѣ опрокинуты и искали спасенія въ бѣгствѣ. Тщетно Визирь убѣждалъ свое войско возвратиться на поле битвы, заклиная алкораномъ, который держалъ въ рукѣ; наконецъ, обратилъ на малодушныхъ два орудія: ничто не помогло. Суворовъ самъ преслѣдовалъ бѣжавшихъ по трунамъ убитыхъ, не давалъ никакой пощады непріятелю, приказывалъ рубить всѣхъ и запретилъ брать въ плѣнъ. Визирь, прогнанный въ Браиловъ, заперся въ крѣпости. Турки лишились убитыми болѣе десяти тысячъ человекъ. Потеря союзниковъ не превышала 600 человекъ убитыми и 300 ранеными. Въ числѣ трофеевъ было: восемьдесятъ пушекъ и сто знаменъ; весь лагерь, обозъ и множество рогатаго скота достались побѣдителямъ. Взятіе Бѣлграда Лаудономъ и сдача Бендеръ и Акермана Князю Потемкину были слѣдствіемъ Рымникской битвы.

И здѣсь, какъ подъ Кинбурномъ, угрожало Суворову пораженіе: вечеромъ, 11 Сентября, Принцъ Кобургскій получилъ, съ курьеромъ, выговоръ отъ Князя Таврическаго *за то, что понтоны не были готовы* и, будучи Имперскимъ Княземъ, находясь въ службѣ Римскаго Императора, не считая себя подчиненнымъ Россійскому Фельдмаршалу, чрезвычайно оскорбился; сказалъ Суворову: «что еслибъ

«куррьеръ прѣхалъ по утру, то онъ не вступилъ бы «въ дѣло съ Турками (*).»

Екатерина наградила Суворова бриліантовыми знаками ордена Св. Андрея Первозваннаго; шпагою, украшенной бриліантами и лавровыми вѣнками, съ надписью: *Побѣдителю Верховнаго Визиря* и, вслѣдъ за тѣмъ, препроводила къ нему дипломъ на Графское достоинство Россійской Имперіи, съ наименованіемъ *Рымникскимъ*, также орденъ Св. Великомученика Георгія перваго класса (18 Окт.). Последняя награда чрезвычайно обрадовала героя. Онъ писалъ тогда къ дочери своей: «Слышала ли, *сестрица* (**), душа моя? Отъ моей щедрой Магущки (***)»: Рескриптъ на полуистъ, будто Александру Македонскому; знаки Св. Андрея тысячь въ пятьдесятъ, да выше всего, голубошка, первый классъ Св. Георгія. Вотъ каковъ твой папинека за «доброе сердце. Чуть, право, отъ радости не умеръ.» — Иосифъ возвелъ Суворова въ Графское достоинство Римской Имперіи (19 Окт.); пожаловалъ Принца Кобургскаго Генераль-Фельдмаршаломъ. Онъ получилъ отъ Екатерины одинакую шпагу съ Суворовымъ. Послѣ одержанной ими побѣды, Принцъ пришелъ въ палатку нашего Полководца, сопрово-

(*) См. *Побѣды Суворова*, ч. 3, стр. 32.

(**) *Сестрицею* называлъ Суворовъ дочь свою, подражая монастыркамъ. Въ началѣ письма именуеть онъ ее: *Comtesse de deux Empires*; Любезною *Наташею Суворочкою*.

(***) Императрицы.

ждаемый своимъ Штабомъ, и оба вождя бросились въ объятія другъ друга.

Австрійцы расположились въ Валахіи. Корпусъ Принца Кобургскаго увеличился до сорока тысячъ человекъ. Новый Визирь Юсуфъ Паша двинулъ сильную армію къ Рушуку (1790 г.). Суворовъ поспѣшилъ къ Букаресту. Въ это время скончался вѣрный союзникъ Россіи, Императоръ Іосифъ II, и Леопольдъ, постановивъ перемиріе съ Турціею, отозвалъ Принца въ Венгрію. Онъ изъявилъ въ письмѣ своемъ къ Суворову душевную скорбь; называлъ его *достоиннымъ, драгоценнымъ другомъ, несравненнымъ учителемъ*; увѣрялъ: *что не въ силахъ проститься съ нимъ лично*; просилъ *о продолженіи къ нему дружбы, которая одна улаживаетъ военную жизнь его*.

Между тѣмъ оружіе наше торжествовало въ Турціи: Контръ-Адмиралъ Рибасъ овладѣлъ Тульчею; братъ его вступилъ въ Исакчу, Гудовичъ въ Килю. Тогда Потемкинъ, въ глубокую осень, приказалъ Суворову *взять Измаиль во чтобы то ни стало*. За двадцать лѣтъ передъ тѣмъ эта крѣпость, имѣющая семь верстъ въ окружности; восемь бастіоновъ; валъ, вышиною въ три и четыре сажени; рвы отъ шести до семи саженей — сдалась на условіяхъ Репнину. Турки гордились, потомъ, два раза неудачною осадой Рускихъ. Въ 1790 году Измаиль, сильно укрѣпленный Французскими инженерами, почитаемый неприступнымъ Турціей и Европою, вмѣщалъ въ себя тридцати пяти тысячный гарнизонъ, который состоялъ большею частію изъ янычаръ, подъ предводительствомъ Сераскира Аудузлу

Паши, стараго война, отказавшагося отъ Визирскаго достоинства.

Армія Суворова простиралась только до 28,000 человекъ, изъ которыхъ около половины были казаки. Она расположилась полукружіемъ въ трехъ верстахъ отъ Измаила и занимала почти двадцать верстъ отъ одного берега Дуная до другаго: въ ней свирѣпствовали разныя болѣзни по причинѣ ненастной погоды; претерпѣвали недостатокъ въ фуражѣ. Холодъ увеличивался; Суворовъ приказалъ нарѣзать тростнику, чтобы солдаты могли грѣться у огня; приготовилъ лѣстницы и фашины; обучалъ ночью войска дѣйствовать ими; осматривалъ мѣстоположеніе; отражалъ вылазки; построилъ батареи въ сорока саженьяхъ отъ Измаила, желая обмануть Турокъ правильною осадой; велѣлъ стрѣлять въ крѣпость, откуда также отвѣчали жестокимъ огнемъ и начертилъ, между тѣмъ, планъ приступа. Контръ-Адмиралъ Рибасъ дѣйствовалъ со стороны Дуная: укрѣпилъ островъ, лежащій противъ Измаила, построилъ на немъ батареи, бросалъ бомбы въ крѣпость, сжегъ и потопилъ почти всю Турецкую флотилію.

7-го Декабря Суворовъ вступилъ въ сношенія съ Сераскиромъ; два раза убѣждалъ его сдать крѣпость. Гордый Аудузлу-Паша отвѣчалъ: «Скорѣе Дунай остановится въ теченіи своемъ и небо преклонится къ землѣ, нежели сдастся Измаилъ.» — Суворовъ въ третій разъ увѣдомилъ Сераскира: *что если въ тотъ же день не выставитъ онъ благо флага, то крѣпость будетъ взята приступомъ, а гарни-*

зона сдѣлается жертвою ожесточенныхъ воиновъ. Паша оставилъ отзывъ Главнокомандовавшаго безъ отвѣта.

Въ это время Князь Таврической, страшась помрачить неудачею славу оружія Рускаго, вдругъ отмѣнилъ данное приказаніе и совѣтовалъ Суворову: «не отваживаться на приступъ, если онъ не совершенно увѣренъ въ успѣхъ.» — «Мое намѣреніе непремѣнно» — отвѣчалъ Суворовъ: — *два раза было Россійское войско у воротъ Измаила — стыдно будетъ, если въ третій оно отступитъ не вошедши въ него.*» — Собранъ былъ военный совѣтъ: Бригадиръ Платовъ (прославившійся, потомъ, въ Отечественную войну) первый написалъ: *штурмовать.* Всѣ то же подтвердили. Суворовъ вбѣжалъ въ ставку, перецѣловалъ всѣхъ и сказалъ. «*Одинъ день Богу молиться; другой день учиться; въ третій день славная смерть или побѣда.*!»

Ночью съ 10 на 11 Декабря передъ приступомъ Суворовъ велѣлъ изрѣдка бомбардировать крѣпость, чтобы обмануть Турокъ недостаткомъ пороха и другихъ артиллерійскихъ снарядовъ: онъ не сомкнулъ въждей своихъ, сидѣлъ у огня съ нѣсколькими офицерами и ожидалъ сигнала. Въ пять часовъ утра, когда пущена была третья ракета, вдругъ шесть колоннъ, среди которыхъ находился Суворовъ, сухимъ путемъ, и три на судахъ двинулись къ Измаилу; первыми тремя или правымъ крыломъ коман-

(*) См. *Рускую Исторію* С. Н. Глинки, напеч. 1818 г., ч. 8, стр. 179.

довалъ Генераль-Поручикъ Потемкинъ, двоюродный братъ Фельдмаршала; лѣвымъ роднымъ племянникъ Князя Таврическаго Генераль-Поручикъ Самойловъ. Подъ начальствомъ послѣдняго находился Голенищевъ-Кутузовъ (*). Онъ предводительствовалъ шестою колонною. Конница расположилась въ одной верстѣ, подъ пушками крѣпости; козаки, назначенные для приступа, спѣшились, укоротили свои пики.

Темнота и туманъ продолжались до девяти часовъ утра. Лишь только Русскіе подошли на четыреста шаговъ, Турки открыли сильный картечный огонь, причинившій большое опустошеніе въ рядахъ нашихъ. Секундъ-Маіоръ Неклюдовъ, вызвавшійся съ егерями въ охотники, первый бросился въ ровъ, наполненный водою и изъ глубины онаго, безъ лѣстницъ, съ помощію только копій и штыковъ, взобрался на валъ подъ пушки непріятельскія; приказалъ егерямъ, къ ободренію товарищей, стоявшихъ у рва, выстрѣлить въ промежутки Турецкой батареи; вскочилъ, потомъ, на бастіонъ, овладѣлъ оружіями и тяжело раненъ (**). Генераль-Маіоръ Лас-

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Князя Голенищева-Кутузова-Смоленскаго.

(**) Неклюдовъ цѣлый годъ страдалъ отъ ранъ и Суворовъ, считая его умершимъ, не представилъ о немъ. Въ 1792 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Екатерина наградила героя Измаильскаго военнымъ орденомъ Св. Георгія 4 класса, произвела его изъ Секундъ-Маіо-

си, начальствовавший второю колонною, прежде всѣхъ изошелъ на валъ въ шесть часовъ: первая колонна, подъ командою Генераль-Маіора Львова и третья, предводимая Генераль-Маіоромъ Мекнобомъ, должны были его подкрѣпить; но нѣсколько опоздали. Львовъ и Мекнобъ были тяжело ранены; Ласси, слегка, въ руку и, продолжая нападеніе, захватилъ многія батареи за Хотинскими воротами. Между тѣмъ, лѣвое крыло дѣйствовало съ одинакимъ мужествомъ: Генераль-Маіоръ Голенищевъ - Кутузовъ, преодолевъ сильный картечный и ружейный огонь, овладѣлъ бастиономъ; но въ первое мгновеніе удержанъ былъ многочисленными толпами непріятелей, которые сильною вылазкой остановили четвертую и пятую колонны. Ими предводительствовалъ Безбородко, братъ знаменитаго Канцлера, получившій тогда тяжелую рану. Суворовъ наблюдалъ каждый шагъ подчиненныхъ ему вождей, немедленно велѣлъ поздравить Кутузова *Комендантомъ Измаила* и прибавилъ, что онъ уже отправилъ нарочнаго съ вѣстію о покореніи крѣпости. Усиливъ свои войска Херсонскимъ полкомъ, Кутузовъ возобновилъ отчаянную битву, опрокинулъ янычаръ и довершилъ побѣду штыками. Турки старались взорвать пороховые магазины, на-

ровъ въ Подполковники и пожаловала ему двѣсти крестьянъ. Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ произвелъ престарѣлаго воина изъ отставнаго Полковника въ Генераль-Маіоры и Высочайше повелѣлъ ему состоять по кавалеріи. Неключовъ скончался въ 1839 году.

ходившіеся подъ валомъ каждаго бастіона и устремилісь на лагерь осаждающихъ, но были отражены Рускими съ значительной потерей. Въ восемь часовъ Суворовъ овладѣлъ крѣпостными укрѣпленіями съ сухаго пути и съ рѣки; началось сраженіе во внутренности города: Турки въ узкихъ улицахъ стрѣляли изъ оконъ, оборонялись съ ожесточеніемъ; между ними было множество женщинъ, вооруженныхъ кинжалами. Рускіе вошли въ Измаилъ четырьмя воротами. Сераскиръ долго защищался въ каменномъ строеніи и, потомъ, палъ героемъ. Въ четыре часа по полудни крѣпость была совершенно завоевана. Въ числѣ девяти тысячъ плѣнныхъ, положившихъ оружіе (изъ которыхъ двѣ тысячи умерли отъ ранъ въ тотъ же день), находились: трехъ-бунчужный Паша Мустафа, одинъ Султанъ, сынъ Сераскирова, Капиджи Баша и множество Бимъ Башей; болѣе четырехъ тысячъ Христіанъ и сто тридцать пять Евреевъ, жительствовавшихъ въ Измаилъ, прибѣгнули къ покровительству Суворова. Во время штурма погибло до 26,000 Турокъ и Татаръ; въ числѣ трофеевъ находились: 245 пушекъ и мортиръ, 364 знамени, семь бунчуговъ, два санджака, множество пороху и другихъ военныхъ снарядовъ, полныя магазины съестныхъ припасовъ для людей и лошадей. Солдатамъ позволено было грабить, согласно данному обѣщанію, три дни сряду: они получили въ добычу болѣе милліона рублей и множество прекрасныхъ Турчанокъ. Нашихъ убито на приступъ 1880 человекъ; ранено: три Генераль-Маіора, около 200 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и 244 рядовыхъ.

«Гордый Измаилъ палъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества» — донесъ Государынь Суворовъ и, въ то же самое время, написалъ къ Фельдмаршалу: *«Россійскія знамена на стѣнахъ Измаила!»*

Тогда Князь Таврической имѣлъ пребываніе въ Яссахъ, гдѣ, среди блеска и пышности окружавшихъ его, предавался внутренней скорби, страшился пережить свое значеніе. Онъ пригласилъ къ себѣ покорителя Измаила; желалъ сдѣлать ему почетную встрѣчу; велѣлъ разставить по дорогѣ нарочныхъ сигнальщиковъ и поручилъ любимцу своему, Боуру, доложить лишь только Генераль-Аншефъ будетъ подъѣзжать къ городу. Суворовъ нарочно пріѣхалъ въ Яссы ночью и на другой день отправился къ Фельдмаршалу въ длинной Молдавской повозкѣ, заложеной парю лошадей въ шорахъ, съ кучеромъ и лакеемъ, одѣтыми въ широкихъ платьяхъ. Проницательный Боуръ, не смотря на странный экипажъ, узналъ Суворова, когда онъ въѣхалъ въ ворота Княжескаго дворца и поспѣшилъ увѣдомить Фельдмаршала. Немедленно Потемкинъ вышелъ на парадное крыльцо, но не успѣлъ сойти съ трехъ ступеней, какъ увидѣлъ передъ собой Суворова, обнялъ его и произнесъ: *«Чѣмъ могу я васъ наградить за ваши заслуги?»* — *Ничъ, Ваша Святлость* — отвѣчалъ поспѣшно Суворовъ — *я не купецъ и не пріѣхалъ съ вами торговаться. Меня наградить, кромѣ Бога и Всемилостивѣйшей Государыни, никто не можетъ.* — Потемкинъ перемѣнился въ лицѣ, замолчалъ и пошелъ въ залу. Тамъ Суворовъ подалъ ему рапортъ. Фельдмаршалъ принялъ его съ примѣтной холодно-

стію и они, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ залѣ, разстались не говоря ни слова (*).

Суворовъ явился въ Петербургъ въ началѣ 1791 года. Императрица велѣла спросить его: «гдѣ же-лаетъ онъ быть Намѣстникомъ?» — *Я знаю* — отвѣчалъ безсмертный Полководецъ — *что Матушка-Царица слишкомъ любитъ Своихъ подданныхъ, чтобы мною наказать какую-либо провинцію. Я размѣрю силы съ бременемъ, какое могу поднять. Для другаго не въ могому Фельдмаршальскій мундиръ (**).*» — Но Потемкинъ, оскорбленный Суворовымъ, воспрепятствовалъ ему получить тогда Военачальническій жезлъ: онъ былъ награжденъ званіемъ Подполковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и, въ память знаменитаго его подвига, выбита медаль.

Присутствіе Суворова тяготило гордаго Вельможу, который приготавлиалъ въ Таврическомъ дворцѣ своемъ волшебный праздникъ для Екатерины по случаю взятія Измаила, и намѣревался представить ей пльнныхъ Пашей. 26 Апрѣля Суворовъ отправленъ въ Финляндію съ порученіемъ укрѣпить границу (**); 28 числа жители Невы стеклись во множествѣ въ великолѣпные чертоги исполина тѣхъ временъ, который не воображалъ праздновать тогда скорый переходъ свой въ вѣчность.

Удаленный въ каменистую Финляндію, Суворовъ трудился для пользы и безопасности Отечества и

(*) См. *Анекдоты Суворова*, стр. 162 — 164.

(**) См. *Анекдоты Суворова*, стр. 52.

(***) См. *Записки Храповицкаго*, изд. Г. Свиньинимъ.

называлъ занятія свои *бездѣйствіемъ* въ сравненіи съ прежнею службой. Между тѣмъ Кутузовъ разбилъ Турокъ при Бабадѣ; Князь Репнинъ одержалъ знаменитую побѣду при Мачинѣ; Потемкинъ сошелъ во гробъ; Безбородко подписалъ славный миръ съ Портою Оттоманской и вслѣдъ за тѣмъ Суворовъ назначенъ начальникомъ надъ войсками въ Екатеринославской губерніи, въ Крыму и въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ, до устья рѣки Днѣстра (1792 г.); избралъ главною квартирою Херсонъ, гдѣ покойся Князь Таврическій; получилъ тамъ (въ Сент. 1793 г.) слѣдующій рескриптъ отъ Императрицы:

«Графъ Александръ Васильевич! День празднованія мира напоминаетъ Намъ знаменитыя заслуги и дѣла, коими вы отличились. Всемилостивѣйше жалуемъ вамъ похвальную грамоту, за собственноручнымъ Нашимъ подписаніемъ, съ означеніемъ всѣхъ ревностныхъ и мужественныхъ подвиговъ, произведенныхъ вами въ продолженіи славнаго и долговременнаго вашего служенія. Во свидѣтельство Высочайшей довѣренности къ вашему знанію и вашей справедливости, ввѣряемъ вамъ орденъ Св. Георгія третьей степени: возложите оный на того, кого почитаете достойнѣйшимъ изъ отличившихся въ военномъ званіи. Въ знакъ же Монаршаго благоволенія препровождаемъ вамъ эполетъ и перстень бриліантовые (*).»

Суворовъ занимался укрѣпленіемъ приморскихъ мѣстъ Тавриды, между тѣмъ, какъ неурядица въ

(*) Объ эти вещи были оцѣнены въ шестьдесятъ тысячъ рублей.

Польшу и мятежный духъ жителей открывалъ ему новый путь къ славѣ. Служившій подъ знаменами Вашингтона, Костюшко, призванный соотечественниками изъ Германіи, принялъ главное начальство, поклялся защищать мнимую независимость или погибнуть. Краковъ, Варшава и Вильно возстали на Рускихъ воиновъ; Генералъ Ферзенъ отступилъ къ Прусскимъ границамъ и, потомъ двинулся къ Варшавѣ съ вспомогательнымъ войскомъ, предводимымъ Королемъ Вильгельмомъ III. Костюшко успѣлъ перехватить паркъ осадной Прусской артиллеріи; вспыхнулъ мятежъ въ областяхъ приобретенныхъ Пруссіей отъ Польши; союзники отделились отъ Ферзена. Въ это время Екатерина ввѣрила войска свои побѣдителю при Сталовичахъ. «Я посылаю въ Польшу двѣ арміи — сказала Она приближеннымъ: — «одну армію, а другую — Суворова.»

Садясь въ кибитку, Суворовъ сказалъ сестрѣ знаменитаго нашего Адмирала Круза (*), которой мужъ,

(*) Александръ Ивановичъ Крузъ, участвовавшій (1769 г.) подъ предводительствомъ Адмирала Спиридова въ славномъ истребленіи Турецкаго флота, обезсмертилъ, потому, имя свое во время Шведской войны въ 1790 году: сразился (23 и 24 Мая) съ Герцогомъ Зюдерманландскимъ, не смотря на превосходное число кораблей непріятельскихъ; заставилъ его ретироваться; награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго; командовалъ авангардомъ Адмирала Чичагова при разбитіи Шведовъ 22 Іюня: выдержалъ сильный огонь отъ всего флота ихъ, проходившаго мимо его, *храбро и мужественно* — по словамъ Главнокомандова-

Капитанъ перваго ранга Вальронтъ, былъ вѣчно разжалованъ въ матрозы: «*Молись Богу: Онъ услышитъ молитву твою*» — и полетѣлъ въ армію (1794 г.). Благоразумными распоряженіями его, Польскія войска были обезоружены на разныхъ пунктахъ, между тѣмъ, какъ наши сосредоточивались въ одинъ, около Варковичъ. Суворовъ, во время похода, вѣхалъ верхомъ, чтобы нодать собою примѣръ офицерамъ: сдѣлавъ въ три недѣли 560 верстъ, овладѣлъ въ Кобринѣ магазиномъ; разбилъ при Крупчицѣ (6 Сент.) семнадцатитысячный корпусъ Сераковского; положилъ на мѣстѣ до трехъ тысячъ человекъ; обратилъ его въ бѣгство; сразился во второй разъ съ нимъ и Косинскимъ (8 Сентября) при Бржець; овладѣлъ всею ихъ артиллеріей, состоявшею изъ 28 орудій; донесъ Задунайскому: «*Корпусъ Сераковского кончилъ!*» — награжденъ бриліантовою петлицею на шляпу и тремя пушками. Между тѣмъ Ферзенъ поразилъ при Мачевичахъ (28 Сентября) Костюшко; взялъ его въ плѣнъ и присоединился, 14 Октября, въ Станиславовъ къ Суворову съ десяти тысячнымъ корпусомъ (*). Тогда войска послѣдняго увеличились

шаго — поражаель неприятелл; награжденъ орденъ Св. Георгія втораго класса, а въ день мирнаго торжества шпагою, украшенной алмазами. Онъ получилъ въ послѣдствіи орденъ Св. Андрея Первозваннаго отъ Императора Павла I, будучи главнымъ Командиромъ Кронштадтскаго флота; скончался въ 1798 году, на 72 отъ рожденія.

(*) Баронъ, а потомъ Графъ, Иванъ Евстафьевичъ Ферзенъ, содѣйствовавшій Суворову во взятіи приступомъ

до семнадцати тысячъ; съ которыми онъ пошелъ къ Варшавѣ и на другой день (15 Окт.) развѣлъ при Кобылкѣ пятитысячный отрядъ непріятельскій, взялъ девять пушекъ, 400 человекъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ одного Генерала и 30 Штабъ и Оберъ-офицеровъ; овладѣлъ обозомъ.

Вскорѣ Суворовъ подступилъ къ Прагѣ, защищаемой 30,000 лучшихъ Польскихъ войскъ и 104 пушками. Отличаясь быстротой и внезапностію, героемъ осмотрѣлъ укрѣпленія, начертилъ планъ атаки, раздѣлилъ войска свои на семь колоннъ и назначилъ день приступа 24 Октября. Въ пять часовъ утра была пущена ракета: колонны двинулись не смотря на сильный крестообразный огонь съ разныхъ батарей; по сбитіи переднихъ ретраншаментовъ, Польскія войска, построясь въ боевой порядокъ передъ вторымъ и третьимъ окопами, защищались отчаянно; но мужество ихъ и сильный взрывъ магазина съ порохомъ и бомбами, не остановили безстрашныхъ воиновъ Суворова: въ три часа Прага взята въ виду столицы Польши, полагавшей на нее всю надежду. Четыре Генерала: Ясинскій, Корсакъ, Жващевскій и Грабовскій съ 13,540 воинами погреблись

Праги, принудилъ (18 Ноября) въ Радочинѣ Главнокомандовавшаго Польскаго Вавржецкаго положить оружіе; награжденъ военнымъ орденомъ Св. Георгія второго класса; пожалованъ Императоромъ Павломъ I Директоромъ Кадетскаго Корпуса, Генераломъ отъ инфантеріи (1798 г.); отставленъ съ мундиромъ и въ скоромъ времени скончался.

подъ развалинами крѣпости; въ числѣ плѣнныхъ были: три Генерала, 29 Штабъ-Офицеровъ, 413 офицеровъ и 14,000 рядовыхъ; до двухъ тысячъ потонуло въ Вислѣ и не болѣе тысячи человекъ спаслось въ Варшаву; 104 пушки, множество знаменъ и орудій разнаго рода достались побѣдителямъ. Съ нашей стороны убито 580 человекъ; ранено 960. На приступъ было 22,000 человекъ, въ томъ числѣ 7000 человекъ конницы. Суворовъ приказалъ разбить на окопахъ палатку и отдыхалъ въ ней на соломѣ!

На другой день явились депутаты изъ Варшавы. Щадя кровь человѣческую и желая побѣдить Поляковъ ужасами войны, Суворовъ не велѣлъ хоронить убитыхъ, далъ приказаніе, чтобы войска находились въ готовности. Депутаты проходили въ ставку Рускаго военачальника по грудамъ тѣлъ, среди грознаго вооруженія и дымившихся развалинъ. Суворовъ вышелъ къ нимъ въ курткѣ, безъ орденовъ, въ каскѣ, съ саблею; сбросилъ послѣднюю, произнесъ: *миръ, тишина и спокойствіе!* — и съ этими словами обнялъ представителей народа, цѣловавшихъ его колѣна. Графъ Потоцкій, присланный отъ Короля, желалъ вступить въ переговоры о мирѣ; но Суворовъ отвѣчалъ: *«съ Польшею у насъ нѣтъ войны; я не министръ, а военачальникъ: сокрушаю толпы мятежниковъ и желаю мира и покоя благонамьреннымъ.»* — 28 Октября прибыли прежніе Депутаты съ предоставленіемъ жребія Варшавы великодушію Екатерины и добродѣтелямъ побѣдителя. Король убѣждалъ Суворова немедленно вступить въ

столицу. Онъ имѣлъ торжественный въездъ 29 числа, предшествовалъ войскамъ верхомъ, въ простомъ мундирѣ, безъ знаковъ отличій. На берегу Вислы встрѣтилъ его Магистратъ, поднесшій *хлѣбъ-соль* и ключи городскіе. Суворовъ поцѣловалъ ихъ и, воздѣвъ руки къ небу, произнесъ. «*Боже! благодарю Тебя, что эти ключи не такъ дорого достались, какъ*» Здѣсь слезы прервали рѣчь чело­вѣко­любиваго героя, который обратилъ горестный взоръ на развалины Праги. Громкія восклицанія: *да здравствуетъ Екатерина! да здравствуетъ Суворовъ!* — сливались съ радостнымъ *ура* нашихъ воиновъ. 1376 Рускихъ плѣнныхъ, 500 Пруссаковъ и 80 Австрійцевъ, обреченныхъ на смерть, томившихся въ оковахъ, получили свободу.

Донеся Императрицѣ о новыхъ завоеваніяхъ тремя словами: *Ура! Варшава наша!* — Суворовъ, среди полного торжества, вспомнилъ о Херсонскомъ изгнанникѣ. «*Знаю — писалъ онъ въ Петербургъ — что Матушка-Царица меня наградитъ; но величайшая для меня награда — помилованіе Вальронта.*»

Екатерина отвѣчала побѣдителю (19 Ноября) также тремя словами: «*Ура! Фельдмаршалъ Суворовъ!*» — и, вслѣдъ за тѣмъ, удостоила его слѣдующимъ рескриптомъ: «*Вы знаете, что Я не произвожу никого чрезъ очередь, и никогда не дѣлаю обиды старшимъ; но вы, завоевавъ Польшу, сами себя сдѣлали Фельдмаршаломъ;*» — пожаловала ему военачальнической жезлъ, осыпанный бриліантами; семь тысячъ крестьянъ около Кобрина и возвратила чинъ Капитана перваго ранга Вальронту. Императоръ

Францъ прислалъ Суворову портретъ свой, украшенный брилліантами; Король Прусскій: ордена Чернаго и Краснаго Орловъ.

Въ Варшавѣ Станиславъ просилъ Суворова возвратить шпагу одному плѣнному офицеру: онъ освободилъ, вмѣстѣ съ нимъ, пятьсотъ человѣкъ; смѣялся, потомъ, надъ сдѣланнымъ подаркомъ Королю.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ единственный, Суворовъ праздновалъ полученіе Фельдмаршальскаго достоинства слѣдующимъ образомъ: приказалъ поставить въ походной церкви нѣсколько стульевъ соответственно числу лицъ, которыхъ онъ обошелъ; потомъ явился въ палатку въ камзолѣ; началъ перепрыгивать черезъ стулья, именуя, по одиночкѣ, старшихъ Генераль-Аншефовъ: двухъ Самтыковыхъ (1773 г.); Репнина (1774); Долгорукаго (1774); Эльмта (1780); Прозоровскаго (1782); Мусина-Пушкина (1782); Каменскаго (1784); Каховскаго (1784 г.) (*) и, послѣ, надѣлъ Фельдмаршальскій мундиръ, всѣ свои орденъ, принялъ поднесенный ему жезлъ, велѣлъ служить благодарственный молебенъ, вышелъ къ войску! Тогда въ Россіи были только три Генераль-Фельдмаршала: Разумовскій, Задунайскій и Рымникскій.

Онъ пробылъ цѣлый годъ въ Варшавѣ; осенью дѣлалъ смотръ полкамъ, занималъ ихъ маневрами;

(*) Всѣ они, кромѣ Князя Юрія Владиміровича Долгорукаго и Графа Каховскаго, были, потомъ, Генераль-Фельдмаршалами.

въ Ноябрь (1795 г.) приглашенъ былъ въ Петербургъ. Въ провоздъ Суворова чрезъ Литву и Лифляндію, крестьяне выходили толпами на дорогу, чтобы его видѣть. Императрица выслала ему на встречу карету; но Фельдмаршалъ въѣхалъ въ столицу ночью и на другой день палъ къ стопамъ Екатерины. Она приказала ему имѣть пребываніе въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ четыре года передъ тѣмъ всѣ поклонялись Потемкину.

Три мѣсяца Фельдмаршалъ задержанъ былъ въ Петербургѣ, откуда отправился для осмотра пограничныхъ крѣпостей со стороны Швеціи и, вслѣдъ за тѣмъ, назначенъ Главнокомандующимъ восьмидесятитысячной арміи, расположенной въ губерніяхъ: Брацлавской, Вознесенской, Харьковской и Екатеринославской (1796 г.).

Вскорѣ Императрица переселилась въ вѣчность, 6 Ноября, къ неописанной горести Россіянь, тридцать четыре года блаженствовавшихъ подъ Ея Скипетромъ. Фельдмаршалъ неутѣшно оплакивалъ невозвратную потерю. *«Безъ Матушки-Царицы — говорилъ онъ со слезами — не видать бы мнѣ Кинбурна, Рымника, Измаила и Варшавы!»*

По военной части послѣдовали разныя перемѣны. Суворовъ наименованъ Предводителемъ Екатеринославской дивизіи и получилъ маленькія палочки для мѣры косъ и буклей солдатскихъ. Не терпя нововведеній, онъ сказалъ: *«пудра не порошъ, букли не пушки, коса не тесакъ, я не Нѣмецъ, а природный*

«*Русакъ (*)*».—Слова эти, обратившіяся въ поговорку, перелетѣли въ столицу въ то самое время, какъ Фельдмаршалъ наложилъ въ письмѣ къ Императору: *что онъ скучаетъ своимъ бездѣльемъ*. Тогда послѣдовало Именное повелѣніе (6 Февр. 1797 г.): «за сдѣланный отзывъ Фельдмаршаломъ Графомъ Суворовымъ Его Императорскому Величеству, *что такъ какъ войны нѣтъ, ему дѣлать нечего* — онъ отставляется отъ службы (**).»

Суворовъ, оставляя дивизію, собралъ полки; велѣлъ сдѣлать передъ фрунтомъ пирамиду изъ литавръ и барабановъ; вышелъ въ простомъ гренадерскомъ мундирѣ, но во всѣхъ орденахъ; приветствовалъ солдатъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ: «*Прощайте, ребята! друзья! чудобогатыри* — сказалъ онъ имъ — *«Молитесь Богу; мы дрались со славою и будемъ опять вмѣстѣ!»* — потомъ снялъ съ себя знаки отличія, положилъ ихъ на пирамиду въ видѣ трофеевъ и произнесъ: *«Настанетъ время когда Суворовъ снова явится среди васъ, и возметъ назадъ то, что теперь оставляетъ вамъ.»* — Мужественные воины не могли удержаться отъ слезъ, расстались съ Главнокомандовавшимъ, какъ съ отцомъ своимъ.

Онъ избралъ пребываніемъ Москву, гдѣ имѣлъ небольшой домъ; но Частный Маіоръ объявилъ Фельд-

(*) См. *Побѣды Князя Италійскаго*, издан. въ Москвѣ 1810 года, ч. 6, стр. 145.

(**) Изъ Московскихъ современныхъ Ведомостей.

маршалу приказаніе отправиться съ нимъ въ деревню, по случаю скорого прибытія Императора въ столицу. «*Сколько назначено мнѣ времени — спросилъ хладнокровно Суворовъ Полицейскаго чиновника — для приведенія въ порядокъ дѣлъ?*» — «*Четыре часа*» — отвѣчалъ Маіоръ. — «*О! слишкомъ много милости — продолжалъ Фельдмаршалъ; — для Суворова довольно одного часа.*» — Дорожная карета ожидала его у крыльца. «*Суворовъ, пѣдущій въ ссылку — сказалъ онъ — не имѣетъ надобности въ каретѣ; можетъ отправиться туда въ томъ экипажѣ, въ какомъ ѣздилъ ко Двору Екатерины или въ армію.*» — Подвезли кибитку и Маіоръ принужденъ былъ проѣхать въ ней пятьсотъ верстъ съ Фельдмаршаломъ (*).

Удаленный въ село свое Кончанское (Новгородской губерніи, Боровичскаго уѣзда), побѣдитель Турціи и Польши проводилъ въ бѣдной хижинѣ остатокъ знаменитыхъ дней: звонилъ въ колокола; пѣлъ на клиросѣ; читалъ въ церкви Апостолъ; примирялъ семейства; соединялъ юныя четы брачными узами; восхищался счастіемъ крестьянъ своихъ; писалъ свои замѣтки и съ немногими особами, которыя посѣщали его, любилъ бесѣдовать о дѣлахъ Европы; смотря на ландкарту, восклицалъ: «*О! далеко шагаетъ мальчишка! пора унять его (**)*!» Такъ говорилъ Суворовъ о Бонапарте.

(*) См. *Побѣды Князя Италійскаго*, ч. 6, стр. 147 и 148.

(**) См. *Исторію Рос. Австр. кампаніи*, изд. Фуксомъ, ч. 1, стр. 1 и 2.

Протекло нѣсколько времени и къ опальному явился курьеръ съ рескриптомъ отъ Императора. Суворовъ былъ тогда въ банѣ, куда велѣлъ придти посланному. На пакетъ было написано большими буквами: *Генераль-Фельдмаршалу Графу Суворову-Рымникскому.* — «*Это не ко мнѣ* — сказалъ хладнокровно старый герой, прочитавъ надпись: — «*Фельд-маршалъ при войскѣ, я въ деревнѣ.*» — Изумленный курьеръ тщетно увѣрялъ его, что присланъ къ нему, а не къ другому; — Суворовъ рѣшительно отказался отъ рескрипта и нарочный, пропотѣвъ довольно долго въ банѣ, отправился обратно въ Петербургъ съ чѣмъ пріѣхалъ. Государь не обнаружилъ досады своей, но съ того времени надзоръ за изгнанникомъ усилилъ (*).

Лишась надежды быть полезнымъ Отечеству, Суворовъ обратился къ Императору съ просьбой: *дозволить ему удалиться въ Нилову пустынь (**).* — «Я намѣренъ — писалъ онъ — «окончить тамъ краткіе дни въ службѣ Богу. Неумышленности про-«сти, милосердый Государь!» — Отвѣта не было: его ожидалъ лучшій жребій!

(*) См. *Побѣды Князя Италійскаго*, ч. 6, стр. 149 и 150 и *Сочиненія Фукса*, изд. 1827, стр. 88.

(**) Пустынь эта находится въ Новгородской губерніи, въ 25 верстахъ отъ города Бѣлозерска, при рѣчкѣ Сорѣ: монахи подвергнуты основателемъ оной Преподобнымъ Ниломъ строгимъ отшельническимъ правиламъ, а потому она называлась *Скитомъ*.

Еще въ Государствованіе Екатерины II, Суворовъ желалъ *идти противъ Французовъ* (*), но Императрица медлила явною войной. Между тѣмъ оружіе республики торжествовало въ Европѣ, ниспровергало алтари и престолы. Обитая подъ соломенной крышею, знаменитый Полководецъ начертилъ (1798 г.) средства остановить и отразить властолюбцевъ:

«Австрійцы и Рускіе — писалъ онъ — будутъ дѣйствовать противъ Франціи каждые со ста тысячами.

«1. Ничего, кромѣ наступательнаго.

«2. Быстрота въ походахъ, натискъ въ нападеніяхъ, холодное ружье.

«3. Не нужна методика; глазомеръ.

«4. Полная мочь Главнокомандующему.

«5. Нападать и бить непріятеля въ полѣ.

«6. Не терять время въ осадахъ, развѣ Маинцъ, «какъ пунктъ для депо. Иногда обсервационнымъ корпусомъ предпринять блокаду. Брать крѣпости «приступомъ или штурмомъ; менѣе теряешь.

«7. Никогда не раздѣлять силъ, дабы стеречь «разные пункты. Если непріятель ихъ перейдетъ, «тѣмъ лучше: онъ приблизится, чтобы его разбить.

«8. Такимъ образомъ нуженъ только обсервационный корпусъ на Страсбургъ; еще одинъ летучій «къ Луксенбургу. Идти далѣе, сражаясь, не остано-

(*) Собственныя слова его: «Матушка! — писалъ онъ къ Государинѣ, по вступленіи въ Варшаву — «веля идти «противъ Французовъ.»

«вливаясь, прямо до Парижа, какъ главный пунктъ, «не останавливаясь въ Ландау; развѣ, чтобы наблю- «дать оный, а не для ретирадъ, о которыхъ никогда «не должно мыслить, но для транспортовъ, и нико- «гда не заниматься пустыми маневрами, контр-мар- «шами, или такъ называемыми военными хитростями, «которыя годны только для бѣдныхъ Академиковъ.

«9. Италия, Нидерланды послѣдуютъ легко въ «Парижъ. Король Сардинскій соединится. Въ Ита- «ліи есть еще довольно пылкихъ головъ, а осталь- «ныя вступятся за общее благо.

«Король Неаполитанскій возродится. Англичане «очистятъ Средиземное море. Не мѣшкать. Ложная «осторожность и зависть, — Головы *Медузины* въ «Кабинетъ и Министерствъ. Суворовъ и Кобургскій «родятся какъ юный Малбругъ.»

Канцлеръ Князь Безбородко и союзныя державы отдали справедливость безсмертнымъ дарованіямъ Суворова; но планъ его оставленъ безъ исполненія (*). Пользуясь бездѣйствіемъ сильнѣйшихъ государствъ Европы, республика Французская продолжала свои завоеванія, угрожала Австріи. Принцъ Оранскій, назначенный Вѣнскимъ Дворомъ предводителемъ войскъ въ Италиі, скончался; Баронъ Меласъ заступилъ его мѣсто. Императоръ Павелъ I, не желая пріобрѣтеній, но имѣя въ виду безопасность Европы и полагая, что другіе Монархи послѣдуютъ Его великодушному примѣру, двинулъ

(*) См. *Жизнь Суворова*, изд. С. Н. Глинкою, стр. 120

(1799 г.) въ Австрійскія наслѣдственныя владѣнія вспомогательный корпусъ подъ начальствомъ Генерала отъ инфантеріи Розенберга. Французскою арміей, долженствовавшею дѣйствовать въ Германіи, предводительствовалъ Журданъ: ему были подчинены Массена и Бернадотъ. Эрцгерцогъ Карлъ вступилъ въ Швабію: въ это время Австрія и Англія обратились къ Императору Павлу I-му съ просьбою ввѣрить начальство надъ союзными войсками Суворову. — *«Вотъ, Рускіе на все пригожаются»* — сказалъ Государь Графу Растопчину, управлявшему тогда иностранными дѣлами и, взявъ перо, написалъ слѣдующій лестный рескриптъ, исполненный краснорѣчія и высокихъ чувствъ:

«Графъ Александръ Васильевичъ! Теперь намъ не время расчитываться. Виноватаго Богъ проститъ. Римской Императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда и не отнимайте у славы вашей время, у Меня удовольствія васъ видѣть. Пребываю вамъ доброжелательнымъ Плевель.»

Облобызавъ рескриптъ, Суворовъ прижалъ его къ ранамъ своимъ, немедленно отслужилъ молебенъ въ сельской церкви и, готовясь къ неимовѣрнымъ подвигамъ, продолжалъ отличать оригинальностію, отдавъ слѣдующій приказъ старостѣ: *«Часъ собираться, другой отправляться. Поѣздка съ четырьмя товарищами; я въ повозкѣ, они въ саняхъ. Лошадей осмнадцать, а не двадцать четыре. Взять денегъ на*

«дорогу дельсти пятьдесятъ рублей. Егорки бѣжать
къ старостѣ Фомиль и сказать, чтобъ такую сумку
«пошлешь, потому, что я поду не на шутку. Да лажь
«вмужилъ за дѣлца, пль басомъ, а теперъ пожду
«пль Марсомъ.»

Въ Петербургѣ Суворовъ повергнулся 18 Февра-
ля (1799 г.) къ стопамъ Императора. Поднявъ пре-
старялаго героя, Павелъ I возложилъ на него боль-
шой крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго. «Гослади!
«Спаси Царя!» — воскликнулъ тогда Фельдмар-
шалъ. — «Тебѣ спасать Царей!» — отвѣчалъ Импе-
раторъ. — «Св Тобю, Государь, — возразилъ Суво-
ровъ — «возможно.»

Пользуясь благоволеніемъ Царскимъ, безсмертный
Полководецъ, который *теропидся дѣлать добро* (*),
исходатайствовалъ прощеніе сосланному въ Сибирь
Капитану лейбъ-гренадерскаго полка Синицкому, воз-
вратилъ его несчастной матери, сгоронившей шест-
надцать взрослыхъ дѣтей и остававшейся безъ вся-
кой подпоры. — Императоръ, согласно желанію Су-
ворова, не велѣлъ объявлять въ приказахъ о вторич-
номъ принятіи его въ службу.

Завистники утверждали, что побѣдитель неуст-
роекныхъ войскъ Турецкихъ и Польскихъ, утратить
всю свою славу передъ искусными вождами Фран-
ціи. Нелѣпные отзывы доходили до Суворова : онъ
отомстилъ тайнымъ врагамъ — дѣлами.

Съ молитвой отправился герой на новое поприще,
долженствовавшее передать дѣла его позднѣйшему

(*) Собственное выраженіе Суворова.

потомству. Въ Митавѣ посѣтилъ онъ Лудовика XVIII. — *«Тотъ день почти счастливейшимъ въ моей жизни — сказалъ ему Суворовъ — «когда пролью послѣднюю каплю крови, способствуя вамъ взойти на престолъ знаменитыхъ вашихъ праотцевъ.»* — «Я уже не несчастливъ — отвѣчалъ Лудовикъ — «ибо судьба отечества моего зависитъ отъ Суворова.»

Въ Вѣну Суворовъ вѣхалъ поздно вечеромъ, 15 Марта, и остановился въ домъ нашего Посла. Зная, что Фельдмаршалъ былъ врагъ роскоши, Графъ Разумовскій приготовилъ для него комнаты безъ зеркалъ, картинъ, драгоценной мебели и бронзы; велѣлъ, вмѣсто кровати, разложить сѣно: на немъ опочилъ будущій освободитель Италіи.

Въ слѣдующее утро, народъ обширной столицы Австрійской окружилъ домъ Графа Разумовскаго, бѣжалъ за каретою, въ которой вѣхалъ Фельдмаршалъ во дворецъ. Вездѣ раздавались восклицанія: *да здравствуетъ Суворовъ!* — на которыя Руской Полководецъ отвѣчалъ: *да здравствуетъ Императоръ Францъ II!* У оконъ, даже на крышахъ тѣснились зрители. Императоръ принялъ Суворова съ отличнымъ уваженіемъ; возвелъ его на степень Римско-Императорскаго Фельдмаршала; назначилъ жалованья въ годъ двадцать четыре тысячи флориновъ и восемь тысячъ на путевыя издержки. Въ этомъ новомъ званіи, Суворовъ торжественно присягалъ въ церкви Св. Марка.

Рускія вспомогательныя войска вступили въ Вѣну. Трогательно было свиданіе съ ними Фельдмаршала въ Шенбрунѣ. Полководецъ привѣтствовалъ

героевъ Кинбурна, Фокшанъ, Рымника, Измаила и Праги,^{*)} послѣ горестной, долговременной разлуки, словами: *«Здравствуйте чудобогатыри, любезнѣйшіе друзья мои»* — и слезы показались на мужественныхъ лицахъ воиновъ.

Зная медленныя дѣйствія *Гофкригсрата* (*) и сильное вліяніе на дѣла онаго Барона Тугута, Суворовъ испросилъ позволеніе относиться во всемъ непосредственно къ самому Императору. Тугуть, желавшій исторгнуть у него тайну военныхъ предположеній, получилъ свитокъ бѣлой бумаги: *«вотъ мои планы!»* — сказалъ Фельдмаршалъ и убѣждалъ отъ перваго Министра.

Въ день своего отъѣзда изъ Вѣны, Суворовъ, садясь въ дорожный экипажъ, велѣлъ принести на золотомъ блюдѣ сердечко, надѣлъ его, въ знакъ благодарности за гостепріимство, на Графиню Разумовскую, заперъ ключемъ и, положи ключъ въ карманъ, уѣхалъ.

Согласно мнѣнію Фельдмаршала, рѣшено начать военныя дѣйствія въ Верхней Италіи. Тогда Эрцгерцогъ Карлъ принудилъ Журдана отступить за Рейнъ. Суворовъ ѣхалъ къ арміи съ величайшею поспѣшностію, не смотря на темныя ночи и дурную дорогу. Въ Веронѣ народъ отпрягъ лошадей отъ кареты его и повезъ ее на себѣ до приготовленнаго для Суворова дворца. Австрійскіе Генералы Меласъ и Край явились къ нему съ рапортами. Ночью городъ былъ торжественно освѣщенъ:

(*) Главнаго воинскаго Совѣта.

вездѣ горѣлъ щитъ или вензель Фельдмаршала, вездѣ воспѣвали ему похвальные пѣсни.

Суворовъ сдѣлалъ смотръ Австрійскимъ полкамъ и сказалъ окружающимъ его Генераламъ: «*Штукъ ихъ хорошь: побѣда!*»

Вскорѣ Розенбергъ вступилъ въ Верону съ двадцатью двухъ тысячнымъ корпусомъ. Число Императорскихъ Королевскихъ войскъ, ввѣренныхъ Суворову, простиралось до 66,084 человекъ (*). 3 Апрѣля Фельдмаршалъ обнародовалъ воззваніе къ Италійскимъ народамъ: приглашалъ ихъ соединиться подъ знамена, несомыя на брань за Бога и Вѣру, для возстановленія законнаго правительства; угрожалъ смертію вѣроломнымъ и содѣйствующимъ намяченію Республики.

Непріятель утвердился въ многочисленныхъ крепостяхъ Италіи, ожидая свѣжихъ войскъ. Суворовъ счелъ нужнымъ раздѣлить силы свои, чтобы действовать вдругъ противъ крепостей и отступавшей Французской арміи; Баронъ Край отряженъ былъ для занятія Вресчін, важнѣйшаго пункта въ сообщеніи съ Тиродемъ: онъ овладѣлъ этою крепостію, при содѣйствіи храбраго Князя Багратіона; взялъ въ плѣнъ 1064 человекъ, захватилъ 46 орудій и получилъ приказаніе отъ Главнокомандующаго осадить Мантую и Пескьеру. Число ввѣренныхъ ему войскъ простиралось до двадцати-пяти тысячъ человекъ.

(*) См. *Исторію Россійско — Австрійской кампаніи 1799 года*, ч. 2, стр. 21 — 23.

Французскою арміею предводительствовалъ въ то время Генералъ Моро, который утвердился на правомъ берегу Адды. Главная квартира его была близъ Кассано въ мѣстечкѣ Инсаго; дивизіи Серюрье около города Лекко и Дельмаса у крѣпости Лоди составляли лѣвое и правое крылья. Все протяженіе Адды, широкой, быстрой рѣки, имѣющей крутые берега, приведено было въ оборонительное состояніе; пункты, удобные для переправы, охранялись сильнѣйшими батареями. *«И здѣсь вижу я — сказалъ Суворовъ—персть Провидѣнія. Мало славы было-бы разбить шарлатана (*). Давры, которые позитивъ у «Моро, будутъ лучше цѣсти и зеленѣть.»*

Авангардъ нашей арміи, предводимый Княземъ Багратиономъ, двинулся чрезъ Бергамо къ городу Лекко и, въ предмѣстіи онаго, ударилъ 15 Апрѣля въ непріятеля штыками; покололъ до 800 человекъ; отразилъ съ помощію козаковъ нападеніе Французовъ, сосредоточившихся въ одинъ пунктъ; вступилъ въ городъ, преслѣдовалъ стрѣлковъ, разсыпанныхъ по горамъ въ садахъ и ущельяхъ. Французы возобновили нападеніе съ большимъ стремленіемъ, но, вскорѣ, подкрѣпилъ Багратиона Милорадовичъ съ гренадерскимъ батальономъ и, не смотря на свое старшинство, великодушно оставилъ первому главное начальство. Упорное сраженіе продолжалось двѣнадцать часовъ: Французы поспѣшно отступили правымъ

(*) Подъ словомъ шарлатана, Суворовъ разумѣлъ Шерера, который предводительствовалъ прежде Французскою арміею.

берегомъ внизъ по рѣкѣ Аддѣ, потерявъ убитыми до двухъ тысячъ человекъ и пльнными сто. Фельд-маршалъ отпустилъ ихъ въ Парижъ, сказавъ: «Иди-те домой и объявите землякамъ вашимъ, что Суворовъ «здесь.» — Нашихъ легло на мѣсть до 135 человекъ. Между тѣмъ Австрійцы овладѣли Кремою и Кремоною.

Средняя колонна союзныхъ войскъ получила отъ Главнокомандующаго приказаніе переправиться черезъ Адду противъ Треццо, и, сдѣлавъ рѣшительное нападеніе на непріятельскую армію, отделить ея лѣвое крыло отъ центра. Пользуясь безпечностію Французовъ, Генераль-Квартирмейстеръ Австрійскій Маркизь Шателеръ совершилъ это движеніе 16 Апрѣля, ночью, по наведенному чрезъ рѣку понтонному мосту. Немедленно упорная битва загорѣлась: Французы имѣли нѣкоторое время поверхность; но Австрійцы, сильно подкрѣпленные, ударили на непріятеля холоднымъ ружьемъ, ворвались въ его лѣвое крыло, смяли, жестоко поразили. Храбрые Донскіе казаки мужественно содѣйствовали имъ, предводимые походнымъ Атаманомъ Денисовымъ и Полковникомъ Грековымъ. Сломленная первая линія Французская была подкрѣплена второю; сраженіе возобновилось и непріятель былъ снова опрокинутъ, обращенъ въ бѣгство къ Милану. Генераль Моро едва спасся отъ преслѣдовавшихъ его гусарь; убито Французовъ болѣе трехъ тысячъ; взято въ плѣнь: Бригадный Генераль, семьдесятъ штабъ и оберъ-офицеровъ и до двухъ тысячъ нижнихъ чиновъ. Уронъ союзныхъ войскъ простирался болѣе тысячи чело-

вѣкъ. На другой день побѣдители двинулись колоннами къ Милану. Денисовъ первый вступилъ въ столицу Ломбардіи. Въ это время Австрійскій Генералъ Меласъ разбилъ Французовъ при мѣстечкѣ Касано; правая колонна, подъ начальствомъ нашего Генерала отъ инфантеріи Розенберга перешла черезъ Адду въ Бривію; Серюрье съ остальными войсками своей дивизіи укрѣпился, подъ защитою артиллеріи, при деревнѣ Вѣрдеріо. Австрійскій бригадный Генералъ Вукасовичъ первый напалъ на него (17 Апрѣля) съ трехъ сторонъ и, подкрѣпленный Розенбергомъ, принудилъ положить оружіе: Серюрье и Генералъ Фрезе съ тремя тыс. войска и осмью пушками, сдались въ плѣнъ; офицерамъ позволено возвратиться во Францію, по размынъ, съ условіемъ не служить противъ союзныхъ Государей. *Чтя превратность ечастія въ плѣнномъ* (*), Суворовъ вручилъ шпагу Генералу Серюрье, сказавъ: *«Кто ея такъ владѣетъ какъ вы, у того она не отъемлема.»* — Серюрье просилъ освободить его войска. *«Эта черта дѣлаетъ честь вашему сердцу — отвѣчалъ Фельдмаршалъ;—но вы лучше меня знаете, что народъ въ революціи есть лютое чудовище, которое должно укрощать оковами.»* — Потомъ, обнадеживъ, что Французамъ не будетъ причинено ни какихъ обидъ, произнесъ стихи Ломоносова:

Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ;
Но хищный волкъ его лежащаго терзаетъ.

(*) Собственныя слова Суворова. — См. *Анекдоты его*, изд. Фуксомъ, стр. 103.

«Переведите эти стихи Французскому Генералу — продолжалъ Фельдмаршалъ — «Я читалъ ихъ наизусть, по взятіи Варшавы, и Депутатамъ Польскимъ.» — Съ этими словами Суворовъ вышелъ изъ комнаты. «*Quel homme !*» — воскликнулъ Сердюрье.

Императоръ Павелъ I препроводилъ къ Фельдмаршалу портретъ Свой, въ перстнѣ, осыпанный брилліантами. «Примите его — упомянулъ Государь въ рескриптѣ — «въ свидѣтели знаменитыхъ дѣлъ вашихъ и носите на рукѣ, поражающей врага благоденствія всемірнаго.» — Тогда сынъ Суворова пожалованъ былъ Генералъ-Адъютантомъ и получилъ приказаніе находиться при отцѣ. — «Повзжай и учись у него — сказалъ ему Государь. — «Лучшаго прижѣра тебѣ дать и въ лучшія руки отдать не могу.»

Союзныя войска вступили въ Миланъ въ день Св. Пасхи (**). Суворовъ въѣхалъ верхомъ позади свиты своей, въ Австрійскомъ бѣломъ мундирѣ и остановился въ домъ прежде занимаемомъ Моро. На другой день Фельдмаршалъ, надѣвъ парадный мундиръ и ордена, украшенные брилліантами, отправился, въ великолыпной каретѣ между рядовъ выстроеннаго войска, въ соборную церковь Миланскую. Громкія восклицанія ура! и жителей: да здравствуетъ Суворовъ! привѣтствовали его на улицахъ. Католи-

(*) Какой человекъ! — См. *Анекдоты Суворова*, стр. 179.

(**) На канунъ взятія Милана, Суворовъ сказалъ: *De-tain j'aurai mille ans.* — *Сочиненія Фукса*, стр. 89.

ческое духовенство встрѣтило Суворова, при входе въ храмъ, въ полномъ облаченіи. «Господь да благословитъ шествіе твое, добродѣтельный Полководецъ!» — произнесъ Архіепископъ — «*Молитесь*» — отвѣчалъ выразительно и важнымъ голосомъ, на Италіанскомъ языкѣ Фельдмаршалъ — «*да поможетъ мнѣ Богъ спасти ваши храмы и престолы Государей!*» — и, войдя въ соборную церковь, преклонилъ съ благоговѣніемъ колѣна предъ священнымъ жертвенникомъ.

Въ Миланѣ нѣкоторые Австрійскіе Генералы просили Суворова дать отдохнуть войску; но онъ отвѣчалъ имъ словомъ: *опередѣ* и, пробывъ въ этомъ городѣ не болѣе четырехъ дней, обнародовалъ воззваніе къ Французамъ, которое не имѣло, однакожъ, успѣха; составилъ планъ для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ непріятеля. Армія его, названная *операционною* (кроме войскъ осадныхъ, предводимыхъ Барономъ Краемъ и находившихся также въ Венеціи), состояла только изъ 18 тысячъ Рускихъ и 16 тысячъ Австрійцевъ. Оставивъ 4500 человекъ подъ начальствомъ Генерала Латермана для блокады Миланской цитадели, Суворовъ предположилъ перейти По и Тичино и разбить Моро до присоединенія къ нему Макдональда, идущаго изъ Южной Италіи. Между тѣмъ, Эригерцогъ Карлъ долженъ былъ вторгнуться въ Швейцарію съ сѣвера и тѣснить со всѣхъ сторонъ Массену, который, покоривъ Швейцарію, расположилъ ввѣренныя ему войска, числомъ до ста тысячъ, по лѣвому берегу Рейна до самой Голландіи. Тирольская армія, предводимая Графомъ Беллегардомъ, надлежала при-

соединиться къ Италіанской (*); послѣдняя, разбивъ Макдональда, обязана была занять Туринъ; осадной арміи, по взятіи Пескьеры и Мантуи, слѣдовало обложить Тортоно; отдѣльному корпусу Графа Клейнау, съ подкрѣпленіемъ Англійскаго флота, идти для занятія Генуи; Рускимъ, Англійскимъ и Турецкимъ войскамъ, сдѣлавшимъ высадку въ южной Италіи, преслѣдовать Макдональда.

Моро, отступивъ отъ Милана, остановился при Александріи на рѣкѣ Бормидѣ съ собраннымъ имъ семнадцатитысячнымъ войскомъ. Фельдмаршалъ повелъ свою армію къ Тортоно, сдѣлавъ воззваніе къ обитателямъ Пиемонта, убѣждая ихъ взять оружіе на защиту законнаго Государя. Баронъ Край дѣятельно продолжалъ осадную войну, открылъ траншеи противъ Пескьеры. Въ это время прибылъ въ Италію Великій Князь Константинъ Павловичъ, сопровождаемый Генераломъ отъ кавалеріи Дерфельденомъ. Пріездъ его былъ ознаменованъ сдачею осаждаемой крѣпости: 90 орудій, множество съестныхъ и другихъ припасовъ, большое количество пороха и флотилія изъ осмнадцати канонерскихъ лодокъ увеличили трофеи союзниковъ, которые открыли для себя сообщеніе съ Тиродемъ и Швейцарією. Вскорѣ Великій Князь явился въ главную квартиру Фельдмаршала, находившуюся въ Вогерѣ. 28 Апрѣля

(*) Австрійскія войска, находившіяся подъ начальствомъ Эрцгерцога Карла въ Германіи и подъ начальствомъ Беллегарда въ Тироде, числомъ до ста двадцати девяти тысячъ чел., оставались тогда въ бездѣйствіи.

храбрый Маркизь Шателеръ покорилъ эту крѣпость, ключъ Пиемонта. Другая крѣпость Пичигетона, сдана въ тотъ день на капитуляцію Фельдмаршалу-Лейтенанту Кейму. Между тѣмъ Вукасовичъ овладѣлъ въ Верхней Италіи крѣпостями: Ивреею и Ароною; поселяне вездѣ вооружались противъ Французовъ и союзная армія безпрепятственно получала продовольствіе изъ плодородныхъ областей: Феррарской, Болонской и Моденской.

Среди повсемѣстныхъ успѣховъ, Розенбергъ, увлекаемый храбростію, сразился 20 Апрѣля при Басиньяно съ Французами; сбилъ ихъ передовые отряды, но, стѣсненный, близъ Пичетто, многочисленнымъ неприятелемъ, послѣ упорной обороны, продолжавшейся восемь часовъ, переправился обратно чрезъ По, оставивъ двѣ пушки. Въ этомъ дѣлѣ Милорадовичъ, подъ которымъ убиты были три лошади, съ малыми силами нанесъ чувствительный вредъ противникамъ: увидя замѣшательство рядовъ нашихъ, онъ схватилъ знамя, бросился впередъ, закричавъ: *«Солдаты! смотрите какъ умретъ Генералъ вашъ!»* — и опрокинулъ Французовъ штыками. Смерть щадила безстрашнаго, чтобы онъ съ большею славой палъ (1825 г.) за Царя и отчизну. — Розенбергъ занялъ крѣпости Валенцу и Касаль, оставленные неприятелемъ, а Вукасовичъ Веррую; Пиемонцы овладѣли замкомъ Чевою. Другой ученикъ Суворова, храбрый Князь Багратіонъ, съ шестью батальонами и двумя козачьими полками, вступилъ въ Генуезскую крѣпость Нови; сразился съ Французами при рѣкѣ Тарно; положилъ на мѣсть до 2500 человекъ; взялъ

въ плѣвъ 200. Крѣпость Александрія сдалась Генераль-Лейтенанту Повалонштейковскому; Миланская цитадель Генералу Графу Гогенцоллерну; Феррара (въ Верхней Италіи) Графу Клейнау. — Передъ Туриномъ нѣкоторые Генералы осмѣлились представить Суворову затрудненія, препятствующія взять этотъ городъ. Онъ разсердился и вскрикнулъ: *«Пу-аство! Аннибаль, пройдеъ Испанію, переправясь чрезъ Рону, поразивъ Галловъ, перешедъ Альпы, — взялъ съ три дни Туринъ. Онъ будетъ моимъ учителемъ. Хочу быть преемникомъ его званія (*).»*

Вскорѣ столица Сардинскаго Королевства увеличилась завоеванія Суворова: Вукасовичъ, начальствовавшій передовыми Австрійскими войсками, первый вступилъ въ Туринъ 14 Мая, прогнавъ непріятеля въ замокъ. На другой день Фельдмаршалъ имѣлъ торжественный въѣздъ, въ сопровожденіи Великаго Князя, при радостныхъ восклицаніяхъ народа. Получено въ добычу 382 пушки, 15 мортиръ, двадцать тысячъ ружей и арсеналъ, наполненный множествомъ припасовъ. Изъ цитадели, въ которую удался трех-тысячный гарнизонъ Французскій, безпрестанно сыпались градомъ бомбы, картечи и каленыя ядра. Суворовъ велѣлъ объявить Коменданту Фіореллѣ: *что если онъ не прекратитъ пальбы, то подъ выстрѣлы будутъ выведены Французскіе плѣнные.* Тишина водворилась. — Духовенство Католическое, при входѣ Суворова въ кафедральный храмъ, въ угодность ему, благословило его по обряду Греческой Церкви.

(*) *Анекдоты Суворова*, стр. 177.

Туринъ поднесъ победителю шпагу, украшенную брилліантами.

По прошествіи некотораго времени, Главнокомандующій удостоился получить слѣдующій рескриптъ отъ Императора :

«Графъ Александръ Васильевичъ! Въ первый разъ «увѣдомили вы насъ объ одной побѣдѣ, въ другой «о трехъ, а теперь прислали реестръ взятыхъ городовъ и крѣпостямъ. Побѣда предшествуетъ вамъ «всемѣстно, и слава сооружаетъ изъ самой Италіи «памятникъ вѣчный подвигамъ вашимъ. Освободите «ее отъ ига неистовыхъ разорителей; а у Меня за «себѣ воздаяніе для васъ готово. Простите. Богъ съ «вами. Пребываю къ вамъ благосклонный Павелъ.»

Тщетно Генералъ Викторъ съ шестытысячнымъ войскомъ покушался взять замокъ Чеву: Вукасовичъ и Фрейлихъ, отраженные Суворовымъ, принудили Французовъ отступить, овладѣвъ 14 пушками и двумя мортирами.

Побѣды Суворова угрожали границамъ Франціи; но Венскій Дворъ, шадившій войска свои, препятствовалъ дальнѣйшимъ его успѣхамъ; предписывалъ ему: не отваживаться на предпріятія слишкомъ отдаленныя и не вѣрныя; ограничивать дѣйствія въ королевствѣ Мантуи и цитадели Миланской, также обороною завоеванныхъ крѣпостей. Разныя распріи Суворова въ Пиемонтъ были уничтожены Римскимъ Императоромъ. Россійскій Самодержецъ приказывалъ Фельдмаршалу водворить Короля Сардинскаго въ его владѣнія; Францъ II посягалъ на Пиемонтъ въ вознагражденіе понесенныхъ по-

терь Австрією въ продолжительную войну противъ Франціи; отмѣнилъ составленіе Піемонтской арміи. Гофкригератъ, безъ всякаго сношенія съ Фельдмаршаломъ, прислалъ повелѣніе Краю, тѣснившему Французовъ изъ области Болонской, возвратиться къ осадѣ Мантуи (*). Суворовъ негодовалъ и противъ Эрцгерцога Карла, *которому — по словамъ нашего знаменитаго Полководца — «давно слѣдовало бы, завоевавъ Швейцарію, даровать вольность тамошнимъ храбрымъ народамъ и, съ помощію ихъ, господствовать на Рейнѣ.»*

Обезпечивъ правое крыло союзной арміи со стороны Альпійскихъ горъ, Фельдмаршалъ имѣлъ безпрепятственное наблюденіе за дѣйствіями Моро и Макдональда, старавшихся соединиться. Для открытія сообщенія съ послѣднимъ, Моро отрядилъ Виктора съ десяти тысячною дивизією, а самъ занялъ Геную и намѣревался идти къ Александріи. Главнокомандующій, поручивъ осаду Туринской цитадели Кейму и предписавъ Краю поспѣшить на помощь противъ Моро, приказалъ привести въ оборонительное состояніе крѣпости Валенцу и Павію, и съ 14 Рускими батальонами, съ полками драгунскимъ Австрійскимъ Карачая и козачьимъ, выступилъ на встрѣчу Французскаго Генерала. Въ Александріи Суворовъ узналъ 4 Іюня, что армія Макдональда стремится въ трехъ

(*) Суворовъ называлъ дѣйствія Гофкригерата *черепашинымъ шагомъ*. — «Ничему путному не бывать — писалъ онъ къ Графу РаSTOPчину — «доколь Тугутъ не перестанетъ самовластвовать.»

сильныхъ колоннахъ на Модену и Парму къ Мантуе и, немедленно, оставивъ тяжелые обозы, повелъ войска свои усиленными маршами къ Сен-Джювани. Тогда, прибывшій въ главную квартиру Фельдмаршала-Лейтенанта Беллегардъ, который командовалъ до того въ Тироле, принялъ начальство надъ осадою Тортонской и Александрійской цитаделей. Ему поручено было также наблюдать за арміею Моро: корпусъ его простирался до девяти тысячъ человекъ; авангардомъ предводительствовалъ храбрый Вукасовичъ.

Стремительно шествовалъ изъ Неаполя Макдональдъ, преодолевая всѣ препятствія: онъ присоединилъ къ своимъ двумъ дивизіямъ еще двѣ, Тосканскую и Виктора, также Польскій легіонъ Домбровскаго, увеличилъ силы до двадцати восьми тысячъ; для облегченія похода уменьшилъ обозы; вытѣснилъ Австрійцевъ изъ Понтремоли; занялъ Болонь; принудилъ Клейнау снять осаду Урбано и отступить къ Феррарь; окружилъ подъ Моденою Графа Гогенцоллерна, сразился съ нимъ, раненъ, отбросилъ его къ Мирандолъ; вступилъ въ Піаченцу; сдѣлалъ распоряженіе къ осадѣ цитадели; готовился подавить пятитысячную дивизію Фельдмаршала-Лейтенанта Отто: послѣдній, оставивъ форпосты свои при Требии, принужденъ былъ удалиться за рѣку Тидону и едва держался противъ шестнадцати тысячнаго неприятельскаго войска, какъ явился Суворовъ съ Россійскимъ авангардомъ, предводимымъ Княземъ Багратиономъ (6 Іюня). Козаки ударили на Французовъ въ лѣвый флангъ; Князь Горчаковъ, подкрѣп-

ленный Волякимъ Княземъ, атаковалъ правый: сражались болѣе холоднымъ ружьемъ. Кровавая битва продолжалась шесть часовъ; Багратионъ содѣйствовалъ побѣдѣ. Непрiятель отступилъ къ рѣкѣ Требиѣ, лишился убитыми 600 человекъ; въ пленъ взято 400.

На другой день (7 Юня) союзная армія перешла тремя колоннами вбродъ черезъ Тилому. Макдональдъ сосредоточилъ все свои силы на этой сторонѣ рѣки Требиѣ, построилъ въ боевой порядокъ двадцать восемь тысячъ человекъ. Не смотря на невыгодное мѣстоположеніе, Князь Багратионъ, подкреплённый Австрійскимъ Генераломъ Карачаемъ и козацкими полками Грекова и Цоэдэва, быстро атаковалъ холоднымъ ружьемъ лѣвое крыло непрiятельское, которое состояло изъ семи тысячъ пехоты и тысячи чел. конницы, опрокинулъ ихъ за рѣку Требию, положилъ на мѣстѣ болѣе 500 человекъ, отнялъ два пушки и знамя, взялъ въ пленъ 600 Поляковъ. Непрiятель усилился на этомъ пунктѣ до пятнадцати тысячъ человекъ: Розенбергъ подошелъ къ Багратиону, ударилъ въ штыки и общими силами сбилъ Французовъ за Требию, истребилъ 800 чел., увеличилъ число пленныхъ 400. — Генераль-Лейтенантъ Ферстеръ атаковалъ, между тѣмъ, непрiятельскій центръ, также опрокинулъ его за рѣку, положилъ на мѣстѣ до 500 человекъ. Правое крыло Французское, состоящее изъ десяти тысячъ, сразилось съ Генераломъ отъ кавалеріи Меласомъ и послѣ упорной битвы, часть продолжавшейся, принуждено было отступить за Требию. Сильная пальба на обѣихъ

берегахъ продолжалась до полночи. Союзная армія отдыхала на этой сторонѣ рѣки.

8 Іюня произошло третье сраженіе, съ большимъ, противъ прежнихъ двухъ, пролітіемъ крови: Макдональдъ ночью соединился съ послѣдними силами своей арміи и, имѣя уже до тридцати трехъ тысячъ противъ двадцати двухъ тысячъ союзныхъ войскъ (*), началъ колоннами переправляться черезъ Требію. Сраженіе возобновилось въ десять часовъ утра и продолжалось до седьмого по полудни. Домбровскій съ Польскимъ легиономъ хотѣлъ обойти правое крыло наше: Багратионъ, прежде всѣхъ, встрѣтилъ его штыками; Розенбергъ, подкрѣпленный Милорадовичемъ, атаковалъ и сломилъ въ линіи. Ферстеръ, который командовалъ центромъ союзныхъ войскъ, принялъ также въ штыки и сабли дивизію Монришара, опрокинулъ ее и преслѣдовалъ, между тѣмъ какъ на лѣвомъ крылѣ Меласъ разбилъ и обратилъ въ бѣгство правый непріятельскій флангъ подъ начальствомъ Оливье. Нѣсколько разъ Французы отступали за рѣку, возвращались оттуда, возобновляли атаку съ большимъ ожесточеніемъ и въ одномъ бѣгствѣ искали спасенія своего. Фельдмаршалъ, пользовавшійся рѣшительными мгновеніями, во время трехъ дневныхъ битвъ не сходилъ съ козачьей лошади, забылъ преклонныя лѣта, одушевлялъ войска своимъ присутствіемъ, спѣшилъ туда, гдѣ они начинали только разстроивать-

(*) См. *Исторію Рос. Австр. кампаніи*, изд. Фуксомъ, ч. 2, стр. 437.

ся и, тотчасъ, возстановлялъ порядокъ. Макдональдъ явилъ себя достойнымъ соперникомъ Суворова: страдая отъ полученной раны подъ Моденою, онъ командовалъ на носилкахъ; оспаривалъ побѣду; собралъ военный совѣтъ въ Пиаченцъ, объявилъ оному намѣреніе свое: *сразиться съ Суворовымъ въ четвертый день, чтобы побѣдить или умереть*; но военачальники Французскіе не согласились на это предложеніе и для блага республики, для спасенія арміи, требовали отступленія. Макдональдъ принужденъ былъ покориться жестокой судьбѣ своей. Рускіе преслѣдовали враговъ за рѣку Нуру. Приказывая сильно и неутомимо гнать бѣжавшаго непріятеля, Суворовъ требовалъ, чтобы падали и миловали покорныхъ. Макдональдъ удалился съ семнадцатитысячнымъ войскомъ въ Тосканскую область; потомъ, сдѣлавшись боленъ отъ ранъ и тягостныхъ трудовъ, отправился въ Парижъ, приказавъ арміи своей соединиться съ Моро.

Въ эти убійственные дни погибло войска республики до шести тысячъ; въ плѣнъ взято побѣдителями: 4 Генерала, 8 Полковниковъ, 502 Штабъ и Оберъ-офицеровъ и 11,766 нижнихъ чиновъ; получено въ добычу семь знаменъ и шесть пушекъ. Союзники потеряли убитыми менѣе тысячи человекъ; ранено на ихъ сторонѣ до четырехъ тысячъ, въ томъ числѣ Князь Багратіонъ.

Узнавъ о походѣ Суворова противъ Макдональда, Моро устремился съ десяти тысячнымъ войскомъ, черезъ Бокетту, Гави и Нови, къ Тортонѣ; занялъ этотъ городъ, перешелъ чрезъ Скривію, сразился

съ Беллегардомъ, принудилъ его отступить за Бормиду и, потомъ, предпринялъ обратный путь, удаллся, чрезъ Бокетту, въ горы, избавивъ Макдональда посредствомъ этого движенія отъ дальнѣйшаго преслѣдованія Россійскаго Фельдмаршала.

Во время Требійской побѣды Кеймъ овладѣлъ Туринскою цитаделью, въ которой найдено: мѣдныхъ мортиръ 148, пушекъ 384, гаубиць 30, ружей 40,000; столько же тысячъ дудовъ пороху и множество военныхъ снарядовъ. Союзники имѣли въ своей власти всю рѣку По. Для осады цитадели Александрійской и Тортоны отправлена была водою артиллерія Туринская. Между тѣмъ оставшіяся безъ защиты послѣднія крѣпости Республики Чизальпинской, Болонь и Форте-Франко или Урбано, сдались Клейнау и Отто.

Италія, внимая воззваніямъ Суворова, вооружилась: составились противъ Французовъ народныя арміи подъ предводительствомъ Лагоца и Кардинала Руффо. Первый имѣлъ подъ ружьемъ двадцать двѣ тысячи Неаполитанцевъ; послѣдній болѣе тридцати тысячъ вооруженнаго народа. Въ числѣ отдѣльныхъ предводителей Кардинала находился молодой монахъ, по прозванію *Фра-Діаволино*, до того содержавшійся въ тюрьмѣ и загладившій, потомъ, вины свои неимоверною храбростію: разбившій непріятеля на берегу Адриатическомъ, въ Пескарѣ, учредившій блокаду крѣпостей Капуи и Гаэты. Въ освобожденіи отъ Французовъ Королевства Неапольскаго и владѣній Папы содѣйствовали Руффо Россійско-Турецкій и Англійскій флоты, кото-

рыми предводительствовали Ушаковъ (подчиненный Суворову) и Нельсонъ.

Преслѣдовавшій Макдональда съ легкимъ корпусомъ Графъ Клейнау занялъ Ливорну, крѣпости Сарцанеллу, Леричи, Сен-Терезу; окружилъ блокадою крѣпость Сен-Марію, которую защищалъ гарнизонъ изъ 380 человекъ. Непрístupная цитадель Александрійская, устроенная на высотѣ и защищаемая съ двухъ сторонъ рѣкою Танаро, послѣ сильнаго сопротивленія, сдалась Графу Беллегарду на капитуляцію. Тогда прибылъ въ Верону вспомогательный десятитысячный Россійскій корпусъ, высланный Императоромъ Павломъ I-мъ къ Королю обѣихъ Сицилій. Имъ предводительствовалъ Генераль-Лейтенантъ Ребиндеръ, котораго, по распоряженію Фельдмаршала, смѣнилъ Генераль Розенбергъ. Главный корпусъ нашихъ войскъ перешелъ подъ начальство Генерала отъ кавалеріи Дерфельдена. Розенбергу велѣно прикрывать осаду Мантуи и на время остановиться при Пиаченцѣ.

Наконецъ и твердая Мантуя покорилась оружію Императорскому. Десятитысячный гарнизонъ ея, въ половину больной и израненый, сдался 17 Іюля на капитуляцію Генераль-Фельдцейхмейстеру Краю, съ тѣмъ, чтобы оставаться военнопленнымъ въ Германіи. Въ крѣпости найдено болѣе 300 пушекъ.

Суворовъ продолжалъ испытывать разныя неудовольствія отъ Гофкригсрата, который, останавливая полетъ непобѣдимаго Полководца, *вязалъ его* — какъ извѣстился онъ. «Робость Гофкригсрата — писалъ къ

Императору Павлу I Фельдмаршалъ; — «зависть ко мнѣ, какъ чужестранному; интриги частныхъ, двудличныхъ начальниковъ, относящихся прямо въ Гофкригсратъ; безвластіе мое въ производствѣ операцій, прежде доклада, на тысячи верстахъ, принуждаютъ меня всеподданнѣйше просить В. И. В. о моемъ отзывѣ, ежели сіе не перемѣнится. Я хочу кости положить въ моему Отечествѣ и молить Бога за моего Государя.»

Въ это время Король Сардинскій Викторъ-Эмануилъ прислалъ Суворову ордена: Анонсиады, Св. Маврикія и Лазаря, дипломъ на чинъ Генераль-Фельдмаршала Королевскихъ войскъ, также на достоинство Князя съ титуломъ его двоюроднаго брата (*cousin*) и съ предоставленіемъ онаго изъ рода въ родъ перворожденнымъ; сверхъ сего изъявилъ желаніе служить въ арміи Италійской подь его начальствомъ. Императоръ Павелъ I согласился на получение Суворовымъ лестныхъ отличій и, уведомляя его о томъ, изъяснилъ: «что чрезъ это, онъ и Ему войдетъ въ родство, бывъ единожды принять въ одну Царскую Фамилію, потому, что владѣтельныя особы между собою все почитаются роднею (*).» — За пораженіе Макдональда, Фельдмаршалъ награжденъ 13 Іюля портретомъ Государя, осыпаннымъ бриліантами, для ношенія на груди; а за освобожденіе всей Италіи, въ четыре мѣсяца, отъ безбожныхъ ея завоевателей пожалованъ (8 Авг.) Княземъ

(*) См. *Исторію Рос. Австр. кампаніи 1799 г.*, ч. 3, стр. 268.

Россійской Имперіи съ титуломъ *Италійскаго*, который распространень и на его потомковъ мужескаго и женскаго родовъ. Въ Англіи на всѣхъ праздникахъ пили здоровье: 1) Короля; 2) Императора Россійскаго и 3) *избавителя Италіи*; сочиняли въ похвалу Суворова пѣсни. — Императоръ повелѣлъ Фельдмаршалу, въ случаѣ продолженія дѣлаемыхъ ему неприятностей отъ Вѣнскаго Кабинета, собрать въ одно мѣсто ввѣренныя ему Россійскія войска и дѣйствовать, по обстоятельствамъ, независимо; но, вмѣстѣ, совѣтовалъ остерегаться союзниковъ, продолжая сношенія съ Англійскимъ Министерствомъ. Суворовъ просилъ Государя наградить Генералъ-Фельдцейхмейстера Края и получилъ въ отвѣтъ: «Я «ничего ему не дамъ: потому, что Императоръ Францъ «трудно признаетъ услуги и воздаетъ за спасеніе «своихъ земель учителю и предводителю его войскъ.»

Успѣхи союзниковъ въ Италіи произвели переворотъ въ Французскомъ Правительствѣ: Директоры Республики были смѣнены; начальство надъ арміею ввѣрено Жуберту, котораго Бонапартъ называлъ *наследникомъ славы своей*. Юный герой, не задолго передъ тѣмъ сочетавшійся бракомъ, надѣлъ на грудь портретъ обожаемой имъ супруги, поклялся именемъ ея побѣдить или умереть и полетѣлъ въ Италію. Моро сдалъ ему начальство и, соединенный съ нимъ тѣсною дружбой, остался въ главной квартирѣ, чтобы вмѣстѣ отомстить честь Французскаго оружія. Между тѣмъ городъ Сераваль, находящійся у подошвы утесистой горы, послѣ кратковременнаго бомбардированія, отворилъ ворота Багратіону. Рускій

авангардъ, подъ начальствомъ послѣдняго, занялъ позицію передъ Нови. Вскорѣ Жубертъ и Моро появились на хребтахъ высокихъ горъ, надъ обширною равниною, простирающеюся до Тортоны и Александріи. «*Юный Жубертъ — сказалъ Суворовъ — пришелъ учиться; дадимъ ему урокъ.*»

Выступя изъ горъ съ 45 тысячъ чел., Главнокомандующій Французскихъ войскъ занялъ выгодное положеніе по хребту на Нови къ Сераваль, оставя въ тылу Гави. 4 Августа начался кровавый бой, шестнадцать часовъ продолжавшійся. Центромъ союзной тридцати-восми-тысячной арміи предводительствовалъ Дерфельденъ; правымъ крыломъ Край, лѣвымъ Меласъ. Войска Розенберга составляли observational корпусъ: ему поручено было прикрывать осаду Тортоны и, въ случаѣ надобности, подкрѣплять сражающуюся армію. На разсвѣтъ, лѣвое крыло непріятельское было сильно атаковано Крайемъ, который овладѣлъ ближайшими высотами; но принужденъ уступить превосходнымъ силамъ Французовъ. Жубертъ самъ повелъ на штыкахъ противъ Австрійцевъ колонну пѣхоты, стремился, верхомъ, съ нею при восклицаніяхъ солдатъ: *да здравствуетъ Республика! да здравствуетъ Жубертъ!* Пуля мгновенно рѣшила блистательную судьбу его; послѣднія слова его были: *впередъ, впередъ!* Моро снова принялъ начальство. — Чтобы облегчить препятствія, встрѣченныя Крайемъ, Князь Багратіонъ сдѣлалъ атаку на центръ непріятельскій. Французы начали дѣйствовать правымъ крыломъ своимъ въ лѣвый флангъ Императорскихъ войскъ, овладѣли все-

ми возвышеніями въ окрестностяхъ Нови, составляющими подошву Генуэзскихъ горъ. Тамъ ударилъ на нихъ Генералъ-Маіоръ Князь Горчаковъ, подкрѣпленный, потомъ, Меласомъ и Дерфельденомъ. Вся Императорская армія двинулась впередъ. Градъ ядеръ и картечи привелъ въ замѣшательство Рускія колонны; но, усиленные свѣжими полками, онѣ снова устремились на смертоносныя горы, три раза возобновляли нападенія на центръ непріятельскій. Франгузы, казалось, мстили за смѣръ Жуберта; колонны Дерфельдена, открывая путь къ убійственнымъ высотамъ подъ личнымъ предводительствомъ Суворова, котораго сопровождалъ Великій Князь, какъ будто наказывали за дерзновенное намѣреніе помрачить славу Россійскаго Полководца. Моро, Сентъ-Сиръ и начальникъ Французскаго Главнаго Штаба Дессоль, видя послѣднія усилія союзной арміи, бросились сами противъ Рускихъ съ новыми колоннами. Съ такою же твердостью противъ лѣваго крыла Французской арміи, которое получило подкрѣпленіе, возобновляли атаку войска Края, нѣсколько разъ отраженные. Лѣвое крыло союзниковъ сражалось на берегахъ рѣки Скривіи противъ Домбровскаго. Меласъ принудилъ его отступить и снять блокаду Серавали. Нападенія на центръ Французскихъ войскъ требовали безпрестанныхъ подкрѣпленій съ праваго ихъ крыла, которое ослабѣло до того, что не могло сопротивляться стремленію лѣваго крыла соединенныхъ войскъ. Пользуясь обстоятельствами, Меласъ предпринялъ движеніе на дорогу между Серавалию и Гави, въ тылъ правому Французскому крылу. Стѣс-

ненная этимъ движеніемъ Республиканская армія не могла сопротивляться нападеніямъ на центръ; Рускіе достигли высотъ; Французы начали отступать, склоняясь къ лѣвому крылу своему на деревню Пастурану. Тамъ отряды Австрійской кавалеріи и нозаковъ, подъ начальствомъ Карачая, довершили поражение непріятеля, который удалился чрезъ Боккету къ Савонь, чтобы сблизиться съ своими подмръпленіями, собранными на границъ Піэмонтской. Мракъ ночи покрылъ бѣгство враговъ.

Потера Французовъ простиралась до двадцати тысячъ чел., въ томъ числѣ убитыми до семи тысячъ, плѣнными болѣе 4600, ранеными болѣе 5000, пропавшими безъ вѣсти около 4000. Въ числѣ плѣнныхъ находились четыре Генерала; пушекъ взято 39, ящиковъ съ снарядами 54. Союзныя войска потеряли убитыми до 1300 чел., ранеными болѣе 4700. Побѣда при Нови заставила непріятеля заключить капитуляцію о сдачѣ Тортоны, *крѣпости неприступной, стоящей на высотѣ скалы, которую ни гаубицы, ни бомбы не достаютъ, стоявшей Королю Сардинскому пятнадцать милліоновъ (*)*.

Императоръ Павелъ I повелѣлъ (24 Авг.) гвардіи и всемъ Россійскимъ войскамъ, даже и въ присутствіи Своемъ, *отдавать* Князю Италійскому, Графу Суворову-Рымникскому *всю воинскія почести, подобно отдаваемымъ Особѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА*. — «Князь Александръ Васильевичъ!» — писалъ Государь къ Фельдмаршалу — «Я получилъ

(*) Слова Суворова. См. въ *Анекдотахъ* его стр. 169.

«извѣстіе о знаменитой побѣдѣ вашей надъ упокоеннымъ вами Генераломъ Жубертомъ. Радъ весьма, «а тѣмъ болѣе, что убитыхъ немного и что вы здоровы. Не знаю, что пріятнѣе? Вамъ ли побѣждать или Мнѣ награждать за побѣды? Но мы оба исполняемъ должное: Я какъ Государь, а вы какъ первый Полководецъ въ Европѣ. Посылаю награжденіе за взятіе Серавали; а вамъ не зная, что уже давать, потому, что вы поставили себя свѣше награжденій, опредѣлили почестъ военную, какъ увидите изъ Приказа, вчера отданнаго. Достойному достойное. Прощайте, Князь! Живите, побѣждайте Французовъ, и прочихъ, кои имѣютъ въ виду не возстановленіе спокойствія, но нарушеніе онаго.»

Между тѣмъ Генераль-Лейтенантъ Германъ сдѣлалъ неудачную высадку въ Голландіи; другой вспомогательный тридцати-трехъ тысячный корпусъ, подъ начальствомъ Нумсена, потомъ Генераль-Лейтенанта Римскаго-Корсакова, двинулся въ Швейцарію, гдѣ Эрцгерцогъ Карлъ занялъ Цирихъ; третій, пятитысячный, изъ эмигрантовъ, подъ предводительствомъ Принца Конде, находился въ Вольніи.

Въ то время какъ Россійскій Самодержецъ, желая утвердить спокойствіе Европы, возстановлялъ вѣру и низверженныхъ Государей, Вѣнскій дворъ продолжалъ противудѣйствовать, достигнувъ своей цѣли. Генераль Графъ Клейнау, долженствовавшій, при пособіи Англійскаго флота, тѣснить непріятеля на берегахъ Генуэзскихъ, находившійся уже на одинъ переходъ отъ Генуи, поступилъ подъ начальство Фельдмаршала-Лейтенанта Фрейлиха, который былъ

отозванъ отъ главной союзной арміи въ Герцогство Тосканское; Суворовъ, по приказанію Императора Франца II, сдалъ начальство надъ Австрійскими войсками Генералу Меласу и двинулся съ своими полками въ Швейцарію. Пьемонтъ остался во власти союзниковъ. Къ довершенію неприятностей, Эрцгерцогъ, до соединенія нашего Фельдмаршала съ Римскимъ-Корсаковымъ, удалился изъ Швейцаріи въ Швабію.

Такъ кончился знаменитый походъ 1799 года, въ которомъ союзники подъ главнымъ предводительствомъ Суворова выиграли десять сраженій, приобрѣли около трехъ тысячъ огнестрѣльныхъ орудій, двѣсти тысячъ ружей, восемьдесятъ тысячъ пѣнныхъ и покорили двадцать пять крѣпостей, лишась убитыми и ранеными только восемь тысячъ человекъ (*).

Не отступая отъ предположеннаго плана Государь, съ своей стороны, предоставилъ всѣ Россійскія войска въ Швейцаріи и корпусъ Принца Конде главному начальству Суворова, съ тѣмъ, чтобы эта армія, усиленная Швейцарами, которыхъ вооружала Англія, составивъ центръ Австрійскихъ войскъ Эрцгерцога и Меласа, стремилась чрезъ Франшъ-Конте во Францію.

Оставляя Италію, Фельдмаршалъ простился съ Австрійцами приказомъ, исполненнымъ признательною. «Никогда — упомянулъ Суворовъ — «не забуду «я храбрыхъ Австрійцевъ, которые почтили меня «довѣренностію и любовію; не забуду воиновъ по-

(*) См. *Замѣтку Суворова* въ Исторіи Рос. Австр. кампанія 1799 г., ч. 3, стр. 490.

«бѣдоносныхъ, содѣлавшихъ меня побѣдителемъ.» — Неприятная вѣсть объ удаленіи Россіянъ привела въ уныніе обитателей Пиемонта и Ломбардіи.

Русская армія выступила въ походъ къ границамъ Швейцаріи двумя колоннами: первую предводительствовалъ Дерфельденъ, второю Розенбергъ. Полевые орудія отправлены, подъ прикрытіемъ войска, чрезъ Миланъ и Комо, откуда положено перевести ихъ на судахъ. Въ замѣнъ этихъ пушекъ корпусъ Дерфельдена долженъ былъ получить 15 горныхъ, а корпусъ Розенберга 10. Австрійское начальство обязалось снабдить мулами подъ орудія и для подвоза провіанта. Меласъ увѣрилъ Суворова, что они выставлены въ городѣ Белинцонѣ, лежащемъ у подошвы Сен-Готарда. Быстро шествовалъ Суворовъ: въ шесть дней совершилъ переходъ для котораго нужно было восемь; но въ Белинцонѣ не нашелъ онъ обѣщанныхъ муловъ, потерялъ пять дней, обнадеживаемый Австрійскими коммиссіонерами и въ такой крайности исполнилъ полезный совѣтъ Великаго Князя добавить недостававшее число муловъ козачьими лошадьми.

Приближаясь къ Альпійскимъ горамъ, одушевляя Россіянъ чрезвычайными дѣлами, недавно совершенными въ Италіи, опытный Полководецъ не скрывалъ отъ военачальниковъ своихъ печальныхъ слѣдствій удаленія изъ Швейцаріи Эрцгерцога; предвидѣлъ, что Массена устремится со всеми силами своими на Корсакова, потомъ на Конде.

Наконецъ показались грозные утесы и скалы Сен-Готарда, котораго вершина возносится выше

облаковъ. Осенняя, ненастная погода придавала еще болѣе мрачности дикой громадѣ. Между солдатами, утомленными отъ дальнихъ походовъ, возникъ ропотъ на трудный переходъ. Услышавъ негодованіе, Суворовъ предоставлялъ имъ избрать любое: безпрекословно повиноваться ему или предать его землѣ у подошвы Сен-Готарда; велѣлъ рыть для себя могилу. «*Здѣсь похороните меня — пронхнешь герой: — «вы болѣе не дѣти мои — я болѣе не отецъ «самъ — мнѣ ничего не остается кромѣ смерти!»*» — Изумленные, растроганные солдаты, зная рѣшительность вождя своего, бросились къ нему съ громкими восклицаніями: *веди, веди насъ!* подняли его на руки. «*Вотъ — говоритъ очевидецъ Фуксъ — «первый шагъ Суворова къ побѣдамъ на горахъ Альпійскихъ (*)!»*

Въ донесеніи своемъ Государю отъ 3 Октября (1799 г.), Суворовъ описалъ знаменитый переходъ свой: «*На каждомъ шагѣ въ этомъ царствѣ ужаса, «зіяющія пропасти представляли отверстыя и поглощать готовые гробы смерти. Дремучія, мрачныя «ночи, непрерывно ударяющіе громаы, ліющіеся дожди и густой туманъ облаковъ, при шумныхъ во«допадахъ, съ каменьями съ вершинъ низвергавшихся, увеличивали трепетъ. Тамъ явилась зрѣнію «нашему гора *Сен-Готардъ*, этотъ величающійся колосъ горъ, ниже хребтовъ котораго громоносныя «тучи и облака плаваютъ, и другая, уподобляющаяся ей, *Фогельбергъ*. Вся опасности, вся трудности*

(*) *Исторія Рос. Австр. кампаніи, ч. 1, стр. 291.*

«были преодолены, и при таковой борьбѣ со всеми
«стихіями, непріятель, гнѣздившійся въ ущелинахъ
«и въ неприступныхъ, выгоднѣйшихъ мѣстоположе-
«ніяхъ не могъ противостоятъ храбрости воиновъ,
«явившихся неожиданно на этомъ новомъ театрѣ:
«онъ всюду прогнанъ. Войска В. И. В. прошли
«черезъ темную горную пещеру *Урзерн-Лохъ*, заняли
«мостъ удивительною игрою природы изъ двухъ
«горъ сооруженный и проименованный *Тейфельсбри-*
«*ке* (*) Оный разрушенъ непріателемъ; но это не
«остановило побѣдителей: они связываютъ доски
«шарфами офицеровъ; бѣгутъ по этимъ доскамъ,
«спускаются съ вершинъ въ бездны, и, достигая
«врага, поражаютъ его всюду. Напоследокъ надле-
«жало восходить на снѣжную гору *Бикшнеръ-Бергъ*,
«скалистою крутизной всѣ прочія превышающую;
«утопая въ скользкой грязи, должно было поды-
«маться противъ и посреди водопада, низвергавша-
«гося съ ревомъ, и низрывавшаго съ яростію страш-
«ные камни, снѣжныя и земляныя глыбы, на ко-
«торыхъ много людей съ лошадьми съ величайшимъ
«стремленіемъ летѣли въ преисподнія пучины, гдѣ
«многіе убивались, а многіе спасались. Всякое изра-
«женіе недостаточно къ изображенію этой картины
«во всемъ ея ужасѣ. Единое воспоминаніе преиспол-
«няетъ душу трепетомъ и теплымъ благодарствен-
«нымъ моленіемъ ко Всевышнему, Его же невиди-
«мая, всесильная десница видимо охраняла воинство
«В. И. В., подвизавшееся Святою Его Вѣрою.»

(*) *Чертовъ мостъ.*

Суворовъ совершилъ неимоверный походъ среди своего войска на лошади, едва влачившей ноги, въ синемъ обветшаломъ плащѣ, который достался ему послѣ отца и былъ извѣстенъ подъ названіемъ *родительскаго*, въ круглой большой шляпѣ, взятой у одного капуцина. Ропотъ воиновъ, отчаяніемъ исторгаемый, доходилъ до него: «Старикъ нашъ — говорили они вслухъ — «выжилъ уже изъ ума: «Богъ вѣсть, куда насъ завелъ!» — Суворовъ спрашивалъ: *что они говорятъ?* — Ему отвѣчали: «вы «слышите сами.» — «Да! — кричалъ онъ: — «*По-амилуй Богъ! они меня хвалятъ; такъ хвалили они «меня въ Туретчину и Польшу.»* — И утомленные солдаты хохотали, забывали свою усталость, радостно повторяли слова Предводителя: *Впередъ! съ нами Богъ! Русское войско побѣдоносно. Ура!* — «*Здѣсь «нѣтъ des belles retirades (*).* — говорилъ Суворовъ улыбаясь, приближеннымъ; — «*разъ въ пропа-«стяхъ.»* — Одно слово *ретирада* приводило его въ гнѣвъ и изступленіе. Окруженный со всѣхъ сторонъ непріателемъ и оставленный союзниками, онъ повторялъ: «не дамъ костей своихъ врагамъ; умру «здѣсь, и изсѣките на камнѣ: *Суворовъ — жертва «измѣны, но не трусости (**).*» — Великій Князь проводилъ съ Фельдмаршаломъ ночи подъ открытымъ небомъ: иногда, въ равнинахъ только, имѣли

(*) *Прекрасныхъ ретирадъ.* См. *Сочиненія Фукса*, стр. 179.

(**) *Сочиненія Фукса*, стр. 88, 124 и 178.

они пристанутъ въ сараи, гдѣ въ лѣтнее время укрываются отъ непогоды пасущіяся стада.

Вытѣсняя Французовъ изъ горныхъ ущелій, обративъ ихъ въ бѣгство, сначала, къ долине Урзернъ, потомъ чрезъ Чертовъ мостъ за мѣстечко Вазенъ, къ Амстегу; занявъ городъ Альтдорфъ, Суворовъ преодолѣлъ съ войскомъ своимъ чрезвычайныя трудности при переходѣ черезъ гору *Колл-бергъ*, высочайшую по Сен-Готардъ. Въ продолженіи этихъ битвъ герою его, Багратионъ и Милорадовичъ, покрыли себя новою славой: послѣдній, найдя въ Амстегѣ сожженный мостъ, полетѣлъ по тлѣвшимъ бревнамъ; спускался на спинѣ съ утесистыхъ горъ.

Армія вступила въ долину Мутенъ. Здѣсь Фельдмаршалъ извѣстился отъ жителей окрестныхъ селеній о печальной участи корпусовъ Римскаго-Корсакова и Фельдмаршала-Лейтенанта Готце. Слѣдуя повелѣніямъ Гофкригсрата, Эрцгерцогъ оставилъ Швейцарію въ то самое время, когда, соединивъ силы свои съ Римскимъ-Корсаковымъ и Готце (кои въ составили бы до ста тысячъ), могъ разбить Массену, имѣвшаго подъ ружьемъ только шестьдесятъ тысячъ. Французскій Генералъ, узнавъ о приближеніи Суворова, рѣшился внезапнымъ нападеніемъ отвратить угрожавшую ему опасность: Готце, храбро обороняясь противъ Сульта, палъ при деревнѣ Шаннисъ героемъ; Римскій-Корсаковъ, распространившій силы свои въ Швейцаріи по случаю удаленія изъ оной Эрцгерцога, былъ, послѣ упорныхъ битвъ (14 и 15 Сент.) окруженъ въ Цирихъ

многочисленнымъ непріятелемъ, не согласился на постыдныя условія и съ десяти тысячнымъ войскомъ, съ 12 орудіями, проложилъ себѣ дорогу штыками къ Эглизау сквозь сорокатысячную армію (*). Жители Швейцаріи не отважились возстать единодушно: нѣсколько тысячъ сражались подъ знаменами Французовъ и не щадили Россіянъ, пришедшихъ защищать ихъ свободу.

У Суворова оставалось менѣе двадцати тысячъ войска, утомленнаго отъ непрестанныхъ сраженій и дальнихъ походовъ, почти безъ патроновъ и пороху: онъ не могъ предпринять наступательныхъ дѣйствій въ открытыхъ равнинахъ противъ Массены, въ трое сильнѣйшаго и, вмѣстѣ съ военнымъ Совѣтомъ, рѣшился идти на Гларисъ горами, открыть себѣ путь оружіемъ. Непріятель нападалъ на Рускихъ днемъ и ночью со всѣхъ сторонъ: въ мокрую, холодную погоду, они должны были подниматься на утесы, покрытые снѣгомъ, проходить по тѣснымъ, болотистымъ дорогамъ, и вправо отъ Глариса вооруженною рукой пробираться къ Коиру. Безпрестанно происходили кровопролитныя сраженія, на которыхъ войны Суворова всегда оставались побѣдителями: подъ Мунталеми Розенбергъ, начальствовавшій нашимъ ар-

(*) Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ, въ послѣдствіи Литовскій Военный Губернаторъ, Генераль отъ Инфантеріи, Членъ Государственнаго Совѣта и кавалеръ орденовъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и Св. Владиміра первой степени, скончался въ С. Петербургѣ 13 Мая 1840 года, на 87 отъ рожденія.
Ч. II.

риергардомъ, заманилъ Массену съ 10 тысячъ. человекъ въ долину, выждалъ, ударилъ съ тремя тысячъ. Рускихъ въ штыки, разбилъ его, обратилъ въ бѣгство до самаго Швица, потопилъ болѣе двухъ тыс. человекъ, взялъ въ плѣнь: Генераль-Квартирмейстера Лекурба, двухъ Шефовъ бригады, одного батальоннаго командира, 13 офицеровъ и 1200 рядовыхъ; отбилъ пять пушекъ (*). За Гларисомъ Князь Багратионъ, командовавшій авангардомъ, подкрѣпленнымъ Генераломъ Дерфельденомъ, стремительно напалъ въ дефилеяхъ на Молитора, опрокинулъ его, положилъ на мѣсть тысячу человекъ, взялъ въ плѣнь: Шефа бригады, 7 офицеровъ, 347 солдатъ, отбилъ двѣ пушки и одно знамя. Наконецъ, послѣ шестнадцатидневнаго побѣдоноснаго странствованія по Альпійскимъ горамъ, Рускіе достигли Хура, откуда выступили чрезъ Маенфельдъ и Бальцеръ въ Фельдкирхенъ.

Въ достопамятный походъ чрезъ Швейцарію неприятель потерялъ: убитыми, Генерала Лягурье, множество офицеровъ и болѣе четырёхъ тысячъ солдатъ; плѣнными, одного Генерала, трехъ Полковниковъ, 37 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и 2778 нижнихъ чиновъ; пушекъ отбито 10, одна мортира и одно знамя. Съ нашей стороны пало 661 чел., ранено 1369, въ томъ числѣ Генераль-Маіоры: Князь Горчаковъ, Князь Багратионъ, Курнаковъ, Харламовъ и Мансуровъ. — Сынъ Суворова, во все время сраженій и

(*) Розенбергъ награжденъ за этотъ знаменитый подвигъ орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

погони, находился при Великомъ Князѣ, который не переставалъ одушевлять войско напоминаніемъ о любви къ Августѣйшему его Родителю. Между тѣмъ Римскій-Корсаковъ разбилъ, при деревнѣ Шлатъ, три дивизіи Французскія: Менара, Лоржа и Гацана; преслѣдовалъ ихъ кавалеріею, прогналъ до рѣки Тура, отбилъ двѣ пушки, положилъ на мѣстѣ до тысячи человекъ, взялъ 50 въ плѣнъ, сосредоточилъ силы свои на правомъ берегу Рейна. Принцъ Конде потерпѣлъ пораженіе при Костницѣ.

Не теряя еще надежды соединиться съ Австрійской арміею и дѣйствовать снова къ освобожденію Швейцаріи, Фельдмаршалъ выступилъ изъ Фельдкирхена къ Линдау, гдѣ получилъ письмо отъ Эрцгерцога Карла, назначавшаго ему свиданіе въ Штокахъ. Ссылаясь на слабость здоровья, Суворовъ просилъ Эрцгерцога сообщить ему письменно виды и предположенія для дальнѣйшихъ дѣйствій, и въ присутствіи Графа Коллоредо (который былъ присланъ съ письмомъ) произнесъ: — *«Эрцгерцогъ Карлъ не при дворѣ, но на войнѣ, такой же Генералъ какъ Суворовъ, кромѣ того, что послѣдній старѣе его по своей опытности.»*—Возникшая между обоими Полководцами переписка не имѣла никакихъ успѣховъ: Эрцгерцогъ настоятельно требовалъ содѣйствія Суворова, не объявляя ему числа войскъ, которыми самъ намѣревался вспомошествовать. Фельдмаршалъ рѣшился перенести главную квартиру въ Аугсбургъ, гдѣ вступилъ въ стольже бесполезные переговоры съ Австрійскимъ Министромъ Княземъ Эстергази. Вскорѣ послѣдовало формальное объявленіе Импера-

тора Павла I, что Онъ прекращаетъ общее дѣло. — «Государь, Братъ мой! — писалъ великодушный Монархъ Россіи къ Императору Францу II — «Вашему Величеству должно уже быть известно о послѣдствіяхъ удаленія изъ Швейцаріи Вашей арміи «подъ начальствомъ Эрцгерцога Карла — совершившагося вопреки всѣхъ причинъ свѣта, по коимъ она оставалась тамъ до соединенія Фельдмаршала «Князя Италійскаго съ Генералъ-Лейтенантомъ Корсаковымъ. Видя войска Мои оставленныя, и такимъ образомъ преданныя непріятелю — политику, противную Моимъ намѣреніямъ, и благосостояніе Европы, принесенное на жертву, имѣя совершенный поводъ къ негодованію на поведеніе Вашего Министерства, коего побужденій не желаю знать, Я объявляю Вашему Величеству съ тѣмъ же чистосердечіемъ, которое заставило Меня летѣть на помощь къ Вамъ и споспѣшествовать успѣхамъ Вашего оружія, что отнынѣ общее дѣло прекращено, дабы не утвердить торжества въ дѣлѣ вредномъ. Пребываемъ съ должнымъ къ Вамъ почтеніемъ и проч. (*)»

Суворовъ получилъ Высочайшее повелѣніе возвратиться въ Россію и, читая въ будущемъ, произнесъ: «Я билъ Французовъ; но не добилъ. Парижъ мой пунктъ — бѣда Европа!» — Признательный къ заслугамъ Государь, возвелъ героя въ почетное достоинство Россійскаго Генералиссимуса 29 Октября 1799 года. «Побѣждая повсюду и во всю жизнь ва-

(*) См. *Исторію Рос. Австр. кампаніи*, ч. 3, стр. 505 и 506.

«шу враговъ Отечества — писалъ къ нему Павелъ I-й — «не доставало вамъ еще одного рода славы: пре-
«одолѣть самую природу; но вы и надъ нею одер-
«жали нынѣ верхъ. Поразивъ еще разъ злодѣевъ
«вѣры, попрали вмѣстѣ съ ними козни сообщниковъ
«ихъ, злобою и завистию противъ васъ вооружен-
«ныхъ. Нынѣ, награждая васъ по мѣрѣ признатель-
«ности Моей, и ставя на вышній степень, чести и
«геройству предоставленный, увѣренъ, что возвожу
«на оный знаменитѣйшаго Полководца сего и дру-
«гихъ вѣковъ.» — *Это много для другаго* — произ-
несъ тогда Императоръ Графу Растопчину — «а Су-
«ворову мало: ему быть Ангеломъ» — и велѣлъ вылить
бронзовую статую его для украшенія столицы, въ
память знаменитыхъ подвиговъ. Императоръ Францъ
II препроводилъ къ Суворову орденъ Маріи Терези
первой степени большого креста, предоставилъ ему
по жизни званіе своего Фельдмаршала и сопряжен-
ное съ онымъ жалованье. Великій Князь Константинъ
Павловичъ за *храбрость и примѣрное мужество* по-
лучилъ отъ своего Августѣйшаго Родителя титулъ
Цесаревича.

Въ Прагѣ Генералиссимусъ провелъ время очень
весело (въ Декабрѣ); завелъ у себя на банкетахъ
святочные игры: фанты, жмурки, жгуты и проч.;
бѣгалъ, мѣшался въ толпѣ подчиненныхъ, съ точно-
стію исполнялъ, что ему назначалось дѣлать, когда
вынимали его фантъ; пустился въ танцы: *люди въ пра-
во, а онъ вълѣво; такую* — какъ изъясняется очевидецъ
Фуксъ — *причинилъ кутерьму, суматоху, штурмъ,
что всѣ скакали, прыгали и сами не знали куда.*

Знатѣйшія Богемскія дамы, Австрійскій Генераль Графъ Беллегардъ, Англійскій Посланникъ при Вѣнскомъ Дворѣ Лордъ Минто и множество иностранцевъ путались въ нашихъ престонародныхъ играхъ. Кто бы подумалъ тогда, что Суворовъ находился у вратъ смерти?

«Князь! — писалъ собственноручно Императоръ къ Суворову 29 Декабря. — «Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, и желая его вамъ благополучно, зову васъ къ себѣ. Не мнѣ тебя, герой, награждать. Ты выше мѣръ Моихъ; но Мнѣ чувствовать сіе и цѣнить въ сердцѣ, отдавая тебѣ должное. Благосклонный Павелъ.»

Славъ команду Генералу Розенбергу Генералиссимусъ простился въ Прагъ съ войсками, горестно и трогательно: солдаты предчувствовали, что не увидятъ болѣе своего водителя къ побѣдамъ!

Въ городъ Нейтитшенъ (въ Моравіи), Суворовъ желалъ поклониться праху Лаудона. Приблизившись къ надгробному памятнику, онъ прочелъ со вниманіемъ Латинскую надпись, въ которой описаны титулъ и заслуги знаменитаго Полководца и произнесъ сопровождавшему его Фуксу (*): «Нѣтъ! «Когда я умру, не дѣлайте на моемъ надгробіи по-

(*) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Егоръ Борисовичъ Фуксъ, Правитель Канцеляріи и неразлучный спутникъ Суворова, управлялъ также военною канцеляріею Князя Кутузова-Смоленскаго въ достопамятнѣйшій 1812 годъ; скончался въ С. Петербургѣ 25 Марта 1829 года.

«хвальной надписи; но скажите просто: *Здѣсь ле-
житъ Суворовъ.*»

Начало болѣзни Генералиссимуса, называемой *фликтеною*, оказалось въ Краковѣ: сыны и водяные пузыри покрыли все тѣло его. Онъ послышалъ въ имѣніе свое Кобрино (*) и тамъ слегъ въ постель, велѣлъ *отыскать аптечку блаженной памяти Екатерины*. — «Она надобна мнѣ только на память» — говорилъ Суворовъ, не любившій лѣкарствъ. Тотчасъ отправлена была съ печальнымъ извѣстіемъ эстафета къ Генераль-Прокурору Обольянинову. Императоръ прислалъ Лейбъ-Медика Вейкарта къ больному. — «Молю Бога — писалъ Онъ къ нему — «да возвратитъ Мнѣ героя Суворова. По прїездѣ вашемъ въ столицу узнаете вы признательность къ вамъ Государя, которая, однакожъ, не сравняется съ вашими великими услугами, оказанными Мнѣ и Государству.» — Суворовъ получилъ облегченіе, началъ выздоравливать и большую часть времени, по случаю наступившаго тогда великаго поста, проводилъ въ молитвахъ, заставлялъ Вейкарта участвовать въ нихъ три раза въ день, бить земные поклоны, употреблять самую строгую постную пищу, не смотря на отговорки; велѣлъ ему говорить по Руски, хотя онъ съ трудностію изъяснялся на нашемъ языкѣ; продолжалъ въ церкви пѣть съ пѣвчими, сердился когда они не согласовались съ нимъ, читалъ Апостоль съ великимъ напряженіемъ голоса, безпрестанно перебѣгалъ съ одного клироса на другой или

(*) Нынѣ уздвный городъ Гродненской губерніи.

въ алтарь и молился мѣстнымъ образамъ. Иногда герой предавался мечтаніямъ о новой кампаніи, дѣловалъ отвѣты на письма знаменитыхъ особъ Европы, разговаривалъ о приготовленіяхъ, которыя дѣлались къ торжественному въезду его въ С. Петербургъ.

Наконецъ Докторъ позволилъ ему отправиться въ дорогу съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ сутки не болѣе двадцати пяти верстъ, о чемъ донесено Государю. Передъ отъѣздомъ Генералиссимусъ спросилъ: *не забылъ ли кого наградить?* Онъ не могъ уже путешествовать по своему обыкновенію, ѣхалъ не въ кибиткѣ, а въ дормезѣ, лежа на перинѣ и въ сопровожденіи врачей; на пути получалъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ Государь изъявлялъ величайшую радость, что *вскорѣ обниметъ героя съхватъ въ когти, Суворова.* При выѣздѣ изъ Вильно, болѣзнь его вдругъ усилилась: великій Полководецъ остановился въ бѣдной хижинѣ, легъ на лавку и, прикрытый полотномъ, съ тяжелыми вздохами произносилъ: *«за что страдаю?»* — Въ Ригѣ собравшись съ силами, онъ надѣлъ въ первый день Пасхи свой Фельдмаршальскій мундиръ, всѣ знаки почестей, слушалъ Божественную Литургію и разговѣлся у Губернатора. — *«Ахъ! старъ я сталъ!»* — повторялъ Суворовъ во время двухнедѣльнаго путешествія своего отъ Риги до С. Петербурга. Народъ вездѣ толпился съ нетерпѣливымъ любопытствомъ взглянуть на непобѣдимаго вождя. Въ Стрѣльнѣ дормезъ его былъ окруженъ многими жителями столицы, выѣхавшими къ нему на встрѣчу: дамы и дѣти

подносили фрукты и цветы; слабымъ, болѣзненнымъ голосомъ благодарилъ онъ ихъ, и съ умилениемъ благословлялъ дѣтей. Избѣгая уже всѣхъ почестей, Генералиссимусъ желалъ въѣхать въ Петербургъ вечеромъ; приближился, 20 Апрѣля, къ триумфальнымъ воротамъ въ десять часовъ: поднялся шлагбаумъ, солдаты выступили въ рядъ безъ ружей. Въ Зимнемъ Дворцѣ были приготовлены для него комнаты; Суворовъ остановился въ домъ своего племянника Графа Дмитрія Ивановича Хвостова (*), гдѣ отъ увеличившейся болѣзни слегъ въ постель. На другой день явился къ нему Вице-Канцлеръ Графъ Растопчинъ съ собственноручнымъ рескриптомъ Лудовика XVIII, при которомъ Король Французскій препроводилъ къ нему орденъ Св. Лазаря. Суворовъ лежалъ въ совершенномъ разслабленіи; долго не могъ понять, зачѣмъ Растопчинъ пріѣхалъ; наконецъ велѣлъ прочесть письмо, взялъ орденъ, заплакалъ, спросилъ о мѣстѣ изъ котораго онъ присланъ, и съ ироническою улыбкой сказалъ: «*Такъ «ли прочитали? Французскій Король долженъ быть «въ Парижѣ, а не въ Митавѣ.»*» — Не задолго передъ тѣмъ, Курфирстъ Баварскій Максимилианъ-Иосифъ прислалъ Суворову орденъ Св. Губерта (**).

(*) На Екатерининскомъ каналѣ, близъ церкви Св. Николая. Этотъ домъ принадлежалъ потомъ Г. Болотникову.

(**) Суворовъ, кромѣ орденовъ: Австр. Маріи Терезіи, Прусскихъ, Сардинскихъ, Французскаго и Баварскаго, имѣлъ еще Польскіе: Бѣлаго Орла и Св. Станислава; желалъ получить орденъ *Подвязки* и намекалъ о томъ посредствомъ спущеннаго чулка, Англійскому Послу.

Онъ уже обѣдалъ не въ семь часовъ утра, а во второмъ по полудни; спать не на сѣнѣ; часто вставалъ съ постели, садился въ большія кресла, въ которыхъ возили его по комнатамъ; продолжалъ, для препровожденія времени, заниматься Турецкимъ языкомъ; сохранилъ въ памяти все подробности о походахъ противъ Поляковъ и Турокъ и забывалъ названія покоренныхъ имъ городовъ и крѣпостей въ послѣднюю кампанію, также имена Генераловъ, надъ которыми одержалъ свѣжія, блистательныя победы. «*Для чего — говорилъ Суворовъ — не умеръ я на поляхъ Италіи!*»

Тщетны были старанія искусвѣйшихъ врачей; болѣзнь день ото дня усиливалась и смерть приближалась скорыми шагами. Однажды вошелъ къ больному племянникъ его и сказалъ ему: «До васъ есть дѣло.» — Окинувъ его быстрымъ взглядомъ, Суворовъ отвѣчалъ твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ: «*Дѣло? я готовъ!*» — Но узнавши, что Баронъ Бюллеръ желалъ получить изъ рукъ его Баварскій орденъ Золотаго Льва, опустилъ голову на подушку и слабо, едва внятыми словами, произнесъ: «*хорошо; пусть войдетъ (*).*»

Уговорили Суворова исповѣдаться и причаститься Св. Тайнъ. Онъ исполнилъ послѣдній долгъ,

(*) Баронъ Бюллеръ, Чрезвычайный Россійскій Посланникъ и Полномочный Министръ въ Минхенъ, въ послѣдствіи Сенаторъ, награжденъ этимъ орденомъ по предствательству Суворова.

как истинный христианинъ, простился съ окружающими одръ его. Наступила ночь: въ безпамятствѣ, умиравшій произносилъ слабымъ голосомъ разныя приказанія, какъ бы находясь съ военачальниками въ главной квартирѣ, твердилъ о Генуѣ, о новыхъ своихъ военныхъ планахъ. Бредъ продолжался и утромъ — наконецъ Суворовъ умолкъ — и навсегда 6 Мая 1800 года, во второмъ часу по полудни, на 72 году своей жизни.

Огорченный смертію Генералиссимуса, Императоръ послалъ своего Генераль-Адъютанта утѣшить родственниковъ и объявить имъ, что *Онъ наравнѣ съ Россіею и съ ними раздѣляетъ скорбь о потерѣ великаго человека.* Великолѣпный гробъ былъ поставленъ въ богато-убранной залѣ, гдѣ въ продолженіе семи дней жители столицы орошали слезами признательности бранные останки.

Въ назначенный день, вельможи, чиновники и всѣ сословія двинулись къ Александроневской Лаврѣ. Императоръ, окруженный блистательною свитой, ожидалъ печальное шествіе у Публичной Библіотеки, и, по приближеніи гроба, снялъ шляпу, низко и почтительно поклонился праху знаменитаго мужа, который прославилъ Его царствованіе. У монастырскихъ воротъ высокій балдахинъ затруднилъ входъ дрогамъ; уже хотѣли снимать его, какъ одинъ унтеръ-офицеръ, находившійся во всѣхъ походахъ съ Суворовымъ, вскрикнулъ: «Оставьте! Онъ пройдетъ, какъ и вездѣ проходилъ.» — Двинулись — и гробъ проѣхалъ благополучно.

Останки Генералиссимуса покоятся въ церкви Св. Благовѣщенія. Долго простая, но краснорѣчивая надпись: *Здѣсь лежитъ Суворовъ* — украшала мѣсто его погребенія. — Въ 1826 году нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, въ честь непобѣдимому Полководцу и для возбужденія въ молодыхъ воинахъ воспоминанія о безсмертныхъ подвигахъ, Высочайше повелѣть соизволилъ (17 Авг.) именоваться впредь Фанагорійскому гренадерскому полку (съ которымъ Суворовъ взялъ Измаилъ, разбилъ при Рымникѣ Визиря) *гренадерскимъ Генералиссимуса Князя Суворова-Италійскаго полкомъ.*

Князь Александръ Васильевичъ Италійскій, Графъ Суворовъ-Рымникскій, средняго роста, взлизистый, сухошавый, имѣлъ лице покрытое морщинами, большой ротъ, взглядъ быстрый и часто грозный, волосы сѣдые какъ лунъ; былъ жестокъ и сострадатемень, гордъ и доступенъ, снисходителемень и склоненъ къ насмѣшкамъ; скоръ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ: никогда не ходилъ, а бѣгалъ; не ѣздилъ верхомъ — скакалъ; одаренъ счастливою памятью: въ Турціи выучился по Турецки, въ Польшѣ по Польски, въ Финляндіи по Чухонски. Воспитанный среди битвъ, получивъ всѣ высшіе чины и знаки отличія на бранномъ полѣ, онъ жилъ въ арміи какъ простой солдатъ, употреблялъ суровую пищу, хлѣбалъ солдатскія щи и кашницу, спалъ на соломѣ; часто являлся въ лагерь въ одной рубашкѣ или солдатской курткѣ, иногда въ изодранномъ *родительскомъ* плащѣ, съ опущенными чулками и въ старыхъ сапогахъ; былъ доволенъ когда его не узнавали; ѣздилъ на несѣд-

ланной козацкой лошади и по утру, до зари, пьлъ три раза вътухомъ, пробуждая такимъ образомъ войско; при Дворѣ боялся скользяго паркета, перебѣгалъ изъ угла въ уголъ; былъ неловокъ въ обращеніи съ женщинами, говорилъ: «*отъ насъ мы поте-рѣли рай!*» — дышалъ лишь славолюбіемъ. Онъ ложился спать въ шесть часовъ вечера, вставалъ въ два часа по полуночи, купался или окачивался холодною водою, обѣдалъ утромъ въ семь часовъ. Камердинеръ *Прошка* уполномоченъ былъ отнимать у него тарелку съ кушаньемъ и на вопросъ: *по чьему приказанію онъ это дѣлаетъ?* отвѣчалъ: «по приказанію Фельдмаршала Суворова.» — «*Ему должно по-виноваться*» — говорилъ Суворовъ (*).

Императрица Екатерина II, узнавъ, что Графъ Римшикскій ѣздитъ и ходитъ въ трескучіе морозы въ одномъ мундирѣ, подарила ему черную соболью шубу. Суворовъ принялъ съ должнымъ благоговѣніемъ даръ Монархини, возилъ его съ собою на колѣнахъ; *но никогда не дерзилъ* — какъ изъяснялся — *возлагать на грѣшное свое тѣло.* — Выпарившись въ банѣ, онъ бросался въ рѣку или въ снѣгъ и, между тѣмъ, переносилъ въ горнищѣ ужасную теплоту. Од-

(*) Этому *Прошкѣ*, всегда пьяному, дерзкому, грубившему господину, Король Сардинскій Карль Еммануль прислалъ двѣ медали, на зеленыхъ лентахъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Императора Павла I, на другой своего портрета, съ Латинскою надписью: *за сбереженіе здоровья Суворова.* Послѣдній сниско-диль ему потому, что онъ нѣкогда спасъ его жизнь.

нажды Правитель его канцеляріи Фуксъ закапаль потомъ донесеніе, которое докладываль Суворову: «Вотъ, Ваше Сіятельство—скаваль онъ ему — «я не виновать, а ваша Этна» — указавъ на печь. — «Ничего, ничего — отвѣчалъ Суворовъ; — «въ Петербургъ скажутъ, или, что ты до поту лица работаешь, или что я окропиль эту бумагу слезою. Ты потливъ, а я слезливъ.» — Въ другое время Австрійскій Генераль-Квартирмейстеръ Цахъ до того распалился въ кабинетъ его, что снялъ съ себя галстукъ и мундиръ. Фельдмаршалъ бросился его цѣловать, произнеся: «Люблю кто со мною обходится безъ фасоновъ.» — «Помилуйте — вскрикнулъ Цахъ — «здесь можно сгорѣть!» — «Что дѣлать! — возразилъ Суворовъ. — «Ремесло наше такое, чтобъ быть всегда близъ огня, а потому я и здесь отъ него не отвѣкаю.»

Суворовъ презираль роскошь, не терпѣль лести, любилъ давать милостыню; но здоровому нищему дарилъ топоръ; говоря: *Руби дрова; не умрешь съ голodu*; присылаль нѣсколько лѣтъ сряду въ С. Петербургскую тюрьму, отъ неизвѣстнаго, по десяти тысячъ рублей на искупленіе содержащихся за долги (*); отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ; примѣрнымъ безстрашіемъ и самоотверженіемъ; во всю жизнь поражаль непріятеля многочисленнаго меньшими силами; былъ любимъ, боготворимъ войскомъ; наказываль солдатъ, за неисправность, отечески; офице-

(*) *Собраніе разныхъ сочиненій Фукса, С. Петерб., 1827 г., стр. 130.*

ровъ арестами — никого не погубилъ: только одинъ разъ въ жизнь свою вынужденъ онъ былъ удалить Полковника, присвоившаго себѣ солдатскія артельныя деньги, но и тутъ велѣлъ написать просто, что онъ увольняется за *немогузнайство*. Генералы Дерфельденъ, Розенбергъ, Меласъ и другіе обращались съ нимъ съ нѣкоторою боязнію, страшась его насмѣшекъ. Отличаясь благочестіемъ, часто кричалъ онъ своимъ воннамъ: *Начало премудрости есть страхъ Господень*; умѣлъ бесѣдовать съ ними въ ихъ вкусъ, слогъ, языкъ. Солдаты отзывались: «Нашъ Суворовъ съ нами въ побѣдахъ и вездѣ въ паю, только не въ добычѣ, она вся наша. Онъ не спитъ, когда мы спимъ; не ѣстъ, когда насъ угощаетъ, и еще въ жизни своей ни одного дѣла не проспалъ.»

Тактика Суворова состояла въ трехъ словахъ: *Быстрота, глазомъръ, натискъ*. Пѣхота его дѣйствовала штыками, конница саблями. «*Ошибки великихъ Полководцевъ поучительны* — говорилъ онъ. — «*За ученаго дадутъ трехъ неученыхъ. Намъ мало трехъ! Давай намъ шесть, давай намъ десять на одного...*» *всѣхъ побьемъ, повалимъ, въ полкъ возьмемъ. Береги пулю на три дни, а иногда и на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять. Стрѣлай рѣдко да мѣтко — штыкомъ коли крѣпко. Пуля обмишуются, а штыкъ не обмишуются; пуля дура, штыкъ молодецъ.*» — Въ Рымникскомъ сраженіи, замѣтивъ ужасныя лица Янычаръ, Суворовъ тотчасъ приказалъ солдатамъ: *не смотрѣть бусурманамъ въ лице, а колоть ихъ прямо въ грудь.*

Онъ не терпѣлъ *ретирады* и оборонительной войны. «Словъ: *ретирада* (которое произносилъ всегда зажмурясь и съ насмѣшливымъ протяженіемъ), «де-«*факсимъ* въ моемъ Словарѣ нѣтъ» — повторялъ Суворовъ.—Генераль Меласъ, называвшій его *Генераломъ впередъ* и которому нашъ Полководецъ сказалъ: «Правда, *впередъ!* но иногда оглядываюсь и *назадъ*, «не съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ бѣжать, но чтобъ «напасть,» — тѣснимый подлѣ Требію Французами, прислалъ къ нему за повелѣніемъ: «куда отступать?» — «*Въ Піаченцу*» — отвѣчалъ Суворовъ, приказавъ, такимъ образомъ, разбить непріятеля и обратитъ его въ бѣгство (*).

«Непріятель думаетъ, что ты за сто, за двѣсти верстъ — говорилъ Генералиссимусъ — «а ты, удвоивъ, утроивъ шагъ богатырскій, нагрянь на него *быстро, внезапно*. Непріятель поестъ, гуляетъ, ждетъ тебя съ чистаго поля, а ты изъ за горъ крутыхъ, изъ за льсовъ дремучихъ малети на него, какъ стрѣла на голову; рази, стѣсни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться: кто испуганъ, тотъ побѣжденъ въ половину; у страха глаза большіе, одинъ за десятирыхъ покажется. Будь прозорливъ, остороженъ, имѣй цель опредѣленную. Возьми себѣ въ образецъ героя древнихъ временъ, наблюдай его, иди за нимъ въ слѣдъ, поровняйся, обгони — слава тебѣ! Я выбралъ Кесаря. Альпійскія горы за нами — Богъ передъ нами: ура! Орлы Рускіе облетѣли орловъ Римскихъ!»

(*) Суворовъ называлъ Меласа: *Папа Меласъ, Haute Excellence.*

Все Русское было близко къ сердцу Суворова; любя родину, онъ часто повторялъ: «*Горжусь, что я Россіянинъ!*» — Подражавшихъ Французамъ въ выговоръ и ухваткахъ спрашивалъ: «*Давно ли изволили получить письма изъ Парижа отъ родныхъ?*» Итальянскія простонародныя пѣсни чрезвычайно нравились ему, сходствуя нѣсколько съ Рускими, особливо когда Итальянецъ поетъ вдали, въ чистомъ полѣ. Онъ переписывался съ Державинымъ и Костровымъ: первый воспѣлъ его знаменитые подвиги въ безсмертныхъ стихахъ; Костровъ посвятилъ ему переводъ свой *Оссіана*. Книга эта была любимымъ его чтеніемъ (*); онъ бралъ ее во всѣхъ походахъ. «*Оссіанъ, мой сопутникъ, — говорилъ Суворовъ — меня воспаменяетъ; я вижу Фингала, въ туманъ, на высокой скалѣ сидящаго, слышу слова его: «Оскаръ, одолъвай силу въ оружіи; щади слабую руку. «Честь и слава пѣвцамъ! Они мужаютъ насъ и дѣлаютъ творцами общихъ благъ.»* — Но съ умомъ образованнымъ, съ начитанностію, Суворовъ имѣлъ предрасудки: не терпѣлъ, чтобъ за столомъ его брали соль ножомъ изъ солонки; двигали ее съ мѣста или ему подавали: каждый долженъ былъ отсыпывать себѣ на скатерть соли сколько ему угодно и тому подобное.

Екатерина Великая, желая вывести Потемкина изъ ошибочнаго его мнѣнія объ умѣ Суворова, посоветовала ему подслушать ихъ разговоръ изъ со-

(*) И Наполеонъ любилъ читать *Оссіана*, котораго перевелъ на Французскій языкъ Бауръ-Лорміанъ.

сѣдней комнаты. Удивленный необыкновенным остроуміемъ и глубокомысліемъ Рымникскаго, Князь Тавричeskій упрекнулъ его зачѣмъ онъ съ нимъ не бесѣдуетъ такимъ образомъ. — «*Съ Царями у меня другой языкъ*» — отвѣчалъ Суворовъ. Прокаившая въ обществахъ и передъ войскомъ, онъ въ кабинетѣ диктовалъ диспозиціи къ сраженіямъ, взвѣшивалъ въ умѣ своею силы непріятельскія, назначалъ позиціи полкамъ, предписывалъ имъ новыя дѣйствія, чертилъ самъ планы или поправлялъ ошибки искуснѣйшихъ своихъ Генераль-Квартирмейстеровъ, Шателера и Цаха, которые за то не сердились, но изумлялись и благодарили его.

Упомянувъ о корыстолюбіи Массены, Суворовъ присовокуплялъ: «*Не помѣстятъ въ тѣсномъ гробѣ «его заграбленные имъ и кровію обогранные милліоны!»* — О Морю отзывался: «*Онъ меня, съдаго старика, нѣсколько понимаетъ; но я его больше. Горжусь, что имѣлъ дѣло съ славнымъ человѣкомъ!*» — Румянцова называлъ своимъ учителемъ; Петра Великаго первымъ Полководцемъ своего вѣка. «*Милкіе «мои о Государь — прибавлялъ онъ — и Графъ «Петръ Александровичъ (*) удостоилъ одобрить.»*

Однажды, разговаривая о самомъ себѣ, Суворовъ сказалъ окружающимъ его: «*Хотите ли меня знать? Я вамъ себя раскрою: меня хвалили Цари, любили воины, друзья мнѣ удивлялись, ненавистники меня носили, при Дворѣ надо мною смѣялись. Я бывалъ*

(*) Румянцовъ—Задубайскій.

«при Дворь; но не придворнымъ, а Эзопамъ, Лафонтеномъ: шутками и зѣвринымъ языкомъ говорилъ правду. Подобно шуту Балакиреву, который былъ при Петрѣ Первомъ и благодѣлствовалъ Россіи, кривлялся я и корчился. Я пльз пльухомъ, пробуждалъ сонливыхъ, утамялъ буйныхъ вразомъ Отечества. Если бы я былъ Кесарь, то старался бы имѣть всю благородную гордость души его; но всегда чуждался бы его пороковъ (*).» — Въ другое время, когда живописецъ Миллеръ явился къ нему въ Прагъ (1799 г.) отъ Курфирста Саксонскаго, Суворовъ привѣтствовалъ художника: «Ваша кисть изобразить черты лица моего; онъ видны; но внутреннее челоучество мое сокрыто. И такъ скажу вамъ, любезный господинъ Миллеръ, что я проливалъ кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближняго, во всю жизнь мою никого не сдѣлалъ несчастнымъ; ни одного приговора на смертную казнь не подписывалъ; ни одно живое существо не погибло отъ руки моей. Былъ малъ, былъ великъ (тутъ вскочилъ на стулъ); при призывѣ и отливѣ счастья уповалъ на Бога и былъ непоколебимъ (сѣлъ на стулъ), какъ и теперь (**).» — Онъ умолкъ и сидѣлъ неподвижно. Восхищенный Миллеръ написалъ прекрасный портретъ, хранящійся въ Дрезденскомъ Музеумъ.

«Суворовъ — передалъ намъ Генералъ Дерфельденъ, тридцатипятилѣтній спутникъ его — «пробъ-

(*) См. *Анекдоты Князя Италійскаго*, изданъ Фуксомъ, стр. 80.

(**) См. *Собраніе разныхъ сочиненій Фукса*, стр. 136.

«жалъ обширное поле Исторіи всѣхъ вѣковъ; со вниманіемъ читалъ, слушалъ біографіи великихъ мужей; хвалилъ примѣры ихъ величія; но для своей славы проложилъ новую, дотоле неизвѣстную тропу. Не имѣя сановитости и дара слова Румянцова, «милліоновъ Потемкина и одаренный отъ природы «не видною наружностію, онъ началъ играть ролю, «ни отъ кого не заимствованную, а самимъ имъ для «себя сотворенную и выдержалъ ее во всѣхъ превратностяхъ долговременной жизни: былъ героемъ «и казался чудакомъ.»

Графъ Сегюръ справедливо замѣчаетъ въ своихъ *Запискахъ* (*): что Суворовъ прикрывалъ блестящія достоинства странностями, желая избавить себя отъ преслѣдованія сильныхъ завистниковъ.

Потемкинъ говорилъ объ немъ: «Суворова никто не *пересуворитъ*.»

Моро отзывался о Суворовѣ: «что никто лучше «его не умѣлъ одушевлять войскъ, не соединялъ «въ высшей степени качествъ военачальника; что «главные его подвиги въ Италиі: сраженія при Новіи и при Требин, особенно маршъ на Требію, «который есть совершенство въ военномъ искусствѣ (**).»

Въ числѣ почитателей Князя Италійскаго находился безсмертный Нельсонъ, который писалъ къ нему:

(*) Т. 3, р. 57.

(**) См. *Записки о походѣ 1813 года*, соч. Сенатора Михайловскаго—Данилевскаго, втор. изд. стр. 296.

«Нѣтъ въ Европѣ челоуѣка, любящаго васъ такъ какъ «я не за одни великіе подвиги, но и за презрѣніе къ «богатству. Горжусь тѣмъ, что по увѣренію издавшаго васъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, имѣю «сходство съ вами ростомъ, видомъ и хватками.»

Князь Александръ Васильевичъ былъ женатъ на дочери Генералъ - Аншефа Князя Ивана Андреевича Прозоровскаго, Княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ, отъ которой имѣлъ дочь, Княжну Наталью Александровну, вышедшую за Оберъ-Шталмейстера Графа Николая Александровича Зубова и сына, Князя Аркадія Александровича: онъ подавалъ большія надежды, но преждевременно лишился жизни въ волнахъ *Рымника*.

30-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЬ

САЛТЫКОВЪ.

=

Князь Николай Ивановичъ Салтыковъ, сынъ Генералъ-Аншефа Ивана Алексѣевича, внучатнаго племянника Императрицы Анны Иоанновны, которой родительница, Царица Параскевія Феодоровна, была изъ дома Салтыковыхъ — родился 31 Октября 1736 года. Не смотря на знатное свое происхожденіе, онъ вступилъ въ службу рядовымъ лейбъ-гвардіи Семёновскаго полка въ то самое время, какъ Императрица Елисавета отправила (въ 1747 г.) тридцатисемь-тысячный корпусъ на Рейнъ въ пособіе Маріи Терезіи, чрезъ что содѣйствовала къ заключенію Ахенскаго мира. Салтыковъ находился въ этомъ корпусѣ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ подъ главнымъ начальствомъ Генералъ - Фельдцейхмейстера Князя

Рис. П. Улановъ.

Князь Николай Ивановичъ

САЛТЫКОВЪ.

Литограф. М. Тюдема

Василія Анникитича Репнина. Потомъ участвовалъ онъ въ побѣдахъ Россіянъ въ Пруссіи; былъ присланъ въ С. Петербургъ съ донесеніемъ Главнокомандовавшаго о знаменитой битвѣ Франкфуртской, одержанной, 1 Августа 1759 года, надъ Фридрихомъ Великимъ; произведенъ въ Полковники; сражался, подъ знаменами Румянцова, при взятіи Колберга въ 1761 году; пожалованъ въ Генераль-Маіоры Императоромъ Петромъ III, и, вслѣдъ за тѣмъ, съ 1763 по 1768 годъ предводительствовалъ попеременно Россійскимъ войскомъ въ Польшу, гдѣ приобрѣлъ общую къ себѣ любовь и уваженіе; содѣйствовалъ взятію Хотина Княземъ Голицынымъ 10 Сентября 1769 года; но принужденъ былъ оставить армію въ слѣдующемъ году, по причинѣ разстроенаго здоровья.

Императрица Екатерина II удостоила особенныхъ наградъ толь дѣятельную службу: пожаловала Николаю Ивановичу въ 1766 году орденъ Св. Анны; въ 1768 чинъ Генераль-Поручика; въ 1769 орденъ Св. Александра Невскаго. Отправясь въ чужіе края, былъ онъ на Пирмонтскихъ и Ахенскихъ водахъ, провелъ нѣкоторое время при Дворѣ Фридриха II и одну зиму въ Парижѣ. Путешествіе его продолжалось три года, но не уменьшило къ нему благоволенія Императрицы, которая произвела Николая Ивановича, въ 1773 году, Генераль-Аншефомъ и Вице-Президентомъ Военной Коллегіи; повелѣла ему находиться при Наслѣдникѣ Престола, вмѣсто Графа Никиты Ивановича Панина, управлявшаго тогда Департаментомъ Иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ почет-

номъ званіи сопутствовалъ онъ Великому Князю въ Берлинъ, 1776 года, во время обрученія его съ племянницею Короля Прусскаго, Принцессою Виртембергъ-Штутгартскою, бывшею потомъ Императрицею Марією Фёдоровною; находился при Павлѣ Петровичѣ, когда онъ путешествовалъ въ чужихъ краяхъ подъ именемъ *Свернаго Графа* — и оставилъ его, въ 1783 году, для того только, чтобы совершенно посвятить себя воспитанію двухъ Великихъ Князей: Александра Павловича и Константина Павловича.

Важное порученіе Монархини, руководимой мудростію и нѣжною любовью ко Внукамъ — служить лучшимъ свидѣтельствомъ достоинствъ и добродѣтели Николая Ивановича, пріобрѣтшихъ ему толь лестное довѣріе. Нельзя равнодушно читать письма, которыми удостоилъ его въ то время Наслѣдникъ Престола. Мѣсто Самтыкова заступилъ Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ. — «Я его не знаю никакъ — писалъ Великій Князь Павелъ Петровичъ — «а слышалъ всегда, какъ о честномъ человѣкѣ. Признаюсь, что мнѣ разставаться съ тобою трудно, въ чемъ хотя и утѣшенъ былъ отъ зывомъ, что сіе не разлука, и что ты всегда въ сношеніи съ нами останешься; но не меньше дружкой, а не ты у насъ.» — Далѣе: «Дружба моя заставляла меня тебѣ о семъ писать; теперь узналъ я, что тебя прямо люблю: ибо первыя двѣ о семъ «экспликаціи (съ Императрицею), да и дни не безъ слезъ прошли. Ты мнѣ позволишь о себѣ сожалѣть» — и проч. Государыня продолжала, между тѣмъ, отличать заслуги Николая Ивановича: возложила на него,

24 Ноября 1782 г., орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, произвела потомъ Генераль-Адъютантомъ, Подполковникомъ лейбъ-гвардіи Семёновскаго полка, Сенаторомъ, Членомъ Государственнаго Совѣта и повелѣла, въ 1788 году, управлять Военнымъ Департаментомъ. При заключеніи мира съ Швеціею, 1790 года, Николай Ивановичъ получилъ Графское достоинство, а по случаю примиренія съ Портою Оттоманскою, 1791 г., пять тысячъ крестьянъ въ новопріобрѣтенной Польшѣ. Сверхъ сего, за воспитаніе Великихъ Князей пожаловано ему: сто тысячъ рублей единовременно, двадцать пять тысячъ годоваго пенсіона, домъ въ С. Петербургѣ и серебряный сервизъ.

Вступивъ на Престолъ, Императоръ Павелъ I-й возвелъ Графа Салтыкова, 8 Ноября 1796 года, въ почетное достоинство Генераль-Фельдмаршала; повелѣлъ быть Президентомъ Военной Коллегіи; Поручикомъ и Гофмейстеромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго (въ 1799 году); наконецъ Старшиною Греческаго Пріорства. Не менѣе Графъ Николай Ивановичъ облагодѣтельствованъ былъ Императоромъ Александромъ, который: въ день коронованія пожаловалъ ему Свой портретъ, алмазами украшенный; въ первую войну съ Наполеономъ, ввѣрилъ управленіе Комитета, учрежденнаго (въ 1806 г.) земскаго войска; въ достопамятный 1812 годъ наименовалъ его Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Гг. Министровъ. Въ этомъ званіи оставался онъ четыре года, до возвращенія въ С. Петербургъ Государя Императора; возведенъ 30 Ав-

густа 1814 года, въ потомственное достоинство Россійскаго Князя; Высочайшимъ Приказомъ, даннымъ тогожь числа, велѣно находится при немъ Офицерскому караулу. Кроме всѣхъ Россійскихъ орденовъ, имѣлъ онъ (исключая Св. Георгія, учрежденнаго по оставленіи Салтыковымъ военной службы): Польскій Бѣлаго Орла и Французскіе: Кармелитской Богородицы и Св. Лазаря.

Въ концѣ 1815 года у Князя Салтыкова открылась водяная болѣзнь, къ которой присоединился потомъ антоновъ огонь въ ногахъ. Сильныя страданія не поколебали твердости духа маститаго старца, посядѣвшаго въ подвигахъ добродѣтели. Вѣра сопутствовала ему въ другую жизнь: онъ успокаивалъ родныхъ своихъ и приближенныхъ и за нѣсколько минутъ до кончины, благословилъ воспитанника, друга, Монарха своего, который неоднократно посещалъ страдальца. Не въ состояніи будучи изъяснить чувствъ сердечныхъ, умиравшій вѣрноподданный прижалъ руку Цареву къ едва бьющемуся сердцу и возведя взоръ свой къ Небу — казалось, испрашивалъ Ему благость Всевышняго. 16 Мая 1816 года, кончилъ онъ многотрудное поприще свое, на восьмидесятомъ году жизни, и на шестьдесятъ восьмомъ служенія Отечеству.

Не смотря на высокій санъ свой, Князь Николай Ивановичъ былъ доступенъ для всякаго, пріѣтливъ въ обхожденіи, снисходителенъ къ недостаткамъ другихъ, и будучи истинный ценитель достоинствъ, не оскорблялъ никого недоувѣрчивостію безъ основательной причины. Дѣлать добро — было

священнымъ для него закономъ и удовольствіемъ; наказывать — огорченіемъ. Никогда бѣдный, требовавшій помощи, не выходилъ изъ его дома, безъ пособія. Съ веселымъ, кроткимъ нравомъ, умѣлъ онъ скрывать скорбь свою въ глубинѣ сердца, чтобы видомъ даже не огорчать людей, къ нему отверженныхъ. Когда въ 1812 году, 7 Сентября, пришли объявить ему кончину супруги его, съ которою онъ жилъ пятьдесятъ лѣтъ въ совершенномъ согласіи, почти безразлично: нашли истиннаго Христіанина стоявшаго на колынахъ предъ образомъ Спасителя. «Боже! — взывалъ онъ тогда къ Всевышнему: — «Ты соединилъ насъ на земли, не «разлучи и на небесахъ, и какой ударъ ни пошлешь «на меня — вѣра моя къ Тебѣ не ослабнетъ.» — Озаренный чистѣйшимъ ученіемъ, онъ не приступалъ къ ежедневнымъ занятіямъ, не призывая на помощь Всевышняго, и вставая очень рано, посвящалъ молитвѣ болѣе часа; но и въ эту минуту, когда всѣмъ сердцемъ и душою предавался онъ Богу, всякій, имѣющій до него нужду, могъ прерывать его занятія — и почтенный старецъ, исполненный долговъ челоуколюбія, обращался снова къ молитвѣ (*).

(*) Извлечено изъ *Записокъ о жизни Князя Н. И. Салтыкова*, издан. въ 1818 году Павломъ Петровичемъ Свинынымъ, въ С. Петербургѣ, на 122 страницахъ.

31-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

РЕПНИНЪ.

=

Князь Николай Васильевич Репнинъ, сынъ Генералъ-Фельдцейхмейстера Князя Василя Аникитича (*) и внукъ Генералъ-Фельдмаршала Князя Аникиты Ивановича, родился 11 Марта 1734 года; получилъ первоначальное образованіе въ домъ родительскомъ подъ особеннымъ надзоромъ и попеченіемъ матери своей; въ службу записанъ солдатомъ,

(*) Князь Василій Аникитичъ Репнинъ, ученикъ знаменитаго Принца Евгенія (которому былъ рекомендованъ Петромъ Великимъ), служилъ волонтеромъ при завоеваніи Цесарцами Бѣлграда (1717 г.); сражался подъ знаменами Фельдмаршала Графа Минниха (съ 1736 — 1739 г.); награжденъ: чинами, Генералъ - Маіора

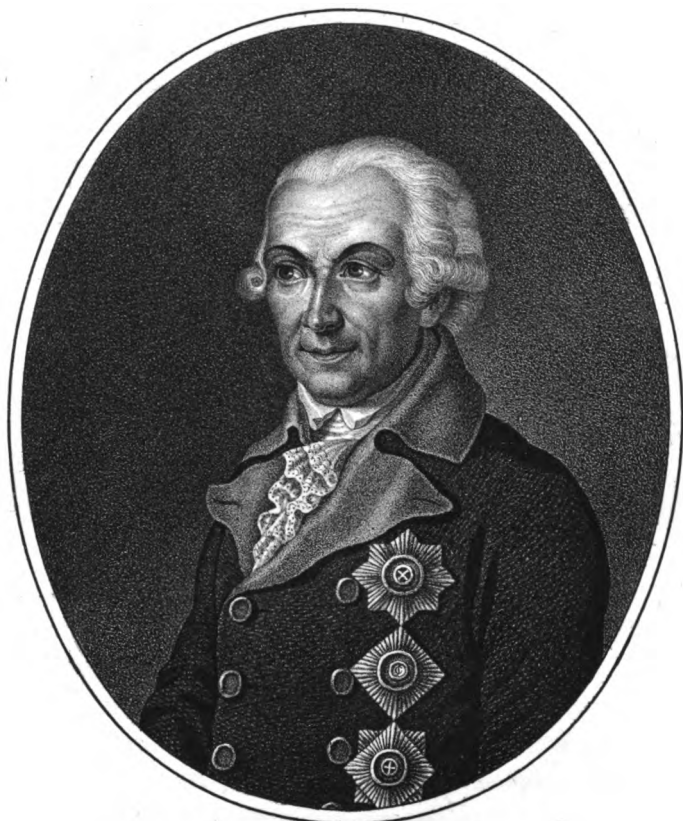

Рис. М. Ивановъ.

Генязо Николай Васильевичъ

РЕШИНЪ.

Авторъ М. Пюлева

1745 года, лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ и на пятнадцатомъ году отъ рожденія участвовалъ уже въ славномъ походѣ отца своего на Рейнъ, будучи Сержантомъ. Тогда понесъ онъ чувствительную потерю, оставшись сиротою, вдали отъ родины; но Императрица Елисавета Петровна поручила Канцлеру Графу Бестужеву-Рюмину снабдить его въ своемъ покровительствѣ и, въ ознаменованіе онаго,

(1737); Генераль-Лейтенанта (1740); орденомъ Св. Александра Невского (1741 г.) пожалованъ Генераль-Аншефомъ (1744 г.) за разграниченіе земель въ Финляндіи и Карелии; возведенъ въ достоинство Генераль-Фельдцейхмейстера съ званіями Генераль-Адъютанта и Шефа сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса (1745 г.); вступилъ (1748 г.) въ Франконію съ тридцати-семи-тысячнымъ корпусомъ, не смотря на сдѣланное ему предложеніе Версальскимъ Кабинетомъ ста тысячъ ефимковъ за медленный походъ; былъ главнымъ виновникомъ постановленнаго въ Ахенѣ мирнаго договора Французскими, Англійскими и Голландскими Министрами; скончался отъ апоплексическаго удара, въ лагерь при Кулмбахѣ, 21 Іюля 1748 г. и погребенъ подлѣ отца въ Рижской крѣпостной церкви. Минихъ отдастъ справедливость уму, храбрости его, хорошему поведенію и говорить: что онъ обѣщалъ занять мѣсто между первыми Генералами, пользовался общою любовію. — Князь Василій Аникитичъ зналъ многіе иностранные языки, въ особенноти былъ сведущъ по части инженерной и фортификаціи, имѣлъ нравъ вспыльчивый; но отличался строгою справедливостію.

произвела Князя Репнина Прапорщикомъ, 11 Июля 1749 года. Съ того времени юный воинъ, подававший большія надежды, посвятилъ себя снова наукамъ, безъ которыхъ природныя дарованія и умъ ничего не могутъ произвести великаго. Военное ремесло служило ему наградою, отдохновеніемъ отъ трудовъ: въ 1751 году былъ онъ Подпоручикомъ гвардіи, въ 1753 Полковникъ Адъютантомъ. Вскорѣ Россія объявила войну Пруссіи и Князь Репнинъ получилъ отъ Государыни позволеніе находиться волонтеромъ въ арміи Генералъ-Фельдмаршала Апраксина. Онъ явилъ опыты своей храбрости въ сраженіи при Гроссъ-Эгерсдорфѣ (1757 г.); при занятіи Кенигсберга, Мариенвердера, во время осады Кистрина Генералъ-Аншефомъ Ферморомъ (1758 г.); награжденъ чиномъ Капитана гвардіи. Въ слѣдующемъ 1759 году, посланъ въ Французскую армію и находился на Минденскомъ сраженіи, подъ начальствомъ Маршала Контада; возвратясь въ С. Петербургъ (1760 г.), перешелъ изъ гвардіи въ армейскій полкъ Полковникомъ: участвовалъ въ занятіи Берлина; служилъ съ полкомъ своимъ въ корпусѣ Графа Чернышева, присоединенномъ къ Австрійской арміи (1761 г.); награжденъ чиномъ Генералъ-Маіора, 2 Апрѣля 1762 года, имѣя отъ роду двадцать восемь лѣтъ.

Императрица Екатерина II, вступивъ на Престолъ, возложила на Князя Николая Васильевича орденъ Св. Анны и отправила его Полномочнымъ Министромъ къ Фридриху Великому (1762 г.). Лестное назначеніе это сблизило Репнина съ дер-

вымъ Полководцемъ того времени, доставивъ ему возможность наблюдать его воинскія распоряженія при Рейхенбахѣ и Швейдницѣ. Такимъ образомъ онъ обозрѣлъ въ теченіи трехъ лѣтъ три арміи главныхъ Европейскихъ Дворовъ, узналъ совершенства ихъ, недостатки, и наблюденія свои приравнялъ къ пользамъ любезнаго Отечества. Досель служба его была какъ-бы продолженіемъ наукъ: въ 1763 г., онъ определенъ къ исправленію должности Директора Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса; Ноября 11 назначенъ Полномочнымъ Министромъ въ Польшу, съ ежегоднымъ жалованьемъ по двадцати тысячъ рублей.

Тогда скончался Августъ III, на 67 г. отъ рожденія, послѣ тридцатилѣтняго государствованія. Главною цѣлію посольства Князя Репнина было избраніе въ Короли Стольника Литовскаго Графа Станислава Понятовскаго: въ этомъ важномъ порученіи Екатерины II болѣе полагалась на него, нежели на своего Посла въ Варшавѣ, Графа Кейзерлинга, и не обманулась. Усилія Франціи возмутить противъ Россіи разгоряченные тогда умы Поляковъ, остались тщетными: для подкрѣпленія Диссидентовъ, Князь Репнинъ арестовалъ вельможъ, явно сопротивлявшихся намѣреніямъ Государыни: Епископа Краковскаго Каіегана Солтыка, Графа Ржевускаго, Епископа Кіевскаго, и отправилъ ихъ въ Россію. Князь Радзивиль и Маршалъ Браницкій спаслись бѣгствомъ. 7 Сентября 1764 года Понятовскій возведенъ единогласно на Польскій престолъ, а 25 Ноября коронованъ въ Варшавѣ. Въ это время скончался Графъ

Кейзерлингъ, и званіе Полномочнаго Посла передано Князю Репнину, который получилъ отъ новаго Короля ордена Блага Ора и Св. Станислава, имъ учрежденный (1765 г.). Въ шестилѣтнее пребываніе въ Варшавѣ, Князь Николай Васильевичъ твердою рукой управлялъ кормиломъ Государства Польскаго, дѣйствуя именемъ Екатерины, достойно имъ представляемой. Понятовскій, слабый, малодушный, носилъ одно только наименованіе Короля: Князь Репнинъ, предприимчивый и дальновидный, защищая Диссидентовъ, соединилъ (1767 г.) двѣ конфедераціи Польскую и Литовскую въ одну генеральную, и заставилъ оную отправить въ С. Петербургъ Чрезвычайныхъ Посланниковъ Графовъ Поцея, Вельгорскаго, Потонкаго и Оссолинскаго, съ изъявленіемъ Императрицѣ благодарности народа Польскаго и Литовскаго за оказываемое покровительство. Между тѣмъ онъ занялся прекращеніемъ возникшихъ междоусобій въ Королевствѣ и изъ сконфедерованной республики Польской настоялъ, чтобы избраны были семьдесятъ Поляковъ въ особую Коммисію, съ которыми совѣщалъ о доставленіи спокойствія Диссидентамъ. Слѣдствіемъ сего былъ договоръ, постановленный имъ въ Варшавѣ, 13 Февраля 1768 года, между Россійскимъ и Польскимъ Дворами, въ IX статьяхъ, съ двумя сепаратными актами: I) подтвержденъ трактатъ, заключенный въ Москвѣ 1686 года. II) Обѣ Державы согласились гарантировать взаимно цѣлость и сохранность тогдашнихъ ихъ владѣній въ Европѣ. III) Король и Рѣчь Посполитая обязались обезпечить на вѣчныя времена особливимъ

сепаратнымъ актомъ вольное исповѣданіе Вѣры Гре-
ческой Восточной несоединенной и Диссидентовъ
Евангелическаго исповѣданія. IV) Постановлено на-
всегда означить во второмъ *сепаратномъ актѣ* пред-
меты и части правленія. V) Императрица торже-
ственно гарантировала конституцію Рѣчи Посполитой,
форму правленія, вольность и законы. VI) Договоры
Карловицкій, Оливскій и другіе, заключенные съ
прочими Державами, оставлены во всей силѣ. VII)
На отвѣтственность пограничныхъ полномочныхъ Су-
довъ возложена обязанность скоро и безпристрастно
разбирать возникающую распрю между подданными
обѣихъ договаривающихся сторонъ, съ сохраненіемъ
чрезъ то порядка и тишины. VIII) Утверждена сво-
бодная торговля, безъ отягощенія излишними нало-
гами. IX) Ратификувать трактатъ въ Варшавѣ черезъ
два мѣсяца. — Первымъ *сепаратнымъ актомъ* Рѣчь
Посполитая Польская, уважая пріемлемое участіе
Дворами Россійскимъ, Англійскимъ, Прусскимъ,
Шведскимъ и Датскимъ, постановила пять статей,
которыми возвращены и обезпечены всѣ церковныя
и гражданскія права Неунитовъ и Диссидентовъ.
Второй заключалъ въ себѣ права кардинальныя и
ограничивалъ власть первыхъ чиновъ Республики.
Между прочимъ узаконено: чтобы дворянинъ за
умышленное убійство крестьянина подвергался впредь
казни, а не денежному взысканію.

Рѣшительныя мѣры возстановили противъ Князя
Репина Магнатовъ и Духовенство Польское. Вер-
сальскій Кабинетъ, завидуя могуществу нашему,
убѣдилъ Порту Оттоманскую объявить войну Россіи,

и Князь Николай Васильевичъ, награжденный Императрицею орденомъ Св. Александра Невскаго и чиномъ Генералъ-Поручика (1768 г.), какъ опытный Полководецъ, былъ отозванъ въ С. Петербургъ. Онъ поступилъ въ первую армию, предводимую Княземъ Голицынымъ (1769 г.); участвовалъ въ блокадѣ и занятіи Хотинской крѣпости; командовалъ (1770 г.) отдѣльнымъ корпусомъ въ Молдавіи и Валахіи: воспрепятствовалъ, въ Іюнь мѣсяцъ, двѣнадцати тысячамъ Турокъ и двадцати тысячамъ Татаръ переправиться черезъ Прутъ, преследовалъ ихъ шесть верстъ; сражался, подъ знаменами Румянцова на битвахъ Ларгской и Кагульской; овладѣлъ, 26 Іюля, Измаиломъ, который сдался ему на условіяхъ съ двадцатью пушками; преслѣдовалъ двадцатитысячное Турецкое войско, оставившее эту крѣпость при его приближеніи; положилъ на мѣстѣ семьсотъ человекъ; двинулся къ крѣпости Кишин, снабдивъ Измаилъ достаточнымъ гарнизономъ. 9 Августа, Турки, примѣтивъ наше войско, зажгли предместье въ четырехъ мѣстахъ; не смотря на сильный пожаръ, Князь Репнинъ вступилъ въ оное и, среди огня и пепла, обозрѣлъ положеніе крѣпости, назначилъ мѣсто первой батареи отъ гласиса въ восьмидесяти саженьяхъ; оттуда, открывъ траншею, велѣлъ вести оную на лѣвую сторону, а Бригадиру Барону Игельstromу заложить главную батарею противъ воротъ. Непріятель между тѣмъ тремя выдѣлками старался воспрепятствовать производимымъ работамъ; но принужденъ былъ удалиться. Тогда Князь Репнинъ отправилъ съ однимъ плѣннымъ слѣдую-

щее воззваніе въ крѣпость. «Вя Императорское Величество, моя Всемилостивѣйшая Государыня, по природному своему великодушію и челоуѣколюбію, повелѣваетъ намъ сохранять, сколько возможно, отъ напраснаго пролитія кровь челоуѣческую. Покоритесь побѣдоносному оружію премудрой моей Монархини. Я обещаю оставить вамъ жизнь, дать свободу и отпустить съ вами ваше имѣніе. Жизнь остается вамъ для того, что побѣдители гнушаются разить побѣжденныхъ; свобода, чтобъ вы пронесли въ мѣста, вами обитаемая, славу щедротъ и великодушнѣе Россійской Императрицы; а имѣніе, дабы разумѣли, что Россійскіе герои корысть презираютъ. Знайте, что Россія умѣетъ побѣждать; но вездѣ, гдѣ только челоуѣчество склоняетъ къ жалости, щадитъ и прощаетъ. Впрочемъ, если вы далѣе будете сопротивляться: то завтра по утру открою я начало той казни, которая покажетъ вамъ, сколь трудно раздражать побѣдителей, у коихъ должно вамъ искать пощады.»—Воззваніе это не произвело желаемаго дѣйствія: началась пушечная пальба изъ крѣпости. Россіяне подъ картечными выстрѣлами кончили главную батарею и на другой день по утру открыли сильный огонь изъ всѣхъ орудій, четыре часа продолжавшійся. Раздался войлъ между осажденными. Князь Репнинъ, всегда великодушный, отправилъ къ нимъ другое воззваніе: убѣждалъ ихъ искать пощады, свободы и всего предложеннаго, если не желаютъ подвергнуться ярости героевъ, многократно наносившихъ уже имъ пораженіе. Османъ Паша, командовавшій въ крѣпости, потребовалъ трое

сутокъ на размышленіе; но Князь Репнинъ изъявилъ согласіе только на шесть часовъ. Срокъ наступилъ вечеромъ; непріятель умолялъ продлить оный еще до разсвѣта; Репнинъ уважилъ эту просьбу и, 18 Августа, Килія покорилась Императрицѣ. 21 числа поднесены ключи Россійскому Полководцу; пять тысячъ жителей вышли къ нему на встрѣчу: Греки и Армяне съ Крестомъ и Евангеліемъ, Жидаы съ хлѣбомъ. Въ крѣпости найдено: четыре мортіры, шестьдесятъ четыре пушки, восемь тысячъ ядръ, до четырехъ сотъ бочекъ пороха и множество съѣстныхъ припасовъ. Узнавъ, что Турки претерпѣваютъ недостатокъ въ скотѣ, Князь Репнинъ отправилъ къ нимъ сто барановъ; приказалъ двумъ лекарямъ перевязать раны Музульманъ, находившихся въ крѣпости; переправилъ черезъ Дунай четырехъ-тысячный гарнизонъ, положившій оружіе, дозволивъ оному взять имущество. Многіе Оттомане, пораженные столь удивительнымъ челоуьсколюбіемъ, пали передъ нимъ на колѣна, проливая слезы благодарности, и поклялись не сражаться болѣе съ Россіянами. Императрица наградила Князя Николая Васильевича военнымъ орденомъ Св. Георгія втораго класса.

Въ 1771 году поручена Князю Репнину команда надъ всѣми войсками въ Валахіи. Онъ пріѣхалъ въ Букарестъ, оттуда отправился въ Журжу, осмотрѣлъ эту крѣпость, занятую достаточнымъ Россійскимъ гарнизономъ; рекогносцировалъ Турну, построенную на крутой горѣ подъ Никопольскими пушками, и получилъ въ то время донесеніе, что непріятель, переправясь черезъ Дунай, атаковалъ Журжу. Князь

Репнинъ оставилъ тогда Генералъ-Маіора Потемкина (*) подъ Турною, а самъ поспѣшилъ форсированными маршами къ осажденнымъ. Въ семи верстахъ отъ Журжи узналъ онъ, что Комендантъ Маіоръ Гензель, имѣвшій провіанта на три мѣсяца и значительное число снарядовъ, сдалъ эту крѣпость на капитуляцію. Отрядъ, сопровождавшій Князя Репнина, состоялъ только изъ трехъ сотъ человекъ: онъ принужденъ былъ удалиться къ Букаресту отъ трехъ тысячной Турецкой конницы, выѣхавшей къ нему на встрѣчу; расположился подъ Вакарештскимъ монастыремъ. Ободренный полученнымъ успѣхомъ, непріятель показался, 10 Іюня, въ виду нашихъ войскъ, въ числѣ десяти тысячъ человекъ, подъ предводительствомъ трехъ-бунчужнаго Паши Ахмета, командовавшаго прежде въ Аравіи: Князь Репнинъ предупредилъ его атакою, обратилъ въ бѣгство, за двадцать верстъ, къ рѣкѣ Аргису, положилъ на мѣстѣ пятьсотъ человекъ, отбилъ одну пушку и пять знаменъ. — Между тѣмъ Румянцовъ поставилъ ему въ вину потерю Журжи: обиженный несправедливостію Полководецъ испросилъ увольненіе въ чужіе края, гдѣ пробылъ до 1774 года. Онъ находился потомъ при облежаніи Силистріи, когда победы Задунайскаго заставили Турцію просить мира у Россіи, и не отказался быть производителемъ этого важнаго дѣла, забывъ для пользы Имперіи прошедшее: 10 Іюля (1774 г.) подписанъ имъ и Турецкими полномочными Ресми Ахметъ Эфендіемъ и Ибрагимъ Мюнибъ Рейсъ-Эфендіемъ славный договоръ

(*) Въ послѣдствіи, Князя Таврическаго.

вѣчнаго мира между обѣими Имперіями въ лагерь Кучукъ-Кайнарджи, близъ Силистріи, въ XXVIII статьяхъ (*). По утвержденіи Визиремъ этого трактата, Графъ Румянцовъ отправилъ съ онымъ Князя Репнина, *имѣвшего* — по словамъ его въ донесеніи къ Императрицѣ — *полное участіе въ заключеніи мира*. — Екатерина II произвела Князя Николая Васильевича Генераль-Аншефомъ и Подполковникомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, а въ слѣдующемъ 1775 году назначила его въ Турцію Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ.

Свита Князя Репнина была столь же блистательна, какъ и многочисленна, состояла изъ пятисотъ человекъ (**). Онъ въѣхалъ въ Константинополь (5 Октября) Андрианопольскими воротами на Турецкой лошади, богатоубранной, высланной ему Султаномъ, съ распущенными знаменами, музыкою и барабаннымъ боемъ; въ Перу прибылъ въ семь часовъ по полудни съ зажженными факелами и одинъ только

(*) См. біографію Графа Румянцова-Задунайскаго.

(**) При Князѣ Репнинѣ находились трубачи и литаврищики гусарскіе и кирасирскіе, пѣхотные музыканты, команды: гусарская, кирасирская и пѣхотная, тридцать шесть лакеевъ, четыре егеря, двѣнадцать пѣвчихъ, тринадцать офиціантовъ, шесть гайдуковъ, восемь скороходовъ, шесть гренадеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, шесть Пажей, лекаръ, докторъ, двѣнадцать Греческихъ офицеровъ, четырнадцать студентовъ и переводчиковъ, восемнадцать Оберъ-офицеровъ, четыре Штабъ-офицера, десять Дворянъ-Посольства, два Секретаря и Маршалъ Посольства.

въѣхалъ на дворъ; сопровождавшіе его Турки вошли на оный пѣшіе. 7 Октября, Князь Репнинъ извѣстилъ пребывавшихъ въ Константинополѣ Пословъ иностранныхъ о своемъ пріѣздѣ чрезъ Кавалеровъ Посольства, и Министровъ черезъ офицеровъ (*). Они немедленно прислали къ нему Секретарей Посольства съ поздравительнымъ привѣтствіемъ и, вслѣдъ за ними, сами посѣтили его; а послѣ обѣда въ тотъ же день пріѣхали къ Княгинѣ Репниной (**), супруги Французскаго и Венеціанскаго Пословъ, также Прусскаго Посланника и провели у нея вечеръ. 8 Октября, Посолъ, въ сопровожденіи свиты своей, отдалъ визиты передъ полуднемъ Посламъ, послѣ обѣда Посланникамъ.

По предварительному соглашенію съ Портою, Князь Репнинъ былъ, 28 Ноября, у Визиря. Онъ подъѣхалъ къ самому крыльцу, гдѣ встрѣченъ переводчикомъ Порты, который, вмѣстѣ съ Чаушляръ Еминіемъ и Чаушляръ Кіятибіемъ предшествовали ему въ пріемную залу. Къ нимъ присоединился на

(*) Послы были: Французскій Маркизь де Сентъ-Пріестъ; Венеціанскій Кавалеръ Градениго и Голландскій Г. Вейлеръ; Римско-Императорскій Интернунцій Г. Тутуть; Посланники: Прусскій Г. Зегелинъ, въѣхавшій къ Князю Репнину на встрѣчу 3 Октября, и Шведскій Г. Цельсингъ.

(**) Князь Николай Васильевичъ былъ женатъ на родной теткѣ нашего Чрезвычайнаго Посла въ Парижѣ, при Наполеонѣ, Князя Александра Борисовича Куракина, Княгинѣ Натальѣ Александровнѣ Куракиной.

крылецъ Тесрифаджи, или первый церемониймейстеръ. Вступя въ залу, Посолъ немного пріостановился, не видя Визиря, который однакожь тотчасъ вошелъ въ оную. Когда они приблизились другъ къ другу, то сдѣлали взаимный поклонъ и пошли къ назначеннымъ имъ мѣстамъ. Князь Репнинъ вручилъ Визирю грамоту Императрицы; онъ принялъ ее стоя и положилъ на подушку возлѣ себя. Тогда Посолъ и Визирь сѣли въ одно время, послѣдній на софу, первый противъ него на креслахъ. Визирь пріѣтствовалъ Посла, навѣдываясь о состояніи его здоровья. Исполнивъ съ обѣихъ сторонъ обыкновенныя учтивости, Князь Репнинъ, въ произнесенной рѣчи, объявилъ Визирю причину своего Посольства; удостовѣрилъ: «что Императрица желаетъ твердо и «ненарушимо содержать блаженный миръ, заключенный между обѣими Имперіями, и возобновленную «дружбу; не сомнѣвается въ похвальныхъ и миро-«любивыхъ его чувствованіяхъ» — и въ заключеніе просилъ исходатайствовать ему скорѣе аудіенцію у Султана. Драгоманъ Порты перевелъ эту рѣчь. Визирь отвѣчалъ: «что онъ съ своей стороны, желая утвердить и сохранить блаженный миръ, приложить къ достиженію этой цѣли совершенное попеченіе и трудъ; ощущаетъ истинное удовольствіе въ томъ, что выборъ Посольства палъ на особу, въ коей обитаютъ способность и прилежаніе къ общимъ интересамъ обѣихъ сторонъ.» — Послѣ сего поднесли Визирю и Послу конфеты, кофе, шербетъ, розовую воду и куренье, чѣмъ угощали и чиновниковъ свиты Посольской, исключая умывающа и куренья; пода-

ли Послу соболью шубу съ парчевымъ верхомъ, которую онъ надѣлъ на себя, не вставая съ креселъ; надѣли шубы на Повѣреннаго въ дѣлахъ, Г. Петерсона, на Маршала Посольства, Г. Булгакова, и на двухъ Секретарей лапчатая соболья, покрытая сукномъ и опушенная пластинчатымъ собольимъ жемъхомъ; на десять Кавалеровъ Посольства горностаевыя, покрытыя камлотомъ; свитѣ Посольской роздано сто кафтановъ.

29 Ноября, Князь Репнинъ отправилъ подарки къ Визирю съ Маршаломъ Посольства, къ его Кегаю и къ Рейсъ-Эфендію съ Секретарями. 30 числа отнесены подарки въ Сераль къ Султану. Посоль въ у него аудіенцію 1 Декабря: доѣхавъ до вторыхъ воротъ Серала, онъ слѣзъ съ лошади у праваго рундука и встрѣченъ тутъ Переводчикомъ Порты. Въмѣсто того, чтобы дожидаться на лавкѣ въ этихъ воротахъ до приглашенія его въ Диванъ, какъ обыкновенно дѣлали Послы, Князь Репнинъ введенъ былъ въ комнату, на этотъ случай нарочно убранную софами. Здѣсь Чаушъ-Баши и Переводчикъ Порты угощали его и находились при немъ безотлучно. Вступивъ въ Диванъ въ разныя двери, но въ одно время съ Визиремъ, Посоль сѣлъ на табуретъ, поставленномъ противъ Визирскаго мѣста, и какъ послѣдній медлил приглашеніемъ его въ Нисанджинскую лавку, Князь Репнинъ, черезъ Переводчика Порты, объявилъ Визирю: *что онъ самъ туда перейдетъ, если не будетъ тотчасъ приглашенъ.* Воля Посла Россійскаго немедленно исполнена: онъ сѣлъ посреди лавки, на правой сторонѣ Нисанджія.

Начался судъ, полчаса продолжавшійся; по окончаніи онаго, Визирь отправилъ Рейсъ-Эсендія съ письменнымъ докладомъ къ Султану о допущеніи Посла. Съ Визиремъ обѣдалъ въ тотъ день одинъ только Князь Репнинъ; съ Капитаномъ Пашею: Маршалъ, два Секретаря и Дюкъ де Брагансъ, находившійся въ числѣ Кавалеровъ Посольства. Во время обѣда Высочайшая грамота была держана попеременно Дворянами. На половинѣ дороги отъ Дивана до послѣднихъ воротъ Серальскихъ, надѣта на Посла соболья шуба, покрытая парчею; на Маршала и Секретарей горностаевыя; свить роздано сто кафтановъ. Пробывъ въ этомъ мѣстѣ, на лавкѣ, съ четверть часа, между тѣмъ какъ Визирь былъ у Султана, Посолъ введенъ въ тронную двумя Капиджи-Башнями, въ сопровожденіи шестнадцати чиновниковъ, съ нимъ прибывшихъ, и въ предшествованіи Переводчика Порты. Сдѣлавъ три поклона, онъ произнесъ рѣчь и поднесъ грамоту, которую принялъ Капитанъ-Паша, вручившій оную Визирю, а послѣдній положилъ ее возлѣ Султана. Драгоманъ Порты перевелъ рѣчь и Султанъ Абдулъ Гамидъ сказалъ громкимъ голосомъ нѣсколько словъ Визирю, который отвѣчалъ Послу: «что Его Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь Императоръ, Прибъжище Свѣта, повелѣлъ мнѣ извѣстить вамъ, что есть Его Императорская воля, «дабы мирный трактатъ, заключенный между его Имперіею и Имперіею Россійскою былъ навсегда «сохраняемъ и исполняемъ.» — Драгоманъ Порты перевелъ эти слова, и Посолъ, поклонясь Султану,

вышелъ изъ аудіенцъ-камеры со всею свитою. У вторыхъ воротъ дожидался онъ снова въ караульной Капиджи-Башіевъ, между тѣмъ какъ мелкіе чины, Янычаръ-Ага, Капиджи-Баши и прочіе выѣзжали изъ Серая.

28 Января (1776 г.) Посолье обѣдалъ у Визиря въ пріемныхъ комнатахъ Султана. Визирь предоставлялъ ему выбрать любое мѣсто: софу или креслы. Посолье сѣлъ на софу, сказавъ: *что предпочитаети окую, желая быть ближе къ нему.* Они сѣли оба въ одно время. Визирь просилъ Посла располагать у него, какъ бы въ собственномъ своемъ домѣ, приказывать что угодно; желалъ знать, не хочетъ ли онъ полюбоваться играми и забавами, приготовленными для его увеселенія? — Около одиннадцатаго часа, Визирь спросилъ: когда обыкновенно обѣдаетъ Посолье, чтобы онъ къ тому времени приказалъ приготовить столъ; ибо опредѣля этотъ день на угощеніе столъ пріятнаго гостя, не желаетъ отяготить его никакою перемѣною въ ежедневныхъ обыкновеніяхъ. — Посолье отвѣчалъ: *что, чувствуя крайнее удовольствіе быть угощаемымъ столъ почтеннымъ и привѣтливымъ хозяиномъ, отлагаетъ все свои привычки и проситъ его ни въ чемъ не принуждать себя; но опредѣлить время обѣда по собственному желанію.* — Въ половинъ перваго часа принесенъ къ софѣ столъ, за которымъ, кромѣ ихъ двухъ, обѣдалъ еще Рейсъ-Эфенді. Передъ Посломъ положенъ былъ золотой приборъ, осѣянный алмазами; тарелки, ему подаваемыя, были также золотыя. Посль обѣда онъ вымылъ руки свои въ одно время съ Визиремъ: раз-

ныя игры и увеселенія возобновились. Не желая беспокоить хозяина долговременнымъ пребываніемъ и зная, что насталъ часъ, посвящаемый молитвамъ, что Визирь страдалъ подагрой, Посолъ изъяснилъ ему причины, побуждающія его возвратиться въ свой домъ и благодарилъ за оказанныя почести. Визирь отвѣчалъ: *что присутствіе Посла никогда ему въ тягость быть не можетъ и что оно, напротивъ, вылечило его отъ подагры; но при всемъ томъ, опасаясь причинить ему безпокойство, онъ не желаетъ больше удерживать своего гостя.* Тогда принесли Визирю и Послу шербетъ и окуриваніе; надѣли на Посла соболью шубу, крытую сукномъ, и положили ему въ карманъ три платка, въ которыхъ были завернуты золотые часы съ алмазами. — Вслѣдъ за тѣмъ угощали Посла обѣднными столами Капитанъ Паша, Визирскій Кегай, Янычарь-Ага, Тефтердаръ и, 3 Марта, Рейсъ-Эфендій. На этомъ послѣднемъ обѣдѣ былъ инкогнито Визирь въ поставленной для него палаткѣ, изъ которой любовался играми, и изъяснилъ Послу сожалѣніе свое: *что церемоніаль препятствовалъ ему видѣться съ нимъ и дружески бесѣдовать.* — 29 Марта, Посолъ имѣлъ аудіенцію у Султана, 31 числа простился съ Визиремъ, а 13 Апрѣля выѣхалъ изъ Серы.

Возвратясь въ Отечество, Князь Репнинъ не остался безъ дѣла: опредѣленъ Генераль-Губернаторомъ въ Смоленскъ (1777 г.) и, въ слѣдующемъ году, также въ Орелъ, намѣстничество, имъ тогда открытое. Занятія его по гражданской части были прерваны подчиненіемъ ему тридцати-тысячнаго корпу-

са, съ которымъ онъ вступилъ въ Бреславль, 9-го Декабря.

На Тешенскомъ конгрессъ (1779 г.) дипломатическія способности и твердость Князя Репнина склонили Австрійскій Дворъ къ миру; возвращены Баваріи большая часть захваченныхъ у нея земель; удовлетворены понесенные убытки Саксонією, Цвейбрикскимъ Герцогствомъ и другими Нѣмецкими Князьями. Возстановитель тишины въ половинѣ Европы не остался безъ награды: Императрица пожаловала ему орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и три тысячи крестьянъ въ Бѣлоруссіи; Іосифъ II прислалъ трость, украшенную брилліантами и серебряный столовый сервизъ; Фридрихъ Великій: орденъ Чернаго Орла, шпагу и портретъ свой, осыпанные брилліантами, Саксонскій сервизъ, двадцать тысячъ ефимковъ на путевыя издержки и десять тысячъ на канцелярію. Монархъ Пруссіи находился въ откровенной перепискѣ съ Княземъ Репнинымъ и признавался ему: что онъ былъ однажды обманутъ Австрійскимъ Министерствомъ; но въ другой разъ не позволить обмануть себя (*).

Въ 1780 году заложены въ Смоленскѣ каменные строенія для Судебныхъ мѣстъ и, въ проѣздъ Екатерины II черезъ это намѣстничество. Она изъявила Князю Репнину особенное свое удовольствіе и бла-

(*) «On peut être trompé une fois dans sa vie — писалъ Фридрихъ къ Князю Репнину — «mais qui l'est deux fois, est dupe et c'est un titre, que je n'ambitionne pas.»

говореніе за видѣльное Ею повсюду благое устройство и слѣды точнаго исполненія Ея установленій (*). Онъ командовалъ въ томъ же году наблюдательнымъ корпусомъ въ Умани, а въ слѣдующемъ пожалованъ Генералъ-Адъютантомъ, Генералъ-Губернаторомъ Псковскимъ, оставаясь и Смоленскимъ; предводительствовалъ резервнымъ корпусомъ въ Польшу (1782 и 1783 г.); получилъ орденъ Св. Владиміра первой степени въ день учрежденія оного (1782 г.); бриллиантовые знаки ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, въ 1784 году. Тогда во второй разъ принято имъ путешествіе въ чужіе края, какъ-бы для отдохновенія отъ трудовъ; Императрица оставила при немъ носимыя званія.

Война съ Турціею отвлекла Князя Репнина отъ управляемыхъ имъ губерній: онъ участвовалъ въ осадѣ и взятіи Очакова (1788 г.), являя подчиненнымъ своимъ, въ опасныхъ мѣстахъ, примѣръ неустрашимости; командовалъ Украинскою арміею въ Молдавіи (1789 г.), до прибытія Потемкина; разбилъ, 7 Сентября, на рѣкѣ Салчѣ Сераскира Гассанъ Пашу, бывшаго Капитанъ Пашею; овладѣлъ его лагеремъ, тремя пушками, девятью знаменами и частью обоза; вогналъ въ Измаилъ, заперъ въ этой крѣпости. Къ сожалѣнію, зависть воспрепятствовала храброму Полковнику довершить побѣду надъ Оттоманами: опасаясь, чтобы Репнинъ не получилъ Фельдмаршальскаго жезла за взятіе Измаила, Потемкинъ приказалъ ему отступить за двадцать верстъ. Въ 1790 году

(*) Слова Высочайшаго Рескрипта.

Князь Репнинъ продолжалъ командовать расположенными войсками въ Молдавіи, подъ предводительствомъ Таврическаго, жертвуй оскорбленнымъ самолюбіемъ, собственною славой для того только, чтобы служить Отечеству. Терпѣніе его вознаградилось. Главнокомандовавшій отправился въ С. Петербургъ (1791 г.), ввѣривъ ему начальство надъ соединенною арміей. — Пользуясь его отсутствіемъ Верховный Визирь Юсуфъ-Паша собиралъ войска при Мачинѣ, намѣревался нанести Россіянамъ чувствительный ударъ, но Князь Репнинъ рѣшился уничтожить покушеніе враговъ нападеніемъ на нихъ. Онъ велѣлъ окружнымъ войскамъ собираться къ Галацу; предписалъ Генераль-Поручику Голенищеву-Кутузову (*) прибыть туда изъ Имаила съ Бугскимъ егерскимъ корпусомъ и съ пятью стами Донскихъ Козаковъ; поручилъ Генераль-Маіору Рибасу готовить перевозныя суда.

Верховный Визирь имѣлъ разныхъ войскъ Турецкихъ до ста тысячъ; подъ командою его находились пять Пашей, два Бея Анатолійскіе и два Султана Татарскіе. Армія Князя Репнина была въ половину менше; изъ семидесяти двухъ орудій оставилъ онъ восемь въ резервъ на берегу Дуная, для отраженія непріятельскихъ судовъ. 25 Іюня Генераль-Аншефъ осмотрѣлъ Турецкій лагерь. 28 числа, въ шестомъ часу по утру, Генераль-Поручикъ Князь Голицынъ (**) первый пришелъ съ ввѣреннымъ ему вой-

(*) Въ послѣдствіи Князю Смоленскому.

(**) Князь Сергій Ѳедоровичъ Голицынъ, въ молодыхъ лѣтахъ служилъ подъ знаменами Румянцова; участвовалъ

скомъ къ пункту своей атаки и открылъ канонаду. Въ то-же самое время конница Генераль-Поручика Князя Волконскаго (*), предводимая Генераль-Маіо-

во взятіи Очакова Потемкинымъ, на родной племянницѣ котораго былъ женатъ; овладѣлъ Мачинымъ (1791); срылъ тамошнія укрѣпленія; взялъ, въ числѣ пленныхъ, трехъ-бунчужнаго Арслана Мегметъ-Пашу; изрубилъ и частью потопилъ Турецкій гарнизонъ, находившійся на полуостровѣ Концефанъ, подъ самыми пушками Браилова; отнялъ у непріятеля семнадцать орудій и нѣсколько знаменъ; истребилъ множество судовъ Турецкихъ; награжденъ за ратные подвиги своимъ орденами Св. Георгія втораго класса (1791 г.) и Св. Александра Невскаго (1792 г.); получилъ, потомъ, ордена: Св. Владиміра первой степени (1794 г.); Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1802 г.), будучи Генераломъ отъ инфантеріи съ 1801 года; вступилъ въ Галлицію (1809 г.), гдѣ скончался 20 Января 1810 г., на 63 отъ рожденія.

- (*) Князь Григорій Семёновичъ Волконскій былъ женатъ на дочери Князя Николая Васильевича, Князѣ Александрѣ Николаевнѣ, въ послѣдствіи Оберъ-Гофмейстеринѣ Высочайшаго Двора, Статсъ и Кавалерственной Дамѣ. Онъ съ отличіемъ служилъ подъ знаменами Румянцева, Суворова и Репнина; былъ, потомъ, пятнадцать лѣтъ Военнымъ Губернаторомъ въ Оренбургѣ (1802—1817 г.); населеніемъ степей, обезопасилъ тотъ край отъ набѣговъ Киргизскихъ; скончался въ 1824 году, на 83 отъ рожденія, будучи Генераломъ отъ кавалеріи, Членомъ Государственнаго Совѣта и кавалеромъ орденовъ: Св. Апостола Андрея Первозваннаго

ромъ Рибасомъ (*), ударила на непріятеля, очистила занимаемое онымъ мѣсто и связала сообщеніе съ войсками Князя Голицына, между тѣмъ какъ Князь Волконскій, слѣдовавшій съ своею пѣхотой за конницею, выстроясь въ боевой порядокъ, достигъ так-

(1806 г.), Св. Александра Невскаго (1786 г.), Св. Георгія втораго класса (1792 г.) и Св. Анны (1777 г.). Служба его непрерывно продолжалась шестьдесятъ шесть лѣтъ.

- (*) Осипъ Михайловичъ Рибасъ родился въ Неаполь, куда переселился изъ Испаніи его дѣдъ. Онъ вступилъ въ нашу службу 1772 года: сначала ему покровительствовалъ Орловъ (Графъ Алексѣй Григорьевичъ); потомъ Бецкій и Потемкинъ. Въ 1779 году Рибасъ былъ Подполковникомъ и Полицімейстеромъ Кадетскаго Корпуса; въ 1789, будучи Генераль-Маіоромъ, въ первый разъ обнажилъ мечъ противъ враговъ Россіи: содѣйствовалъ Гудовичу во взятіи приступомъ укрѣпленнаго замка Хаджибея (нынѣ Одессы), при Черномъ морѣ; овладѣлъ двумя Турецкими судами; командуя (1790 г.) гребною флотиліей, захватилъ батареи непріятельскія, прикрывавшія входъ въ Дунай; овладѣлъ Тульчею; командовалъ тремя колоннами десанта во время приступа Изманла (11 Дек.); взялъ въ плѣнъ множество Турокъ, представилъ 130 знаменъ; награжденъ орденомъ Св. Георгія втораго класса (1791 г.); Александровскою лентою за участіе въ Мачинскомъ сраженіи (1792 г.); пожалованъ Вице-Адмираломъ (1793 г.); Адмираломъ (1799 г.); скончался въ 1800 году. По его проэктору, одобренному Императрицею Екатериною II, возникла Одесса.

же до своего пункта, и началъ канонаду. Тогда Голенищевъ-Кутузовъ, обходя горы, чтобы зайти въ правый флангъ непріятелю, долженъ былъ съ великимъ трудомъ пробиваться среди окружавшихъ его отвсюда Турокъ, старавшихся разрѣзать сообщеніе между имъ и арміею. Эти покушенія Визиря были уничтожены Княземъ Репнинымъ: онъ приказалъ Генералъ-Маіору Рибасу атаковать неоднократно непріятеля, а Князю Волконскому, вытануть изъ двухъ линій три гренадерскіе полка съ артиллеріею въ лѣвую сторону и приблизиться къ горамъ. Тщетно пѣхота Турецкая, желая воспользоваться отдѣленіемъ войскъ, бросилась стремительно и въ большомъ числѣ на первый каре Екатеринославскаго гренадерскаго полка: храбрые воины опрокинули, обратили въ бѣгство непріятеля. Въ то же самое время толпы Турокъ напали на правый флангъ нашъ, предводимый Княземъ Голицынымъ; но были отбиты съ значительнымъ урономъ и преслѣдуемы конницею до перваго ихъ лагеря. Такимъ образомъ уничтожилъ Князь Репнинъ и покушенія Турокъ на нашъ резервъ со стороны Дуная, подкрѣпивъ оный высланными войсками. Вскорѣ пѣхота Кутузова показала на горахъ во флангъ непріятельскомъ: Князь Волконскій успѣшилъ переправить за крутой оврагъ, подъ горою находящійся, два гренадерскіе полка для открытія сообщенія съ Кутузовымъ. Тогда войска двинулись со всѣхъ сторонъ на непріятеля: Князь Голицынъ пошелъ въ его ретраншаментъ, Князь Волконскій въ лагерь, а Голенищевъ-Кутузовъ во флангъ, которое движеніе рѣшило побѣду этого упор-

наго сраженія, шесть часовъ при сильномъ жарѣ продолжавшагося. Непріятель обратился въ бѣгство къ Гирсову; легкія войска преслѣдовали его. Орудій мѣдныхъ отнято тридцать пять, въ томъ числѣ двѣ мортиры; болѣе четырехъ тысячъ Турокъ пало на мѣстѣ битвы, кромѣ умерщвленныхъ на судахъ, изъ которыхъ три были взорваны на воздухъ и столько же потоплены. Въ числѣ плѣнныхъ находился Двухъ-Бунчужный Мегметъ-Арнаутъ Паша. Знаменъ взято пятнадцать.

Принеся благодареніе Всевышнему съ пушечною пальбой за одержанную побѣду, Князь Репнинъ переправился, 2 Іюля, обратно черезъ Дунай и потомъ велѣлъ снять мосты, расположивъ армию въ прежнихъ лагеряхъ (*). Между тѣмъ вступилъ онъ въ сношенія съ Визиремъ, который первый заговорилъ о мирѣ; и желая воспользоваться благоприятною минутой, чтобы даровать оный Отечеству, подписалъ съ Турецкими Полномочными въ Галацъ, 31 Іюля, предварительныя условія: Кайнарджійскій договоръ и послѣдовавшіе за онымъ подтверждены въ полномъ и точномъ ихъ разумѣ; рѣка Днѣстръ назначена границею обѣихъ Имперій; земли, лежащія ме-

(*) Прекрасно изобразилъ Державинъ Князя Репнина въ *Памятникъ Герою*.

«Строй, Мѣза, памятникъ Герою,
Кто мужествомъ и щедръ душою,
Кто больше разумомъ, чѣмъ силой,
Разбилъ Юсуфа за Дунаемъ,
Далъ малой тратой много пользы.»

жду Бугомъ и Днѣстромъ уступлены Россіи. — 1-го Августа Потемкинъ, надѣявшійся исхитить у Репнина двойную славу побѣдителя и миротворца, прибылъ въ Галацъ, когда онъ совершилъ уже свой важный подвигъ: взбѣшенный этою неудачей, Фельдмаршалъ осыпалъ заслуженнаго Полководца страшными упреками, присоединилъ къ онымъ угрозы: *«Я исполнилъ долгъ свой — отвѣчалъ съ гордостію Князь Репнинъ — «и готовъ дать отвѣтъ Г'осударымъ и Отечеству.»* — Екатерина II наградила его (15 Юля) орденомъ Св. Георгія первой степени; повелѣла ему быть Намѣстникомъ Рижскимъ и Ревельскимъ (1792 г.) и, 2 Сентября 1793 года, по случаю мирнаго торжества, пожаловала Князю Репнину похвальную грамоту; во второй разъ алмазные знаки ордена Св. Апостола Андрея *въ знакъ Монаршаго благоволенія* и шестьдесятъ тысячъ рублей на поправленіе домашнихъ дѣлъ.

Въ 1794 году возникло въ Польшѣ безначаліе: Россійскія войска, находившіяся въ Лифляндіи и въ Минской губерніи, были подчинены Князю Репнину. Онъ вступилъ въ Литву и ревностными, неусыпными стараніями своими возстановилъ въ оной тишину. Императрица наградила его (1 Января 1795 г.) деревнями, домомъ въ С. Петербургъ, похвальною грамотой и ввѣрила ему управленіе того края съ оставленіемъ Генералъ-Губернаторомъ Эстляндскимъ и Лифляндскимъ. Въ этомъ званіи Князь Репнинъ находился по кончину Екатерины II.

Императоръ Павелъ I, по вступленіи на Престоль, произвелъ Князя Николая Васильевича Гене-

ралъ-Фельдмаршаломъ (8 Ноября 1796 г.) и, вслѣдъ за тѣмъ, Командиромъ Литовской дивизіи, Военнымъ Губернаторомъ въ Ригу, Присутствующимъ въ Совѣтъ Общества благородныхъ дѣвицъ; пожаловалъ ему шесть тысячъ душъ въ день своего коронованія (1797 г.); повелѣлъ потомъ быть Орденскимъ Канцлеромъ, Инспекторомъ инфантеріи Литовской и Лифляндской дивизій; отправилъ (1798 г.) въ Берлинъ и въ Вѣну: чтобы отвлечь Пруссію отъ союза съ Франціею, пригласить Австрійскій Дворъ къ совместному дѣйствию противъ послѣдней Державы и предложить Великую Княжну Александру Павловну въ супружество Эрцъ-Герцогу Палатину. Посольство это не было увѣнчано желаемымъ успѣхомъ; ибо Король Фридрихъ Вильгельмъ III рѣшительно отказался прервать нейтралитетъ; Князь Репнинъ уволенъ отъ службы съ позволеніемъ носить общій армейскій мундиръ. Тогда удалился онъ въ Москву и, въ кругу семейства своего, друзей, окончивалъ вечеръ славной жизни, услаждая оный христіанскими размышленіями. Въ изгнаніи никогда ропотъ не исходилъ изъ устъ благочестиваго старца: онъ чтилъ волю Царя своего и съ благоговѣніемъ покорялся оной; никто въ присутствіи его не дерзалъ осуждать распоряженій тогдашняго Правительства.

Воцарился Императоръ Александръ I, и Князь Николай Васильевичъ, любимый, уважаемый Имъ, привѣтствовалъ Внука Екатерины Великой, изъявившаго желаніе шествовать по стопамъ Ея; но не могъ служить Ему: апоплексическій ударъ прекратилъ жизнь его, посвященную четыремъ Монархамъ, 12

Мая 1801 года, на 68. отъ рожденія (*). Императоръ далъ слѣдующій Указъ Правительствующему Сенату (**): «Въ ознаменованіе отличнаго Нашего уваженія къ воинскимъ и гражданскимъ подвигамъ Генераль-Фельдмаршала Князя Репнина, въ память добродѣтелей его и любви къ Отечеству, которыми и въ мирѣ и въ войнѣ, и на службѣ и въ уединеніи, до самого конца жизни своей былъ онъ преисполненъ, и во свидѣтельство, что истинныя заслуги никогда не умираютъ, но живя въ признательности всеобщей переходятъ изъ рода въ родъ, согласно желанію его, ближнихъ его родственниковъ и Намъ Самимъ извѣстному, соизволяемъ, чтобъ родной его внукъ, отъ дочери его рожденный, Полковникъ Князь Николай Волконскій (***) принялъ фамилію его, и отнынѣ потомственно именовался *Княземъ Репнинымъ*. Да родъ

(*) Князь Н. В. Репнинъ погребенъ въ теплой церкви Московск. Донскаго монастыря.

(**) Отъ 12 Іюля 1801 года.

(***) Нынѣ Генераль отъ кавалеріи, кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невскаго съ алмази. украш.; Св. Владимира первой степени; Св. Георгія 3 класса; Св. Анны перв. ст. съ алмази. украш. и 4-й; Прусскихъ: Чернаго и Краснаго Орловъ и за достоинство; Австрійскаго: Св. Леопольда командоръ; Французскаго Св. Лудовика; имѣющій золотую индугу; съ алм.; за *храбрость*, сереб. медали 1812 и 1814 год. и знакъ отличія *безпорочной службы*; Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ.

«Князей Репниныхъ, столь славно Отечеству послу- жившихъ, съ кончиною послѣдняго въ ономъ не «угаснетъ, но, обновясь, пребудетъ навсегда, съ «именемъ и примѣромъ его, въ незабвенной памяти «Россійскаго дворянства!»

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ — какъ справедливо описываетъ его Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ — *былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ мужей, истинныхъ героевъ, любителей высочайшей добродѣтели, которыхъ дѣянія читаютъ въ Исторіи съ восторгомъ удивленія и коихъ величію не понимающіе со- вершенства добродѣтели, не имѣютъ силы върять (*)*. Съ видомъ величавымъ, гордою осанкой, возвышеннымъ челою, глазами, и въ маститой старости огненными, коимъ проведенныя дугою брови придавали еще большую выразительность, соединялъ онъ веселый нравъ, былъ обходителенъ, добръ до крайности; удивлялъ всѣхъ своею начитанностію, рѣдкою памятью; свободно изъяснялся и писалъ на Россійскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, Италіянскомъ и Польскомъ языкахъ; въ молодыхъ лѣтахъ имѣлъ сердце пламенное и былъ счастливъ любовію прекраснаго пола; умѣлъ поддерживать достоинство своей Монархини; казался иногда гордымъ по необходимости; былъ вспыльчивъ, но не зналъ мести, и одна только любовь къ службѣ, къ порядку увлекала его; неустрашимъ на ратномъ полѣ; предприимчивъ, дальновидѣнъ; смѣлъ въ Совѣтахъ Государственныхъ; неизмѣненъ въ дружбѣ; нѣжный отецъ

(*) См. *Записки И. В. Лопухина*.

семейства и, вмѣстѣ, вѣрный подданный, прямой сынъ Церкви, другъ человечества. Вотъ доказательство его необыкновенной щедрости и величія души:

Выигравъ процессъ у одного своего родственника, Кн. Л. Р., простиравшійся на нѣсколько тысячъ душъ, онъ уступилъ ему эти деревни, уважая многочисленное его семейство и бѣдное состояніе.

Императрица Екатерина II пожаловала ему шесть тысячъ крестьянъ въ присоединенныхъ къ Россіи Польскихъ областяхъ: Князь Репнинъ предоставилъ пользоваться доходомъ съ этого имѣнія, состоявшимъ изъ двадцати двухъ тысячъ рублей серебромъ, прежнему владѣльцу, Графу Огинскому, по кончину его.

Одинъ Провіантскій чиновникъ, Кн. Коз., находившійся при немъ, впалъ въ глубокую задумчивость; замѣтивъ эту перемену, Князь Репнинъ нѣсколько разъ спрашивалъ его: *отъ чего онъ такъ мраченъ?* — и не могъ узнать настоящей причины; наконецъ рѣшился употребить последнее средство, пригласилъ его въ свой кабинетъ и сказалъ ему: *«Другъ мой! говори со мною откровенно, не какъ-бы съ начальникомъ, но какъ-бы съ отцомъ духовнымъ: что у тебя за печаль? Я знаю, что ты охотникъ до картъ: не проигрался-ли?»* — Тутъ чиновникъ, тронутый до слезъ благосклоннымъ обращеніемъ Фельдмаршала, повергся передъ нимъ на колѣна и объявилъ: что имѣлъ несчастіе проиграть шестьдесятъ тысячъ рублей казенныхъ денегъ. — *«Вставай — сказалъ ему Князь Репнинъ — ты не одинъ провинился: и я не менѣе виноватъ, что, зная*

страсть твою къ игрѣ, досель оставлялъ тебя въ настоящей должности; и такъ я обязанъ участвовать въ этомъ проигрышѣ. Къ счастью твоему на дняхъ продалъ я одну деревню: вотъ тебѣ шестьдесятъ тысячъ рублей; но вмѣстѣ предлагаю и условія: немедленно подай мнѣ просьбу объ увольненіи изъ Провіантскаго вѣдомства и чтобъ этотъ разговоръ остался навсегда между нами двумя.» — Только при погребеніи великодушнаго вельможи благодѣтельствованный имъ чиновникъ открылъ тайну, тяготившую его.

Подъ руководствомъ Князя Репнина образовались многіе Государственные Сановники: Графъ Никита Петровичъ Панинъ, Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, Князь Дмитрій и Князь Яковъ Ивановичи Лобановы-Ростовскіе, Дмитрій Прокофьевичъ Трошинскій и Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій. — Суворовъ, Потемкинъ-Таврическій, Кутузовъ-Смоленскій служили подъ его знаменами.

32-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ *(по флоту)*

ГРАФЪ ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

ЧЕРНЫШЕВЪ.

=

Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, меньшой братъ Графа Захара Григорьевича, родился 24 Ноября 1726 года и, получивъ начальное образованіе въ домъ родителей, отправленъ въ 1741 году, на шестнадцатомъ своего возраста, Дворяниномъ Посольства въ Данію, куда другой братъ его, Дѣйствительный Камергеръ Петръ Григорьевичъ, назначенъ былъ тогда Чрезвычайнымъ Посланникомъ. Посвятивъ себя дипломатическому служенію, молодой Чернышевъ продолжалъ учиться подъ надзоромъ своего брата, который вскорѣ перемѣщенъ былъ въ Пруссію (1742 г.); оттуда въ Англію

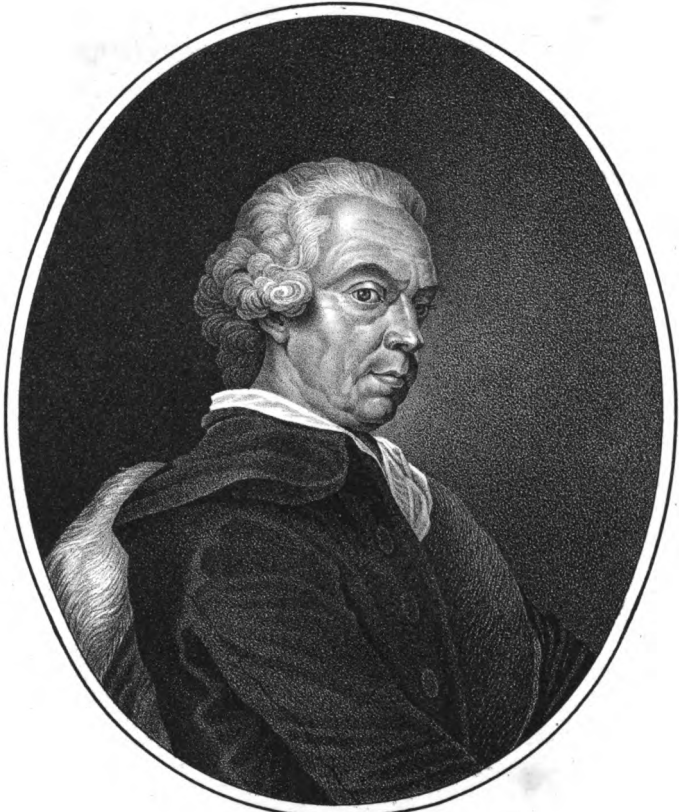

Рис. П. Иванова.

Графъ Иванъ Тригор'евичъ

ЧЕРНЫШЕВЪ.

Литогр. М. Тюлева

Полномочнымъ Министромъ (1746 г.), исходатайствовалъ ему чинъ Камеръ-Юнкера (*).

Послѣ четырнадцатилѣтней отлучки, Чернышевъ возвратился въ Отечество и получилъ Камергерскій ключъ (1755); въ слѣдующемъ году отправленъ въ Дрезденъ къ Королеву Польской и Кур-Принцессѣ Саксонской, которыя терпѣли чрезвычайный недостатокъ въ осажденномъ Пруссакими городѣ, просили денежнаго пособія у Императрицы. Государыня послала съ нимъ сто тысячъ рублей Королеву и двадцать тысячъ Принцессѣ, дозволивъ ему проѣхать оттуда въ Вѣну и въ Парижъ (**).

Чернышевъ находился въ Аугсбургѣ (1761 г.) при Чрезвычайномъ Послѣ Графѣ Кейзерлингъ; но, какъ конгрессъ съ Пруссіею не состоялся, отозванъ въ С. Петербургъ (1762). Тогда царь

(*) Графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ, Дѣйстви- тельный Тайный Совѣтникъ и орденовъ: Св. Апостола Андрея, Св. Александра Невскаго и Польскаго Бѣлаго Орла кавалеръ, родился 1712 г.; служилъ, сначала, въ арміи и при Высочайшемъ Дворѣ; потомъ былъ Полномочнымъ Министромъ въ Даніи, Пруссіи и Англіи; пожалованъ Сенаторомъ (1755 г.), Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ во Францію (1760); возвратясь въ Отечество, продолжалъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ по самую кончину, послѣдовавшую въ С. Петербургѣ 20 Авг. 1773 г., на 62 году отъ рожденія.

(**) Изъ третьей части: *Сокращен. извѣстія о взаимныхъ между Рос. Монархами и Европейскими Державами Посольствахъ*, сочин. моимъ родителемъ.

ствовала уже Императрица Екатерина II, издавна покровительствовавшая брату его, Графу Захару Григорьевичу, который былъ возведенъ въ достоинство Генераль-Аншефа и получилъ, въ день Ея коронаціи, Андреевскій орденъ. Въ это самое время и Графъ Иванъ Григорьевичъ пожалованъ Генераль-Поручикомъ, сошелъ съ дипломатическаго поприща, наименованъ: Членомъ Адмиралтействъ-Коллегіи (1763 г.); Присутствующимъ въ учрежденной Морской Комисіи Россійскихъ флотовъ (въ Ноябрь); Главнымъ Командиромъ Галернаго порта (1765 г.). Онъ былъ тогда кавалеромъ орденовъ Блага Орла и Св. Анны.

Въ началъ 1767 года, Графъ Иванъ Григорьевичъ опредѣленъ Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ къ Великобританскому Двору, куда выхалъ только въ 1768 году. Императрица пожаловала его (1769 г.) Вице - Президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Онъ вступилъ въ новую должность въ 1770 году и сосудилъ Коллегію 75,000 руб., по случаю недостатка въ оной денегъ. Черезъ три года, Графъ Чернышевъ уволенъ въ отпускъ (по 1776 годъ) къ теплымъ водамъ. Императрица пригласила его, потомъ, въ Москву, гдѣ въ день празднованія мира съ Турціею (10 Іюля, 1776 г.) удостоенъ онъ орденовъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и Св. Александра Невскаго: *за многіе труды его въ приведеніе флота въ доброе состояніе* (*).

Благоволеніе Екатерины II къ Графу Ивану Григорьевичу неизмѣнно продолжалось по самую Ея

(*) Слова Высочайшаго рескрипта.

кончину: онъ, въ числѣ малыхъ особъ, имѣлъ право каждый день обѣдать у Государыни; при учрежденіи ордена Св. Владиміра (1782 г.), получилъ ленту этого почетнаго отличія вмѣстѣ съ Потемкинымъ, Румянцовымъ, Княземъ Орловымъ, Фельдмаршаломъ Княземъ Голицынымъ, братомъ своимъ Графомъ Захаромъ Григорьевичемъ, Графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ, Княземъ Репнинымъ, Бецкимъ, Шуваловымъ и Безбородко; сопровождалъ Императрицу въ Фридрихсгамъ (1783 г.) во время свиданія Ея съ Королемъ Шведскимъ; находился при Ней когда Она обозрѣвала южныя Свои провинціи (1787 г.); награжденъ алмазными знаками ордена Св. Андрея въ день празднованія мира съ Швеціею (8 Сент., 1790 г.): *за труды въ вооруженіи флотовъ при управленіи Морскимъ Департаментомъ*; пожалованъ Членомъ Совѣта.

Императоръ Павелъ I, котораго Графъ Чернышевъ часто посѣщаль, когда Онъ занимался еще ученіемъ, возвелъ его, 12 Ноября 1796 года, въ достоинство Генералъ-Фельдмаршала по флоту, съ тѣмъ, *однакожь, чтобы онъ не былъ Генералъ-Адмираломъ* (*), повелѣлъ ему быть Президентомъ Адмиралтейской Коллегіи и Сенаторомъ.

Здоровье почтеннаго старца нѣсколько лѣтъ уже ослабѣвало: онъ отправился въ чужіе края, надѣясь, посредствомъ цѣлебныхъ водъ, поддержать угасающую жизнь; но смерть приближалась къ нему скорыми шагами и 26 Февраля 1797 года послѣдній

(*) Слова Высочайшаго Указа.

былъ день его жизни. Останки Чернышева привезены въ С. Петербургъ и преданы землѣ въ церкви Благовѣщенія Александро-Невской Лавры.

Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ съ умомъ образованнымъ соединялъ любезность и, вмѣстѣ, нѣкоторое непостоянство въ характерѣ; въ Совѣтахъ былъ не рѣшительнъ, слишкомъ остороженъ; но въ продолжительное пребываніе свое внѣ Отечества, остался Рускимъ во всемъ пространствѣ этого слова; отличался хлѣбосольствомъ; имѣлъ прекрасный столъ, лучшіе вины, которые привозили ему Капитаны кораблей. Первымъ удовольствіемъ его было, когда онъ посѣщалъ Наслѣдника Престола (въ послѣдствіи Императора Павла I) рассказывать Ему о знаменитыхъ дѣяніяхъ соотечественниковъ; съ восхищеніемъ, съ слезами повѣствовалъ онъ о Его Прадѣдѣ, Петрѣ Великомъ. — *«Это истинно Богъ былъ на землѣ во время отцевъ нашихъ!»* — восклицалъ Чернышевъ; благодарилъ Наслѣдника за Его доброе мнѣніе о Рускихъ (*). — Еслибъ Графъ Иванъ Григорьевичъ и не оказалъ по флоту значительныхъ услугъ Отечеству; то одно стараніе его поселить столь полезныя правила въ Порфиросномъ Отрокѣ даетъ ему полное право на уваженіе наше. — Императорская Академія Наукъ имѣла его въ числѣ своихъ Членовъ. Онъ былъ *Почетнымъ Благотворителемъ* Воспитательнаго дома, въ образованіи котораго принималъ дѣятельное участіе.

(*) См. *Записки Порошина.*

**Сынъ Графа Ивана Григорьевича, Оберъ-Шенкъ
Высочайшаго Двора Графъ Григорій Ивановичъ Чер-
нышевъ, скончался въ 1831 году.**

••

33-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

ГРАФЪ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ

САЛТЫКОВЪ.

=

Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, сынъ Генералъ-Фельдмаршала Графа Петра Семеновича Салтыкова, родился въ 1730 году; обучался въ домъ своего родителя; сначала служилъ въ гвардіи (съ 1745 г.), потомъ при Высочайшемъ Дворѣ въ званіи Камеръ-Юнкера, и (1760 г.) выпущенъ въ армію Бригадиромъ. Онъ участвовалъ въ знаменитыхъ подвигахъ Россіянь противъ Пруссаконъ; за оказанную храбрость произведенъ въ Генералъ-Маіоры (1761 г.); получилъ отъ Императора Петра III орденъ Св. Анны (1762) и, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Александровскую ленту въ день коронаванія Императрицы Екатерины II.

Рис. По. Швановъ.

Графъ Иванъ Петровичъ

САЛТЫКОВЪ.

Литографъ М.Тюленъ.

Черезъ семь лѣтъ открылась война съ Турціею: Графъ Салтыковъ, бывший тогда Генераль-Поручикомъ (съ 1766 г.), снова обнажилъ мечъ, содѣйствовалъ Князю Голицыну (*) въ разбитіи Карамана Паши подъ Хотинымъ (1769 г.), въ овладѣніи этою крѣпостію; служилъ потомъ подъ знаменами славнаго Задунайскаго: предводительствовалъ на Ларгскомъ сраженіи (1770 г.) частію конницы, слѣдовавшей за пѣхотою; но, къ огорченію Главнокомандовавшаго, опоздалъ преслѣдованіемъ непріятели, не получивъ въ свое время посланныхъ повелѣній; начальствовалъ на Кагульской битвѣ (въ томъ же году) тяжелой кавалеріею, расположенною между карре, врубился въ толпы янычаръ, положилъ множество на мѣсть, остальныхъ обратилъ въ бѣгство и занялъ ретраншаментъ. Румянцовъ донесъ своему бывшему начальнику, Фельдмаршалу Графу Салтыкову, о знаменитой побѣдѣ и назвалъ его *счастливымъ отцомъ*, упоминая объ *отличномъ мужествѣ* Графа Ивана Петровича. Последній награжденъ тогда алмазными знаками ордена Св. Александра Невскаго.

Въ 1772 году Графъ Салтыковъ первый переправился чрезъ Дунай съ вѣрными ему корпусомъ; произведенъ (1773 г.) въ Генераль-Аншефы; учредилъ сообщеніе съ Дунаемъ между Силистріи и Рушукъ, выгналъ Турокъ изъ Марутинскихъ ретраншаментовъ, овладѣлъ ихъ лагеремъ, взялъ три пушки, принудилъ непріятели отступить въ Рушукскія

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Князя Александра Михайл. Голицына.

укрѣпленія и обложилъ городъ отъ самого Дуная по рѣкѣ Ломъ; но не могъ взять онаго. Отряженный имъ Генераль Суворовъ овладѣлъ Туртукаемъ. 14 Юля (1774 г.) Салтыковъ готовился подъ стѣнами осажденной крѣпости къ рѣшительному бою съ Серакиромъ Гассанъ-Пашею, бывшимъ въ послѣдствіи Капитаномъ Пашею и Визиремъ, какъ прибылъ курьеръ отъ Главнокомандовавшаго съ извѣстіемъ о заключенномъ мирѣ при Кайнарджи.

Императрица наградила военные подвиги Графа Ивана Петровича (1775 г.) орденомъ Св. Георгія второго класса и золотою шпагой, украшенною алмазами. Въ 1780 году, начальствуя двадцатью шестью полками и сильною артиллеріей, онъ составлялъ противъ Турокъ цѣпь войскъ, и имѣлъ главную квартиру въ Немировѣ; продолжалъ командовать корпусомъ въ бывшихъ Польскихъ провинціяхъ до 1784 года, въ которомъ пожалованъ Генераль-Адъютантомъ и Генераль-Губернаторомъ Владимірскаго и Костромскаго Намѣстничества, удостоенный за два года передъ тѣмъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1782).

Графъ Салтыковъ исправлялъ должность Намѣстника по 1788 годъ: возобновившаяся война съ Турціею призвала его снова на бранное поле. Онъ увѣнчалъ себя занятіемъ крѣпости Хотина (8 Сентября); которая, послѣ тѣснаго облежанія, сдалась ему и Принцу Саксенъ-Кобургскому, командовавшему союзными Австрійскими войсками, на слѣдующихъ условіяхъ: двухъ-тысячный Турецкій гарнизонъ и всѣ жители Магометанскаго исповѣданія, числомъ

обоего пола до шестнадцати тысячъ человекъ, получили позволеніе выдти изъ крѣпости; 153 пушки разнаго калибра, 14 мортиръ и множество другихъ оружій и военныхъ припасовъ достались побѣдителямъ. За этотъ подвигъ Графъ Салтыковъ получилъ орденъ Св. Владиміра первой степени (1789 г.).

Досель Графъ Иванъ Петровичъ побѣждалъ Турокъ: въ 1790 году Императрица ввѣрила ему Финляндскую армію. Сначала Шведы имѣли нѣкоторую поверхность надъ нашими войсками; потомъ потерпѣли пораженіе, между кирхи Валкіала и деревни Тайкалы (22 Апр.), отъ храбраго Генераль-Маіора Денисова, который захватилъ обозъ ихъ и артиллерію, прогнавъ за Кюмень. Въ этомъ дѣлѣ находился Король. Между тѣмъ Генераль-Поручикъ Нумсенъ овладѣлъ на правомъ берегу рѣки Кюмени укрѣпленіями, взявъ 12 пушекъ и болѣе 300 пѣхотныхъ; Генераль-Маіоръ Ферзенъ дѣйствовалъ столь же удачно въ Свеаборгскомъ округѣ. Непріятель не смѣлъ тревожить границы наши, поражаемый также на морѣ Чичаговымъ. Въ Стокгольмѣ возникъ ропотъ. Густавъ III принужденъ былъ предложить миръ Екатеринѣ. Въ день торжества онаго (8 Сент.) Графъ Иванъ Петровичъ былъ награжденъ званіемъ Подполковника гвардіи коннаго полка, шпагою съ алмазами и алмазными знаками ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

Неожиданное событіе разстроило на нѣкоторое время ходъ службы Салтыкова: онъ обратилъ на себя неудовольствіе Задунайскаго, въ арміи котораго находился корпуснымъ командиромъ и принужденъ

былъ выдти въ отставку (1795 г.). Императоръ Павелъ I принялъ его снова въ службу (1796 г.): переименовалъ Генераломъ отъ кавалеріи (17 Ноября), назначилъ Шефомъ кирасирскаго полка, и на другой день, Кіевскимъ Военнымъ Губернаторомъ, Инспекторомъ по кавалеріи; 15 Декабря того года Генераль-Фельдмаршаломъ, Генераль-Инспекторомъ надъ всею кавалеріею, съ подчиненіемъ Украинской арміи до выздоровленія Румянцова; наконецъ, въ исходъ 1797 года, перевелъ его Военнымъ Губернаторомъ въ Москву, пожаловалъ ему, вслѣдъ за тѣмъ, болѣе шести тысячъ крестьянъ въ Польскихъ губерніяхъ (*) и опредѣлилъ Главнокомандующимъ арміи, долженствовавшей сосредоточиться въ Витебской губерніи (1800 г.). По случаю кончины Государя назначеніе это не состоялось.

Императоръ Александръ I, въ день Своего коронаванія (1801 г.) препроводилъ къ Графу Ивану Петровичу табакерку съ портретомъ, осыпаннымъ бриліантами. Онъ оставался Военнымъ Губернаторомъ въ Москвѣ до 1 Мая, 1804 года, получивъ тогда увольненіе, согласно собственному желанію, по причинѣ разстроеннаго здоровья, и вскорѣ скончался, 14 Ноября, 1805 года, на 76 отъ рожденія. Тѣло его предано землѣ подлѣ родителя, въ Ярославскомъ имѣніи.

Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, во всю жизнь свою никого не сдѣлавшій несчастнымъ, былъ

(*) Имѣніе это было продано сыномъ Графа Ивана Петровича за милліонъ девятьсотъ тысячъ рублей.

чуждъ постыдной гордости, и презиралъ только высокомерныхъ временщиковъ; отличался ласковымъ, добродушнымъ приѣмомъ; жилъ въ Москвѣ чрезвычайно пышно: каждый день за обѣдомъ и ужиномъ его находилось шестьдесятъ приборовъ; каждое воскресенье съѣзжалось къ нему на балъ нѣсколько сотъ человекъ (*). Онъ старался искоренить въ присутственныхъ мѣстахъ лихоимство, водворялъ повсемѣстный порядокъ и благочиніе, пользовался общеою любовью и уваженіемъ, любилъ дѣлать добро; занимался, въ свободное время, охотою, имѣя собственныхъ псарей до ста человекъ; оставилъ сыну своему шестнадцать тысячъ крестьянъ, въ томъ числѣ тысячу двѣсти человекъ дворовыхъ людей, и два милліона восемьсотъ тысячъ долгу.

Сынъ Графа Ивана Петровича, Графъ Петръ Ивановичъ Салтыковъ, служилъ, сначала, Дѣйствительнымъ Камергеромъ при Высочайшемъ Дворѣ, потомъ былъ Поручикомъ Лейбъ-Гвардіи гусарскаго полка; награжденъ, за оказанную храбрость въ разныхъ битвахъ противъ Французовъ, военнымъ орденомъ Св. Георгія 4 класса; тяжело раненъ на Аустерлицкомъ сраженіи; сформировалъ собственный полкъ гусарскій (*Московский*) въ достопамятный 1812 годъ и вскорѣ скончался (въ томъ же году) въ молодыхъ лѣтахъ горячкою, получивъ эту болѣзнь въ лазаретахъ, гдѣ онъ ежедневно навѣщалъ больныхъ солдатъ. Сестры его въ замужствѣ: 1-я съ Тайнымъ Совѣтникомъ Петромъ Васильевичемъ Мят-

(*) Иногда до восьмисотъ человекъ.

левымъ и 2-я съ Графомъ Григоріемъ Владиміровичемъ Орловымъ.

Нынѣ отъ Графовъ Салтыковыхъ остался единственнымъ потомкомъ Графъ Левъ Григорьевичъ Салтыковъ, состоящій въ должности Егермейстера Высочайшаго Двора. Прадѣдъ его, Сѣнаторъ Графъ Владиміръ Семеновичъ, былъ меньшей братъ Побѣдителя при Франкфуртѣ (*).

(*) См. въ первой части біографію Генер. Фельдм. Графа Петра Семеновича Салтыкова, стр. 281—296.

Рис. П.е. Улановъ

Принцъ Александръ Курпатовъ

ЭЛЬМИШЪ.

Липонъ Тюлева.

34-й

ГЕНЕРАЛЬ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

Г Р А Ф Ъ И В А Н Ъ К А Р П О В И Ч Ъ

Э Л Ъ М Т Ъ.

=

Графъ Иванъ Карповичъ Эльмтъ, происшедшій отъ древней благородной фамилиі Германской, родился въ Клевѣ 1725 года и, кончивъ ученіе, вступилъ въ военную службу, сначала во Франціи, гдѣ на двадцать четвертомъ году былъ Маіоромъ; потомъ въ Россіи, въ чинѣ Капитана (1749 г.).

Способности, расторопность и усердіе проложили ему дорогу къ быстрому возвышенію: черезъ пять лѣтъ былъ онъ уже Полковникомъ (1755 г.) и за оказанную храбрость въ Прусскую войну произведенъ Бригадиромъ (1758 г.) и Генераль-Маіоромъ (1762 г.); пожалованъ Генераль-Квартирмейстеромъ. Вслѣдъ за тѣмъ Императрица Екатерина II возложила на него орденъ Св. Анны (1763 г.).

Разрывъ съ Турціей, снова, доставилъ Эльмту случай явить опыты своего мужества и военного искусства. Онъ поступилъ въ армию Генераль-Аншефа Князя Голицына (*) (1769 г.), будучи Генераль-Поручикомъ: участвовалъ (29 Августа) въ поражениі Верховнаго Визиря Молдованжи; заслужилъ похвалу Главнокомандовавшаго, и, предводительствуя десятитысячнымъ корпусомъ, занялъ (9 Сент.) Хотинъ; преслѣдовалъ бѣжавшаго непріятеля; вступилъ (26 числа) въ Яссы; покорилъ Молдавское Княженіе, утвердивъ повсемѣстно присягой покорность и вѣрность жителей Императрицѣ и Ея Наслѣднику. За этотъ подвигъ Графъ Эльмтъ награжденъ орденомъ Св. Александра Навскаго. Онъ сражался съ Польскими Конфедератами; командовалъ (1772 г.) корпусомъ, расположеннымъ на границѣ Швеціи; былъ произведенъ въ Генераль-Аншефы (1780 г.); нѣскольکو лѣтъ находился въ домовомъ отпускѣ (**), вѣроятно скучая бездѣйствіемъ, претерпѣвая неудачи; служилъ потомъ въ 1787 и 1788 годахъ, подъ знаменами Задунайскаго; командовалъ 3-ю дивизіею, состоявшею изъ 7000 человекъ; перешелъ (1788 г.) черезъ Днѣстръ въ Косницъ ниже Сороки; прикрывалъ осаду Хотина (***) ; не допустилъ (5 Авг.) Татарскаго Хана подать помощь этой крѣпости; распо-

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Князя Александра Михайловича Голицына.

(**) 1777 года, 1778, съ 1781 по 1785 годъ.

(***) См. біографію Генер. Фельдм. Графа Ивана Петровича Салтыкова.

ложилъ свою дивизию въ окрестностяхъ Яссы, куда вступили Австрійцы 23 числа.

Императрица Екатерина II не любила Графа Эльмта за его невоздержный языкъ; Военачальники— за вспыльчивый нравъ, благородную гордость, хотя и отдавали справедливость достоинствамъ этого Полководца. Онъ начальствовалъ войсками, расположенными въ Ригѣ, когда скончалась Государыня. Императоръ Павелъ I переименовалъ его (1796 г.) въ Генералъ отъ инфантеріи и въ командиры Лифляндской дивизіи; пожаловалъ Шефомъ С. Петербургскаго гренадерскаго полка (названнаго, потомъ, *полкомъ Графа Эльмта*) и, въ день своего коронованія, 5 Апрѣля 1797 года, Генералъ-Фельдмаршаломъ, кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго; но въ скоромъ времени (10 Янв. 1798 г.) уволилъ, за *старостію*, отъ службы съ дозволеніемъ носить общій армейскій мундиръ.

Графъ Эльмтъ былъ самъ виновникомъ своего паденія: къ нему пріѣхалъ Инспекторомъ Генералъ-Адъютантъ Баратынскій. Однажды, въ присутствіи его, за обѣденнымъ столомъ, Фельдмаршалъ спросилъ гостей, сидѣвшихъ вдали: *о чемъ они разговариваютъ съ такимъ жаромъ?* Ему отвѣчали: что въ сосѣдней дивизіи Инспекторъ Аракчеевъ арестовалъ Полковника, имѣющаго Георгіевскій крестъ. — «*Осмѣлился-бы у меня Инспекторъ поступить такимъ образомъ!*—воскликнулъ съ сердцемъ Графъ Эльмтъ— «*Я вельмъ-бы ему связать руки и ноги и отправить-бы его прямо въ Гатчино.*» — Въ другое время присланъ къ нему Штабъ-офицеръ, изъ Нѣмцевъ, для

обученія солдатъ и, маршируя съ ними на флангъ, мимо Фельдмаршала, повторялъ во весь голосъ слова: *разъ, два.* — «*Какой тактикъ!*» — произнесъ вслухъ Эльмтъ и, тотчасъ, приказалъ Штабъ-офицеру выйти изъ рядовъ, занялъ его мѣсто, началъ маршировать съ солдатами, подымалъ какъ можно выше ноги и, въ тактъ, палку, которую держалъ въ рукѣ, но, вмѣсто произносимыхъ офицеромъ словъ, повторялъ съ разстановкою: *так—тикъ.*

Онъ скончался въ 1802 году и погребенъ въ принадлежавшей ему мызѣ Свитенъ (Курляндской Губерніи); былъ высокаго роста; имѣлъ и въ старости маститой красивую, пріятную наружность; съ великимъ умомъ соединялъ большія свѣдѣнія по военной части, отважность, нравъ веселый, обходительный; не смотрѣлъ вблизи на формы; но отъ природы чрезвычайно вспыльчивый, откровенный, не щадилъ никого для остраго слова.

Рис. П. Ивановъ.

Графъ Валентинъ Платоновичъ

МУСИНЪ - ПУШКИНЪ.

Литог. Тюлева.

35-й

ГЕНЕРАЛЪ - ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

ГРАФЪ ВАЛЕНТИНЪ ПЛАТОНОВИЧЪ

МУСИНЪ-ПУШКИНЪ.

=

Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ (*), сынъ Сенатора Графа Платона Ивановича, родился 6 Декабря 1735 года и на пятомъ году своего возраста разлученъ съ отцемъ, который сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь (**). Должно полагать, что осиротѣвшій юноша получилъ образованіе въ домъ родительницы своей. Съ самыхъ юныхъ

(*) *Мусины-Пушкины* имѣютъ одно происхожденіе съ Бутурлиными. *Гербовникъ, часть 4.* — См. въ первой части біографію Генер. Фельдм. Графа Александра Борисовича Бутурлина.

(**) Графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ служилъ, въ молодыхъ лѣтахъ, по дипломатической части; потомъ присутствовалъ въ Московской Конторѣ Правительствующаго Сената; былъ Губернаторомъ: въ Смо-

лѣтъ посвятилъ онъ себя военной службѣ, былъ записанъ въ гвардію на тринадцатомъ году отъ рожденія (1747 г.); участвовалъ въ славной войнѣ Россіянъ съ Пруссаками; пожалованъ Камеръ-Юнкеромъ Высочайшаго Двора Императрицею Екатериною II, въ день Ея коронованія (1762 г.), будучи Секундъ-Ротмистромъ конной гвардіи; произведенъ черезъ семь лѣтъ въ Дѣйствительные Камергеры (1769 г.); служилъ (1771 г.) во второй арміи подъ знаменами тестя своего Князя Долгорукаго, завоевавшаго Крымъ; награжденъ, за оказанную храбрость въ разныхъ сраженіяхъ, орденами Св. Георгія 3 класса и Св. Анны; прекратилъ мятежъ въ Воронежѣ (1774 г.), куда высланъ былъ *Крымскимъ* съ однимъ пѣхотнымъ полкомъ, двумя карабинерными, тремя эскадронами драгунъ и десятью гусарскими; награжденъ въ день торжества замиренія съ Турками

ленскъ, въ Казани (1732 г.) и въ Эстляндіи (1734); пожалованъ: Президентомъ Коммерцъ-Коллегіи (1736); Сенаторомъ (1739 г.), съ оставленіемъ подъ его начальствомъ Коммерцъ-Коллегіи и Канцеляріи конфискацій, также съ подчиненіемъ ему вновь учрежденной Коллегіи Экономіи; кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго (1740 г.). Дружба съ Кабинетъ-Министромъ Волынскимъ погубила его: по доносу Бирона, лишенъ онъ (27 Іюня) чиновъ, знака отлічія, Графскаго достоинства и, послѣ жестокой пытки, съ *отрѣзаніемъ языка* сосланъ въ Соловецкой монастырь, Архангельской губерніи, *за дерзкія* — будто-бы — *рчи*. Императрица Елисавета Петровна возвратила его изъ ссылки и приказала жить въ Симбирской деревнѣ.

(1775 г.) орденомъ Св. Александра Невскаго, будучи Генераль-Поручикомъ; пожалованъ: Генераль-Аншефомъ (1782); Генераль-Адъютантомъ (1783 г.), съ повелѣніемъ находится при Наслѣдникъ Престола; Вице-Президентомъ Военной Коллегіи и кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1786 г.); Членомъ Совѣта (1787 г.); сохранилъ носимыя имъ званія по самую кончину Императрицы Екатерины II и въ это время дважды предводительствовалъ Финляндскою арміею противъ Шведовъ.

Первая война (1788 г.), кромѣ морскихъ сраженій, была оборонительная: четырнадцать тысячъ Россіянъ мужественно отразили нападенія тридцатишести тысячной арміи, которою начальствовалъ самъ Король Густавъ III; вторая кампанія (1789 г.), во время побѣдъ Адмирала Чичагова и Принца Нассау, ознаменована на сухомъ пути удачными дѣйствіями Генераль-Поручика Михельсона, который, командуя передовымъ нашимъ корпусомъ, разбилъ при деревнѣ Кири Шведскій отрядъ, взялъ двѣ пушки; овладѣлъ Христиною (1 Іюня), Салтъ-Михелемъ (8 Іюня). Армія Графа Мусина-Пушкина состояла тогда изъ двадцати тысячъ человекъ; онъ очистилъ отъ непріятели значительное пространство земель, разорилъ множество укрѣпленій; но, дѣйствуя слишкомъ осторожно, не увѣнчалъ себя никакимъ блистательнымъ подвигомъ. Въ 1790 году смѣнилъ его Графъ Салтыковъ (*). Между тѣмъ Государыня препроводила

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Графа Ивана Петровича Салтыкова.

къ Графу Валентину Платоновичу, за первую кампанію, орденъ Св. Владиміра первой степени (1789 г.); за вторую (въ день мирнаго торжества) алмазные знаки ордена Св. Андрея и золотую шпагу съ такими же украшеніями (1790 г.)

Графъ Мусинъ-Пушкинъ былъ взысканъ и Императоромъ Павломъ I, который возвелъ его въ достоинство Шефа Кавалергардскаго Корпуса (1796 г.) и Генераль-Фельдмаршала 5 Апрѣля 1797 года, пожаловалъ ему четыре тысячи крестьянъ въ день своего коронованія. Онъ скончался въ Москвѣ 8 Іюля, 1804 года, на 69 отъ рожденія и погребенъ въ Симоновъ монастырь, гдѣ супруга его Графиня Прасковья Васильевна соорудила придѣлъ во имя Св. Мученика Валентина, упрочивъ вѣчное поминовеніе вносомъ двадцати тысячъ рублей.

Графъ Валентинъ Платоновичъ имѣлъ чрезвычайно доброе сердце, былъ ласковъ, обходителенъ со всѣми, отличался благороднымъ образомъ мыслей, чистѣйшими правилами, достигалъжелаемаго терпѣніемъ; въ молодыхъ лѣтахъ былъ счастливъ, любимъ прекраснымъ поломъ; собою видный, роста высокаго, красивой наружности, но въ старости пополнѣлъ, сдѣлался сутуловатъ, имѣлъ лице красноватое, покрытое угрями; долженъ стоять на ряду болѣе съ искусными царедворцами, нежели съ побѣдоносными вождями, по нерѣшительности своего нрава.

Рис. П. Ивановъ

Графъ Михаилъ Осодотовичъ

КАМЕНСКОЙ.

Литогр. М. Тюлова.

36-й

ГЕНЕРАЛЬ-ФЕЛЬДМАРШАЛЬ

ГРАФЪ МИХАИЛЬ ФЕДОТОВИЧЪ

КАМЕНСКОЙ.

Графъ Михаилъ Федотовичъ Каменской, сынъ Гофъ-Юнкера, служившаго Мундшенкомъ при Петрѣ Великомъ (*), родился 1738 года; обучался въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ и на четырнадцатомъ году своего возраста, началъ въ ономъ службу (1751 г.) Капраломъ; выпущенъ изъ Сержантовъ (1756 г.) въ полевые полки Поручикомъ; переведенъ (1757 г.) въ артиллерію тѣмъ же чиномъ; пожалованъ 1 Января

(*) Прѣдки Каменскаго выѣхали въ Россію изъ Германіи въ XIII столѣтіи. Родоначальникъ ихъ *Ратша*, какъ у Бутурлиныхъ и у Мусиныхъ - Пушкиныхъ. — См. III примѣчаніе въ 4 томъ *Исторіи Государства Россійскаго*, Карамзина, издан. втор.

варя 1758 года Капитаномъ; служилъ два года въ Французской арміи волонтеромъ (1758 и 1759 г.); участвовалъ въ походахъ соотечественниковъ въ Пруссію 1760 и 1761 г.); произведенъ въ Полковники и въ Генералъ-Квартирмейстеры-Лейтенанты (1762 г.); получилъ чинъ Бригадира въ 1767 году, на двадцать девятомъ году отъ рожденія. Тогда родовое имѣніе его простиралось до трехъ тысячъ крестьянъ (*).

Пылкій, крутой нравъ Каменскаго, умъ бѣглый, проникательный, примѣрная храбрость — еще въ то время вывели его изъ круга людей обыкновенныхъ. Фридрихъ Великій, говоря объ немъ, въ 1765 году, съ своимъ Генераломъ Тауенцинымъ, называлъ Каменскаго: *молодымъ Канадцемъ, довольно образованнымъ* (**); Императрица Екатерина II позволяла ему посѣщать Наслѣдника, который любилъ бесѣдовать съ нимъ о славныхъ подвигахъ Россіянъ, отличалъ его предъ прочими.

Когда возгорѣлась война съ Портою Оттоманской, въ 1769 году, Каменской, будучи Генералъ-Маіоромъ и предводительствуя авангардомъ, участвовалъ, 29 Августа, въ разбитіи Княземъ Голицынымъ Верховнаго Визиря Молдованжи-Паши и Крымскаго Хана, въ занятіи Хотина; награжденъ орденомъ Св. Анны. Вслѣдъ за тѣмъ служилъ онъ подъ знаменами Графа Панина: явилъ опыты своего мужества при взятіи

(*) Изъ *Послужнаго списка, 1767 года.*

(**) *C'est un jeune Canadien, qui est pourtant assez policé.* — Записки Порошина.

штурмомъ Бендеръ (1770 г.); содѣйствовалъ сдачу Акермана; получилъ за военные подвиги орденъ Св. Георгія третьяго класса и, по старшинству, чинъ Генераль-Поручика (1773 г.); разбилъ (17 Іюня) Турецкій корпусъ на островъ предъ Журжею. Но блистательнѣйшею эпохой въ его жизни былъ 1774 годъ: разстѣвъ непріятельскій отрядъ при Абтату (11 Мая), онъ выгналъ (2 Іюня) изъ Базарджика Турецкій пяти тысячный авангардъ; одержалъ, (9 Іюня) при мѣстечкѣ Козлуджи, совершенную побѣду надъ сорока-тысячною арміею, которою предводительствовали: Янычарскій Ага, Рейсъ-Ефендіи и многіе Паши: положилъ на мѣсть до трехъ тысячъ человекъ; взялъ 40 пушекъ, 80 знаменъ; овладѣлъ богатымъ лагеремъ; отбросилъ (19 Іюня), близъ Алибабы, Сераскира Дагистанлу Пашу къ Шумль; истребилъ подвезенный провіантъ Туркамъ и, потомъ, пресѣкъ всякое сообщеніе Великаго Визиря съ Андриополемъ, заперъ его въ собственномъ лагерѣ, заставилъ согласиться на предложенныя ему мирныя условія Графомъ Румянцовымъ. Высочайшія награды соответствовали заслугамъ искуснаго Полководца: онъ удостоился получить въ 1775 году ордена Св. Георгія втораго класса (10 Іюля) и Св. Александра Невскаго (28 Августа).

Въ 1783 году поручена Каменскому должность Генераль-Губернатора Рязанскаго и Тамбовскаго, которую онъ исправлялъ около трехъ лѣтъ съ отличными усердіемъ, пріобрѣтшимъ ему чинъ Генераль-Аншефа (1784 г.). Возобновившаяся война съ Турціею заставила его снова обнажить мечъ: поки-

нубъ въ Кишиневъ и Чучуленъ всю тяжелую артиллерию, подъ надлежащимъ прикрытіемъ и, раздѣливъ командуемую имъ дивизію на три колонны, Каменской, не смотря на глубокой снѣгъ и суровую погоду, выступилъ 19 Декабря (1788 г.) къ деревнѣ Гангуръ, откуда непріятель беспокоилъ передовые наши посты. Колонна Генералъ-Маіора Лассія первая пришла къ назначенному пункту и была немедленно атакована сыномъ Татарскаго Хана Мегметъ-Гиреемъ; но Каменской, ведшіи среднюю, ударилъ на противниковъ съ лѣвой стороны и въ тылъ, опрокинулъ ихъ, гналъ до Сакулецъ. Мегметъ-Гирей палъ на мѣстѣ битвы и съ нимъ около ста Турокъ и Татаръ. Пользуясь пораженіемъ непріятеля, Каменской устремился на него и въ Сакульцахъ, съ одною конницею; обратилъ въ бѣгство къ деревнѣ Манбетъ; положилъ на мѣстѣ до трехъ сотъ чело-вѣкъ; взялъ въ плѣнъ восемьдесятъ семь; отнялъ четыре пушки и шесть знаменъ. Онъ отослалъ къ Хану тѣло убитаго сына его, писалъ къ нему: «что препровождаетъ оное для погребенія по ихъ обрядамъ, и что сдѣлалъ это не какъ Рускій Генералъ, но какъ отецъ, котораго дѣти могутъ подвергнуться такой же участи.» — Ханъ благодарилъ за присылку драгоценныхъ остатковъ и утѣшалъ себя въ письмѣ: *что сынъ его умеръ, храбро защищая права своего Государя.* Событіе, дѣлающее честь обоимъ Полководцамъ; но, съ сожалѣніемъ, должно упомянуть здѣсь объ истребленныхъ въ то время огнемъ и мечемъ двухъ селе-ніяхъ, Гангуръ и Сакульцахъ. Невинные младенцы

и немощныя жены подверглись этой жалкой участи. За кровавую побѣду, Каменской награжденъ орденъ Св. Владиміра первой степени (1789 г.). Онъ участвовалъ въ томъ же году въ осадѣ Бендеръ.

Среди успѣховъ нашего оружія, скончался Главнокомандовавшій Князь Потемкинъ-Таврической (1791 г.), въ тридцати семи верстахъ отъ Яссы, отправивъ въ тотъ день нарочнаго въ Крымъ къ Генералу Каховскому (*), которому ввѣрилъ свою армию. Тогда Каменской остался старшимъ въ главной квартирѣ, собралъ Генералитетъ, объявилъ оному о кончинѣ Фельдмаршала и принялъ команду. Черезъ нѣсколько дней явился Каховской, предъявилъ полу-

(*) Каховской, Михайла Васильевичъ, въ Государствованіе Императрицы Екатерины II служилъ, сначала, Генераль-Квартирмейстеромъ; потомъ управлялъ Могилевскою и Витебскою губерніями; предводительствовалъ отдѣльнымъ корпусомъ въ Крыму; пожалованъ Генераль-Аншефомъ, кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго; вывелъ армию, по кончинѣ Потемкина, изъ областей Турецкихъ; неожиданно вторгся въ Польшу (1792 г.): разбилъ отрядъ мятежныхъ войскъ при Муравѣ, истребилъ главныя силы ихъ при Любарѣ и Городищѣ; награжденъ орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго; званіемъ Генераль-Губернатора Нижегородскаго и Пензенскаго, съ подчиненіемъ ему войскъ, расположенныхъ въ Тавридѣ. Императоръ Павелъ I переименовалъ его въ Генералы отъ инфантеріи, возвелъ въ Графское достоинство Россійской Имперіи и вскоре уволилъ отъ службы. Онъ скончался въ 1800 году, на 67 отъ рожденія.

ченый имъ ордеръ отъ Главкомадовавшего. Возникла переписка между обоими Генералами. Тщетно Михаилъ Ѳедотовичъ ссылался на старшинство свое: противникъ его превозмогъ, утверждая права на волю уполномоченнаго Государынею. Кратковременный раздоръ этотъ принять съ негодованіемъ Екатериною II, которая нашла дѣйствія Каменскаго произвольными, несомвѣстными съ закономъ (*). Онъ устранился отъ службы.

По вступленіи на Престолъ Императора Павла I (1796 г.), Михаилъ Ѳедотовичъ пожалованъ былъ, 24 Ноября, Командиромъ Финляндской дивизіи, съ переименованіемъ въ Генералъ отъ инфантеріи; ше-

(*) Государыня въ рескриптѣ своемъ Каховскому, отъ 5 Ноября 1791 г., помѣстила между прочимъ: «Изъ до-
«несенія вашего отъ 17 Октября извѣстились Мы съ
«неудовольствіемъ о странныхъ поступкахъ Генерала
«Каменскаго, который, по кончинѣ Главкомадовав-
«шаго арміею Нашею Генераль-Фельдмаршала Князя
«Потемкина-Таврическаго, собиралъ Генералитетъ для
«сужденія о такомъ дѣлѣ, въ коемъ воля покойнаго
«Фельдмаршала, изображенная въ данномъ вамъ орде-
«рѣ, долженствовала служить закономъ, пока Указомъ
«Нашимъ рѣшить благоволимъ. Весьма благоразумно
«опровергли вы оное сильнымъ и убѣдительнымъ пред-
«ставленіемъ помянутому Генералу, письменно вами
«учиненнымъ; и если не отказали вы ему формально
«отъ команды, имѣя право, по данному повелѣнію,
«взять оную тотчасъ по прибытіи вашемъ въ главную
«квартиру: то сіе относимъ единственно къ вашей
«умѣренности.»

фомъ Рязанскаго мушкатерскаго полка; награжденъ въ слѣдующемъ году орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго (4 Марта), жезломъ Фельдмаршальскимъ (5 Апрѣля), въ день коронаванія Государя, и Графскимъ достоинствомъ Россійской Имперіи, и вскорѣ, за *слабостію здоровья*, отставленъ, по прошенію, отъ службы (24 Дек. 1797 г.), съ ношеніемъ армейскаго мундира.

Объявлена была война Франціи и Графъ Каменской, съ званіемъ Члена Государственнаго Совѣта, получилъ отъ Императора Александра I (1806 г.) предводительство надъ арміею, какъ Полководецъ опытный, состарѣвшійся во браняхъ. Выборъ этотъ обрадовалъ всѣхъ Россіянъ. Знаменитый лирикъ нашъ Державинъ привѣтствовалъ природнаго Вождя прекрасными стихами, въ которыхъ называлъ его: *булатомъ, обдержаннымъ въ бояхъ, оставшимъ мечемъ Екатерины, камнемъ и именемъ и духомъ*; предвѣщалъ ему побѣду; но послѣдовавшія событія не оправдали этого ожиданія. 13 Декабря, на канунъ Пултускаго сраженія, Графъ Каменской, по приключившейся ему болѣзни, сложилъ съ себя командованіе арміею, поручилъ оную старшему Генералу и уѣхалъ въ Остреленку, донесъ о томъ Государю. Личное неудовольствіе было причиною толь неожиданнаго поступка. Уважая старость и заслуги, Императоръ великодушно простилъ порывъ оскорбленнаго самолюбія.

Живучи въ деревнѣ, Графъ Михаилъ Федотовичъ носилъ всегда куртку на зайчьемъ мѣху, покрытую голубою тафтой, съ завязками; желтыя мундирныя

штаны изъ сукна, ботфорты, а иногда коты, кожаный картузь; волосы связывалъ сзади веревочкою, въ видѣ пучка; ѣздилъ въ длинныхъ дрожкахъ пугомъ съ двумя форейторами; лакей сидѣлъ на козлахъ: они имѣли приказаніе не оборачиваться назадъ, но смотрѣть на дорогу. Этимъ воспользовался убійца, поджидавшій Фельдмаршала въ лѣсу за деревомъ: однимъ ударомъ топора разсѣкъ онъ черепъ его и половину языка, 12 Августа 1809 года. Трогательно описалъ смерть вождя могущихъ славный пѣвецъ нашъ Жуковскій.

Графъ Михаилъ Ѳедотовичъ Каменской былъ малаго роста, сухощавъ, широкъ въ плечахъ, крѣпкаго сложенія; лице имѣлъ кругловатое, пріятное, свѣжее, брови густыя; въ обхожденіи страненъ и вмѣстѣ ласковъ; любилъ говорить на отечественномъ языкѣ. Горячій, нетерпѣливый нравъ замѣнялся въ немъ примѣрною неустранимостью, пламеннымъ стремленіемъ къ славѣ, вѣрою и вѣрностію къ Церкви и Престолу. Суворовъ отзывался о Каменскомъ: *что онъ зналъ тактику*. Сегюръ въ своихъ Запискахъ хотя и называетъ его вспыльчивымъ, жестокимъ, но вмѣстѣ отдаетъ справедливость храбрости этого Полководца, который — какъ самъ изъяснялся — *никогда не боялся смерти*. Онъ покровительствовалъ безсмертному стихотворцу нашему Богдановичу и издалъ въ Москвѣ, 1778 года, первую книгу поэмы его: *Душенька*. Имя Каменскаго, какъ одного изъ главныхъ виновниковъ Кайнарджійскаго мира, не умереть въ потомствѣ.

У Графа Михаила Ѳедотовича было два сына,

оба Генералы отъ инфантеріи: старшій, оставившій потомство, Графъ Сергій Михайловичъ, кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невскаго, Св. Георгія второго класса и Св. Анны, овладѣль, въ 1810 году, Базарджикомъ, взялъ въ плѣнъ Сераскира Пегливана Пашу и около 2000 чел.; разбилъ подъ Шумлою тридцати-тысячный корпусъ Турецкій, обратилъ его въ бѣгство, положилъ на мѣсть до 6000 чел.; скончался въ 1835 году. Меньшой, Графъ Николай Михайловичъ, кавалеръ орденовъ: Св. Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Св. Георгія второго класса, Св. Владиміра первой степени и Св. Анны — заслужившій, въ молодыхъ лѣтахъ, отъ Суворова, на Альпійскихъ горахъ, названіе *старога Генерала*, прославилъ имя свое въ Финляндіи (1808 г.) двумя блистательными побѣдами, при Кауртанъ и у Оровайса; потомъ, команду Дунайской арміею (1810 г.), покорилъ Базарджикъ, Силистрію, Никополь; покушался взять приступомъ Рушукъ, но принужденъ былъ отступить съ потерею убитыми и ранеными до 8000 чел.; загладилъ, вслѣдъ за тѣмъ, неудачу свою поражениемъ Сераскира Кушанца-Али при Батынѣ, гдѣ овладѣлъ 14 пушками и взялъ въ плѣнъ пять тысячъ чело-вѣкъ, положивъ на мѣсть, ранеными и убитыми, до 10,000 чел.; принудилъ Рушукъ и Журжу сдаться на капитуляцію и, среди побѣдъ, скончался въ 1811 году, послѣ продолжительной, тяжелой болѣзни, на 35 году отъ рожденія.

Останки Фельдмаршала Графа Каменскаго преданы землѣ въ церкви принадлежавшаго ему села

Сабурова, Орловской губернии и уезда. Надъ нимъ и надъ прахомъ сына его, Графа Николая Михайловича, поставлены простые бѣлые камни безъ надгробныхъ надписей. Село перешло къ стороннему владѣльцу. Церковь угрожаетъ паденіемъ: умолкли въ ней пѣсни служителей алтаря. Еще нѣсколько лѣтъ, и однѣ развалины будутъ указывать мѣсто, гдѣ покоятся два героя!

Рис. П. Усановъ

Дюкъ Викторъ-Браницкскъ

БРОДЬО.

Литогр. М. Тюлева.

37-й

ГЕНЕРАЛЪ - ФЕЛДМАРШАЛЪ

ДЮКЪ БРОЛЬО.

=

Дюкъ Викторъ-Францискъ Брольо, сынъ и внукъ Маршаловъ Франціи (*), родился въ 1718 году и съ самыхъ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя военной службѣ: участвовалъ (1734 г.) подъ знаменами отца своего въ сраженіяхъ при Пармѣ и Гвасталлѣ; въ оборонѣ Праги отъ Австрійцевъ (1742 г.); одержалъ близъ Зандерсгаузена знаменитую побѣду въ 1758 году (11 Іюля) надъ Гессенскимъ Генераломъ Принцемъ Изенбургскимъ; овладѣлъ Гессенскимъ Княженіемъ; поразилъ съ 25,000 человекъ, 1 Апрѣля 1759 года, подъ Бергеномъ, сорокатысячную Ганноверскую армію, которою предводительствовалъ Принцъ Брауншвейгскій Фердинандъ, искуснѣйшій того вре-

(*) Брольо произошелъ отъ древней фамиліи Піемонтской.

мени Полководецъ: положилъ на мѣсть 6,000 человекъ; взялъ пять пушекъ, 2,000 чел. въ плѣнь. Въ числѣ убитыхъ находился Принцъ Изенбургскій. Императоръ возвелъ Брольо въ достоинство Имперскаго Князя; Лудовикъ XV прислалъ ему Маршальскій жезлъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Брольо вступилъ въ Геттингенъ; взялъ приступомъ Минденъ: принудилъ Генерала Застрова и 1,500 чел. положить оружіе (1759 г.); снова занялъ Гессенское Княженіе (1760 г.) и Ганноверское, гдѣ расположился на зимнихъ квартирахъ.

Въ слѣдующемъ году (1761), Принцъ Фердинандъ, подкрѣпленный Пруссаками, заставилъ Брольо отступить къ Франкфурту; но онъ, вскорѣ, напалъ близъ Гринберга (9 Марта) на наследнаго Принца, племянника Фердинанда, разсѣялъ его войска, взялъ болѣе 2,000 чел. въ плѣнь, отнялъ 13 орудій; принудилъ Ганноверцевъ оставить Гессенскія владѣнія; потомъ присоединился къ арміи Принца Субиза; напалъ, 3 Іюля, подъ Виллингсгаузеномъ, на правое крыло Фердинанда; имѣлъ, сначала, поверхность, но въ слѣдующій день, не получивъ достаточнаго подкрѣпленія отъ Субиза, принужденъ былъ отступить въ большомъ безпорядкѣ.

Между обоими Военачальниками произошло несогласіе: Субизъ пользовался покровительствомъ г-жи Помпадуръ, любовницы Лудовика XV и умѣлъ сложить всю вину на Брольо, подъ предлогомъ, будтобы, послѣдній, желая присвоить себѣ всю славу побѣдителя и увѣренный въ успѣхъ, не сообщилъ ему о своемъ намѣреніи атаковать неприятеля. Тщетно

противникъ увѣрялъ: что Субизъ, побуждаемый завистию, выдалъ его на жертву врагамъ—Правительство обвинило Брольо: онъ былъ лишенъ команды, удаленъ въ деревню; но и въ изгнаніи сохранилъ любовь и уваженіе соотечественниковъ (*).

По прошествіи нѣкотораго времени, Брольо рѣшился обратиться къ виновницъ его паденія. Г-жа Помпадуръ, помня какъ герой Бергенскій присылалъ ей реляціи о своихъ побѣдахъ, исходатайствовала ему позволеніе жить въ Парижѣ. Въ числѣ защитниковъ его у Двора находился Испанскій Посолъ; но Брольо, получивъ свободу, утратилъ прежнее значеніе и покорился обстоятельствамъ.

Кончина Лудовика XV (1774 г.) вывела Дюка Брольо на скользкое поприще царедворцевъ: ему ввѣрены были, потомъ, войска. Онъ поссорился съ военнымъ Министромъ, Дюкомъ Шоазелемъ, и во второй разъ лишенъ команды.

Смутное время революціи, при самомъ началѣ, сблизило несчастнаго Короля съ вѣрнымъ подданнымъ: Брольо наименованъ былъ военнымъ Министромъ, начальникомъ войскъ, назначенныхъ для усмиренія мятежной столицы; предложилъ Лудовику удалиться съ семействомъ въ Мецъ; вызывался проводить его въ сохранности; но Король предпочелъ совѣтъ друга своего, Дюка Ланкура, и, распустивъ

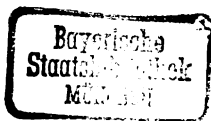
(*) Тогда представляла въ Парижѣ трагедію Вольтера *Танкредъ* и стихъ: *C'est le sort d'un héros d'être persécuté* (участъ героя терпѣть преслѣдованіе) излекъ общее рукоплесканіе въ честь невиннаго изгнанника.

солдатъ, предалъ себя *народному собранію* (1789 г.). Графъ д'Артуа удался изъ Франціи въ сопровожденіи Брельо, съ которымъ Лудовикъ принужденъ былъ разстаться, желая избавить его отъ суда. Вскорѣ добродѣтельный Монархъ кончилъ жизнь на эшафотѣ.

Тщетно Брельо старался вторгнуться во Францію съ отрядомъ эмигрантовъ. Онъ отправился въ Россію въ числѣ многихъ соотечественниковъ его, искавшихъ покровительства Императора Павла I; переименованъ въ Генераль-Фельдмаршалы нашихъ войскъ 26 Октября 1797 года. Брельо имѣлъ тогда 79 лѣтъ, но пылалъ еще усердіемъ и — какъ изъяснялся объ немъ Лудовикъ XVIII — съ *старой опытностью, соединялъ молодую храбрость*. Потерявъ надежду быть полезнымъ законному своему Монарху, почтенный военачальникъ испросилъ увольненіе (1799 г.) и мирно кончилъ дни свои въ Мюнстерѣ 1804 года, на 86 отъ рожденія.

Дюкъ Викторъ-Францискъ Брельо, пылкій, слишкомъ откровенный, отличался непоколебимою вѣрностью къ Престолу, примѣрною неустрашимостью; имѣлъ умъ образованный, ловкое, пріятное обращеніе въ обществахъ; былъ не всегда счастливъ на бранномъ полѣ, но побѣдами своими прославилъ оружіе единоземцевъ, которые отдають полную справедливость военнымъ его доблестямъ.

Конецъ второй части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Государствованіе Императрицы Екатерины II-й.

БІОГРАФІИ ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛОВЪ:

	Стран.
24. Графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина	1
25. Князя Александра Михайловича Голицына . . .	17
26. Графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго	25
27. Графа Захара Григорьевича Чернышева . . .	50
28. Князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго	56
29. Князя Александра Васильевича Италійскаго, Графа Суворова-Рымникскаго, 3-го Генералиссимуса	89

Государствованіе Императора Павла I-го.

БІОГРАФІИ ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛОВЪ:

30. Князя Николая Ивановича Салтыкова	198
31. Князя Николая Васильевича Репнина	204
32. Графа Ивана Григорьевича Чернышева	234
33. Графа Ивана Петровича Салтыкова	240
34. Графа Ивана Карповича Эльмта	247
35. Графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина	251
36. Графа Михаила Федотовича Каменскаго	255
37. Дюка Виктора-Франциска Брольо	265

Text

~~39108/28~~

39108/28

813/60

